

14542

ПРИЛОЖЕНІЕ

къ № 10 «Журнала Министерства Юстиці» (Декабрь 1901 г.)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗЪ

КРИМИНАЛИСТОВЪ.

РУССКАЯ ГРУППА.

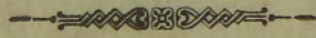
ТРЕТІЙ

СЪѢЗДЪ РУССКИХЪ КРИМИНАЛИСТОВЪ

ВЪ МОСКВѢ

(4, 5, 6 и 7 апрѣля 1901 г.).

Въ томъ 2

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1901.

14542

ПРИЛОЖЕНІЕ

къ № 10 «Журнала Министерства Юстиціи» (Декабрь 1901 г.).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗЪ
КРИМИНАЛИСТОВЪ.

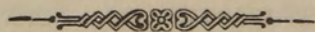
РУССКАЯ ГРУППА.

Материалъ,
ТРЕТІЙ

СЪѢЗДЪ РУССКИХЪ КРИМИНАЛИСТОВЪ

ВЪ МОСКВѢ

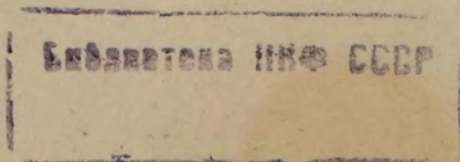
(4, 5, 6 и 7 апрѣля 1901 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1901.

5

МЕЖНАРОДНИЙ ЦЕНТР

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ

ЦЕНТР

71965

УЧЕБНИК

ПО МАТЕМАТИКЕ

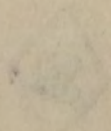
ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ

И НАЧАЛЬНИКОВ ШКОЛ

О. ИВАНОВА

МОСКВА

1961

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗЪ
КРИМИНАЛИСТОВЪ.

РУССКАЯ ГРУППА.

ТРЕТІЙ

СЪѢЗДЪ РУССКИХЪ КРИМИНАЛИСТОВЪ

въ Москвѣ

(4, 5, 6 и 7 апрѣля 1901 г.).

ЖУРНАЛЪ СЪѢЗДА.

I. Открытіе съѣзда.

Засѣданіе 4 апрѣля.

Засѣданіе открыто въ 12 ч. 35 м. дня въ торжественно убранномъ актовомъ залѣ Императорскаго Московскаго Университета председателемъ русской группы Международнаго союза криминалистовъ И. Я. Фойницкимъ, въ присутствіи г. Министра Юстиціи Н. В. Муравьева, г. директора Втораго Департамента Министерства Юстиціи Н. Д. Чаплина, г. ректора Московскаго Университета А. А. Тихомирова, Москвскаго городского головы князя В. М. Голицына, высшихъ представителей мѣстной администраціи, представителей вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи—О. К. Адеркаса, Московскаго Дамскаго благотворительно-тюремнаго комитета—В. С. Сатиной и Г. А. Мюленталя, Московскаго Мужскаго благотвори-

тельно-тюремного комитета—А. Б. Розенблюма и А. С. Потемкина, С.-Петербургскаго Мужскаго благотворительно-тюремнаго комитета Н. М. Боровитинова, кандидата предсѣдателя комитета группы М. В. Духовскаго, членовъ комитета С. К. Гогеля и Д. А. Дриля, кандидата въ члены комитета В. В. Микляшевскаго, 74 членовъ русской группы ¹⁾ и многочисленной публики.

Предсѣдатель группы *И. Я. Фойницкій* открылъ засѣданіе слѣдующею рѣчью:

„Мм. Гг. Русская группа криминалистовъ, третій съѣздъ которой начинается сегодня, есть составная часть Международнаго союза, но часть автономная, самобытно преслѣдующая цѣли, себѣ поставленныя. Наша связь съ союзомъ добровольная, основанная на убѣжденіи, что идти съ нимъ въ руку требуютъ наше достоинство и наши интересы. Союзъ не есть какая-либо отдѣльная школа или фракція уголовной науки; онъ охотно открываетъ доступъ къ себѣ всѣмъ направленіямъ. Тѣмъ не менѣе, на западѣ за членами союза уже установилась репутація реформаторовъ уголовной науки. Объясняется это частью тѣми началами, которыя легли въ основаніе учрежденія союза, частью послѣдовательностью въ проведеніи ихъ по всѣмъ отдѣламъ уголовной науки, постоянною строгою повѣркою ихъ и настойчивостью въ пропагандѣ ихъ среди юристовъ и всего общества. Судьѣ союзъ говорить: вы судите преступленіе,

¹⁾ Присутствовали члены группы: Н. В. Муравьевъ, П. И. Астровъ, В. И. Астровъ, Н. В. Баснинъ, о. І. И. Фудель, Е. З. Коновицеръ, П. П. Юшневскій, В. А. Маглаговъ, С. П. Яковлевъ, И. М. Матвѣевъ, Н. К. фонъ-Вендрихъ, Н. А. Осетровъ, Н. И. Сусоровъ, кн. В. М. Голицынъ, Н. В. Волковъ, Г. А. Мейтардъ, А. Я. Гартунгъ, П. Н. Малайновичъ, Н. Д. Чаплинъ, А. Н. Разумовскій, И. Т. Тарасовъ, М. М. Боровитиновъ, И. И. Гладкій, кн. А. А. Ливень, Г. Θ. Беттихеръ, А. С. Алексѣевъ, А. А. Пюнтковскій, В. Д. Набоковъ, А. С. Протасевъ, А. А. Жижиленко, С. И. Печкинъ, Д. Н. Загоскинъ, В. К. Вульфертъ, Г. С. Фельдштейнъ, Н. С. Кашкинъ, Л. Г. Харитоновъ, Л. Е. Владиміровъ, В. Л. Исаченко, А. А. Крюковъ, А. В. Витте, Н. М. Тэрианъ, гр. К. Н. Татищевъ, К. В. Рукавишниковъ, Н. В. Давыдовъ, Н. С. Таганцевъ, Я. В. Ливенсонъ, А. С. Скларъ, П. А. Минаковъ, Б. П. Марковъ, К. В. Шавровъ, С. И. Матвѣевъ, С. В. Познышевъ, Н. П. Дукельскій, Н. В. Тесленко, Н. Н. Соболевъ, В. И. Куриловъ, И. Д. Ждановъ, С. Ф. Саловъ, Е. Л. Ценкеръ, В. А. де-Плансонъ, В. И. Бомзе, М. И. Бомзе, Н. Антоновъ, М. П. Чубинскій, Г. Блохъ, К. М. Головня, Н. В. Баснинъ, П. А. Хотяинцевъ, Н. И. Шкоттъ, В. М. Шаланинъ, Е. Д. Синицкій, С. Д. Набоковъ, И. Я. Фойницкій, М. В. Духовской, В. В. Микляшевскій, С. К. Гогель, Д. А. Дриль, В. В. Пржевальскій, М. Н. Гернетъ, Н. И. Ржондковскій, Н. П. Полянскій, С. П. Мокринскій, А. Б. Розенблюмъ.

предусмотрѣнное и наказуемое уголовнымъ закономъ. Такова дѣйствительно ваша задача, и для удовлетворительнаго рѣшенія ея вы должны правильно примѣнить уголовный законъ; но не забывайте, что въ дѣйствительности вы имѣете передъ собою живаго человѣка, продуктъ множества самыхъ разнородныхъ факторовъ, и этого человѣка вы прежде всего должны понять и опредѣлить; помните, что мѣръ людей, вами судимыхъ, представляетъ безконечное разнообразіе, что нужно уяснить себѣ cadaго изъ нихъ, достигнуть же этого можно не умозрѣніемъ, а лишь тщательнымъ наблюдениемъ; помните, притомъ, что постановленіемъ вами приговора не заканчивается, а собственно лишь начинается новое для человѣка положеніе, вашимъ приговоромъ создаваемое, и потому отдайте себѣ ясный отчетъ о томъ, что такое наказаніе въ дѣйствительности, чего оно достигаетъ, и установите живую связь между судебною дѣятельностью и исполнительною. Только тогда примѣненіе вами уголовного закона будетъ дѣйствительно правильнымъ. Фемида, богиня юстиціи, преимущественно уголовной, изображалась древними съ повязкою на глазахъ; современная Фемида должна быть зрячая, прекрасно видящая какъ причины преступленія, такъ и послѣдствія приговора. Правителямъ государственнымъ союзъ рекомендуетъ примѣнять наказанія для борьбы съ преступленіемъ, выбирать такія именно мѣры наказанія, которыя пригодны для дѣйствительнаго одолженія преступленія, и помнить, что наказаніе—отнюдь не единственное средство, этой цѣли служащее, а потому его необходимо поставить въ близкую и дѣйствительную связь со всѣми такими средствами,—предупрежденіемъ преступленія, борьбою съ нищетою, патронатомъ и т. п. Идеи эти, конечно, не новы, каждая изъ нихъ въ отдѣльности давно высказывалась уже и въ твореніяхъ мыслителей, и въ памятникахъ законодательства. Но союзъ стремится свести ихъ въ цѣльную систему и, располагая выдающимися учеными силами всего міра, обосновать ихъ на почвѣ фактовъ, дать имъ надлежащее развитіе, поставить въ дѣйствительную связь съ ними научныя конструкціи и обезпечить имъ практическое примѣненіе. Такимъ углубленіемъ этихъ идей и настойчивостью въ проведеніи ихъ союзъ и заслужилъ титулъ реформатора уголовной науки, которая болѣе и болѣе подъ вліяніемъ его изъ чисто умозрительной превращается въ опытную и становится одною изъ отраслей обществовѣдѣнія.

„Съѣздъ русской группы союза въ этомъ году впервые собирается въ Петербурга, въ стѣнахъ Москвы, по любезному приглаше-

нію, нами отсюда полученному. По многимъ причинамъ, мы весьма охотно воспользовались этимъ приглашеніемъ. Москва имѣла уже у себя первый съѣздъ русскихъ юристовъ, имѣла и старѣйшее въ Россіи юридическое общество; въ качествѣ представителя вашего, я горжусь тѣмъ, что имя мое не чуждо этимъ обоимъ почтеннымъ начинаніямъ. Москва имѣетъ старѣйшій русскій университетъ, первоначальный планъ котораго начертанъ нашимъ великимъ Ломоносовымъ и проведенъ гр. Шуваловымъ, и въ немъ старѣйшій юридическій факультетъ, или, какъ онъ ранѣе назывался, „отдѣленіе нравственно-политическое“. Имена многихъ профессоровъ Московскаго университета дороги всей Россіи, и между ними были такіе колоссы, какъ Грановскій и Соловьевъ. Многочисленные питомцы Московскаго университета разсѣвали сѣмена знанія и добра на всемъ пространствѣ нашего отечества. Дорога намъ Москва и своими литературными силами, и практическими дѣятелями въ самыхъ разныхъ областяхъ общественности. Здѣсь, притомъ, на всякомъ шагѣ мы видимъ плоды этой дѣятельности: Рукавишниковскій пріютъ, Большевскій пріютъ, Третьяковская галерея и пр., и пр. Это доказываетъ на сторонѣ московскихъ дѣятелей не только твердое сознаніе идеи общественнаго блага, но и настойчивость въ проведеніи ея, что въ свою очередь, думается мнѣ, возможно только, когда чувствуются корни за предпринимаемыми начинаніями, когда имѣется подъ ногами прочная почва, подготовленная цѣлымъ рядомъ предшественниковъ, этихъ Мининыхъ въ дѣлѣ общественнаго служенія. О трехъ московскихъ дѣятеляхъ, соприкасавшихся съ интересующею насъ сферою общественныхъ явленій, вы услышите въ сегодняшнемъ засѣданіи отдѣльныя рѣчи; но, независимо отъ обще-человѣка Гааза, и Рукавишниковъ Николай, и скромно-неутомимый, мягко-стойкій, почтенной памяти Ровинскій, при всѣхъ огромныхъ ихъ заслугахъ, своимъ твердымъ доведеніемъ дѣла до конца несомнѣнно обязаны сознанію, что они имѣютъ подъ собою почву съ укрѣпившимися въ ней корнями всякаго добраго общественнаго начинанія—сознаніе, которое характеризуетъ московскихъ дѣятелей. Употребивъ, однако, вновь это выраженіе, я невольно останавливаюсь и спрашиваю себя: да есть ли въ самомъ дѣлѣ какіе-то особые московскіе дѣятели? Твердое сознаніе корней, имъ присущее, не превращаетъ ли ихъ въ дѣятелей обще-русскихъ, знамена и дѣла которыхъ заставляютъ биться въ унисонъ всѣ русскія сердца, такъ что грань между Москвою и Россією, между дѣломъ и дѣтелемъ московскимъ и обще-русскимъ, совершенно сглаживаетъ

ся, и понятія эти незамѣтно переходятъ одно въ другое? Припоминается мнѣ нечаянное опредѣленіе Москвы, слышанное мною почти 30 лѣтъ тому, въ 1872 г. Я былъ тогда, объѣзжая Англию и Ирландію, въ Ливерпулѣ. Тамъ на отвѣтъ мой, что я изъ Россіи, разговаривавшій со мною малообразованный англичанинъ сказалъ: „гдѣ это Россія? Ахъ, да, припоминаю: Россія въ Москвѣ“ („Where is Russia? Oh, yes, I remember: Russia is at Moscow“). Можетъ быть, и самое-то имя Москвы стало ему извѣстно потому, что ему пришлось читать или писать его на ящикахъ экспонатовъ, посланныхъ на бывшую тогда въ Москвѣ какую-то выставку, но все-же, невзначай и не сознавая того, этотъ невѣжественный британецъ сказалъ глубокую правду. Москва—не мѣстный пунктъ, а средоточіе всей русской мысли и русской воли. Здѣсь мы въ Россіи болѣе, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ мѣстѣ. Московскіе дѣятели—это дѣятели русскіе, имѣющіе корни въ своихъ общепользныхъ начинаніяхъ и вслѣдствіе того достигающіе успѣшныхъ результатовъ. Вотъ почему насъ глубоко радуется, что вопросъ такого огромнаго общественнаго значенія, какъ вопросъ о патронатѣ, ставится русскою группою впервые въ Москвѣ; мы не сомнѣваемся въ сочувственномъ къ нему отношеніи съѣзда и постановкою его на настоящемъ съѣздѣ передаемъ его въ надежныя руки. Вотъ, почему, естественно, и нашъ первый привѣтъ обращается къ Москвѣ, какъ средоточію Россіи, къ ея русскимъ святынямъ, къ ея русскимъ людямъ.

„Изъ отчета комитета, который вамъ будетъ представленъ въ сегодняшнемъ засѣданіи, вы познакомитесь съ ростомъ и дѣятельностью группы за истекшій годъ. Намъ пріятно отмѣтить, что уже послѣ заключенія отчета къ двумъ прежнимъ юридическимъ обществамъ, вошедшимъ въ составъ группы, именно Курскому и Ярославскому, ту же честь сдѣлало намъ Харьковское юридическое общество. Дѣятельность комитета за отчетный годъ, помимо дѣлъ текущихъ, была направлена, главнымъ образомъ, на подготовку настоящаго съѣзда, въ чемъ намъ огромное содѣйствіе оказали наши московскіе сочлены, образовавшіе изъ среды своей организаціонную комиссію, которая въ свою очередь выдѣлила изъ себя комиссію подготовительную. Самая программа съѣзда намѣчена еще прошлогоднимъ съѣздомъ, и для разрѣшенія вопросовъ, въ нее входящихъ, нашъ составъ пополняютъ гг. представители: отъ вѣдомства Императрицы Маріи—дѣйств. ст. сов. О. К. Адеркасъ, отъ Попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ—профессоръ В. И. Герье

отъ патроната при Рукавишниковскомъ пріютѣ А. А. Фидлеръ, отъ Спб. Мужскаго благотворительнаго тюремнаго комитета—М. М. Боровитиновъ, отъ Московскаго Дамскаго тюремнаго комитета—В. С. Сатина и Г. Л. Мюленталь, и отъ Московскаго Мужскаго благотворительнаго тюремнаго комитета гг. директоры Б. Н. Пенкинъ, А. С. Потемкинъ и А. Б. Розенблюмъ. Намъ радуется участіе въ этомъ дѣлѣ такихъ авторитетныхъ лицъ. Отъ имени русской группы привѣтствую васъ, гг. представители, и прошу вашей дѣятельной помощи, ибо только при ней возможно удовлетворительное рѣшеніе задачи, передъ нами стоящей.

„Наиболѣе важнымъ въ жизни нашей группы событіемъ за отчетный годъ мы обязаны нашему глубокоуважаемому сочлену Н. В. Муравьеву, постоянно, съ самаго основанія группы, оказывавшему и продолжающему оказывать намъ высокое просвѣщенное содѣйствіе. Возникшая въ средѣ Центрального комитета союза мысль устроить ближайшій международный съѣздъ въ Россіи комитетомъ нашей группы встрѣчена была весьма сочувственно, о чемъ я сообщилъ Николаю Валерьяновичу, который повергъ наше ходатайство на благовоззрѣніе Государя Императора. Его Императорское Величество соизволилъ весьма милостиво отнестись къ нему и разрѣшить созваніе международнаго съѣзда союза въ С.-Петербургѣ въ 1902 году, съ образованіемъ подъ моимъ предсѣдательствомъ особой организаціонной комисіи, въ составъ которой вошли представители разныхъ вѣдомствъ. Какъ-разъ въ настоящую минуту въ Парижѣ засѣдаетъ Центральный комитетъ союза, который окончательно установитъ время Петербургскаго съѣзда и программу его. Обязанность быть среди васъ лишила меня возможности лично принять участіе въ этомъ засѣданіи, но наши интересы на немъ достаточно обезпечены участіемъ замѣнившаго меня И. Г. Щегловитова. О результатахъ парижскаго засѣданія я надѣюсь сообщить вамъ еще до закрытія съѣзда.

„Предстоящая намъ въ такомъ скоромъ времени встрѣча и совмѣстная работа съ нашими западными сочленами сообщаютъ высокій интересъ ознакомленію, хотя бы въ сжатыхъ крупныхъ чертахъ, съ состояніемъ и прежнею дѣятельностью союза.

„Жизнь союза проявляется тремя его органами: международными съѣздами, центральнымъ комитетомъ и мѣстными группами.

„Международныхъ съѣздовъ союза до сихъ поръ было восемь: въ Брюсселѣ въ 1889 году, въ Бернѣ въ 1890, въ Христіаніи въ 1891, въ Парижѣ въ 1893, въ Антверпенѣ въ 1894, въ Линцѣ въ

1895, въ Лиссабонѣ въ 1897 и въ Будапештѣ въ 1899 г. Первоначально такіе съѣзды созывались ежегодно, но на съѣздѣ въ Христіаніи условлено было созывать ихъ каждые два года, для того, чтобы въ промежуточный годъ могли собираться мѣстныя группы. Исключеніе составилъ только Антверпенскій съѣздъ, созванный комитетомъ какъ-то на-спѣхъ по приглашенію бельгійскаго правительства принять участіе въ международномъ конгрессѣ патроната. Первый съѣздъ союза носилъ характеръ семейнаго собранія въ тѣсномъ кружкѣ немногихъ тогда членовъ союза; но уже второй съѣздъ, въ Бернѣ, открытъ президентомъ швейцарской конфедераціи м-г Ruchonnet, который состоялъ и почетнымъ предсѣдателемъ съѣзда, и съ той поры всѣ международные съѣзды союза открывались отъ имени правительства страны, въ которой они происходили.

„Работы съѣздовъ направились прежде всего къ разъясненію вопроса о различіи подпадающихъ дѣйствию уголовного закона на преступниковъ случая и преступниковъ закоренѣлыхъ, профессиональныхъ, такъ называемыхъ неисправимыхъ, и о мѣрахъ, которыя могутъ быть рекомендованы по отношенію къ каждой изъ этихъ категорій. Въ отношеніи преступниковъ случая уже на первомъ съѣздѣ единодушно принято было условное осужденіе; тогда же обращено вниманіе и на другія мѣры, пригодныя для замѣны краткосрочнаго заключенія, на сторонѣ котораго оказались многіе существенные недостатки. Къ этой же категоріи лицъ направлено было вниманіе съѣзда 1891 въ Христіаніи, которому представленъ тщательно обработанный докладъ о денежныхъ пеняхъ проф. Листа, рекомендовавшаго развитіе этого наказанія въ самостоятельную карательную мѣру, отнюдь не подлежащую при несостоятельности осужденнаго замѣнѣ заключеніемъ, и въ этихъ видахъ требовавшаго введенія дѣлимости пени въ самомъ приговорѣ, такъ чтобы ее можно было уплачивать частями. Съѣздъ принялъ всѣ эти предположенія. Равнымъ образомъ, со стороны союза проявлено живое вниманіе къ участи несовершеннолѣтнихъ, подпадающихъ дѣйствию уголовного закона. Бернскій съѣздъ, выслушавъ доклады мой и проф. Gauckler'a по этому предмету, почтилъ меня принятіемъ моихъ положеній, которыя еще ранѣе были заявлены мною на Брюссельскомъ съѣздѣ и которыя затѣмъ получили широкое признаніе и примѣненіе на международныхъ конгрессахъ о несовершеннолѣтнихъ и въ законодательныхъ работахъ; они выработаны были мною первоначально для пенитенціарной комисіи С.-Петербургскаго юридическаго общества, образованной въ виду предстоявшаго тогда въ С.-

Петербургѣ международнаго пенитенціарнаго конгресса. Къ участи несовершеннолѣтнихъ, именно къ процессуальному положенію ихъ, союзъ возвратился затѣмъ на Лиссабонскомъ съѣздѣ 1897 г.

„Другая категорія лицъ—преступники закоренѣлые—также съ самаго начала обратила на себя вниманіе союза; ею занимался, главнымъ образомъ, амстердамскій профессоръ van Hamel, криминалистъ съ оттѣнкомъ антропологической школы Ломброзо-Ферри, настаивавшій на признаніи неисправимыхъ преступниковъ и на установленіи для нихъ суроваго, беспощаднаго режима, до неопредѣленныхъ приговоровъ включительно, на съѣздахъ Брюссельскомъ, Бернскомъ, Парижскомъ и Антверпенскомъ. Но единодушія въ съѣздахъ предположенія его не находили; наиболѣе рѣшительный отпоръ встрѣтили они на Парижскомъ съѣздѣ 1893 г., гдѣ такой авторитетный дѣятель, какъ сенаторъ Vegenger, высказался рѣшительно противъ неопредѣленныхъ приговоровъ во имя цивилизаціи, и самъ van Hamel долженъ былъ признать, что собраніе настроено къ этой идеѣ враждебно. Тѣмъ болѣе необъяснимою представляется постановка для Антверпенскаго съѣзда 1894 г. уже частнаго вопроса—къ какимъ категоріямъ лицъ должна быть примѣняема система неопредѣленныхъ приговоровъ, какъ будто общій вопросъ о послѣднихъ получилъ утвердительное рѣшеніе. Впрочемъ, Антверпенскій съѣздъ былъ созванъ на-спѣхъ, имѣлъ какой-то случайный характеръ, и отчетовъ о немъ не появлялось; по крайней мѣрѣ, мнѣ они не извѣстны.

„Подвергались на съѣздахъ обсужденію и отдѣльные институты матеріальнаго уголовного права. Съѣздъ Парижскій подробно трактовалъ о наказуемости нищенства. На съѣздѣ Будапештскомъ происходили весьма интересныя пренія по вопросу о вліяніи старости на уголовную отвѣтственность. Линцскій съѣздъ въ программѣ своей имѣлъ вопросъ объ убійствѣ по половой страсти (Lustmord). Съѣздъ въ Христіаніи разсматривалъ вопросъ о мѣрахъ къ лучшему обезпеченію дѣйствительнаго полученія потерпѣвшимъ вознагражденія за причиненные ему преступнымъ дѣяніемъ вредъ и убытки и принялъ такую резолюцію: „законодатель долженъ болѣе, чѣмъ нынѣ, заботиться о дѣйствительномъ вознагражденіи потерпѣвшаго. Если виновный въ легкомъ имущественномъ проступкѣ своевременно вознаградитъ потерпѣвшаго, то слѣдуетъ воздержаться отъ обвиненія и наказанія; но въ случаяхъ рецидива положеніе это не примѣняется. Съѣздъ рекомендуетъ произвести изслѣдованіе, можетъ ли, и въ какихъ размѣрахъ, плата за арестантскій трудъ

(rescilium) быть обращена на вознаграждение потерпевшаго“. — На Лиссабонскомъ съѣздѣ дебатировался вопросъ о ссылкѣ, подогрѣтый защитникомъ ея Левелье, явившимся въ Португалію послѣ фіаско этой мѣры во Франціи. Лиссабонскій съѣздъ большинствомъ 38 голосовъ противъ 5 высказался въ пользу ссылки, несмотря на энергическія возраженія Ривьера противъ голосованія, по спорности вопроса. Будапештскій съѣздъ 1899 г. остановился на *traite des blanches*, одобрилъ резолюцію, принятую созывавшимся по этому постыдному явленію нашего времени конгрессомъ въ Лондонѣ, и возложилъ на свой комитетъ войти въ сношенія съ правительствами для противодѣйствія ему на почвѣ международной путемъ законодательныхъ актовъ и административныхъ распоряженій въ отдѣльныхъ государствахъ.

„Касались съѣзды и вопросовъ процессуальныхъ. На Линцскомъ съѣздѣ обсуждался вопросъ о расширеніи суммарнаго производства по уголовнымъ дѣламъ, оставшійся, однако, безъ разрѣшенія. Въ программу Будапештскаго съѣзда 1899 г. входилъ вопросъ о состязательности на предварительномъ слѣдствіи; обнаружилось здѣсь въ высшей степени любопытное явленіе, что французскій законъ 8 декабря 1897 г. не нашелъ среди присутствовавшихъ на съѣздѣ французовъ ни одного защитника; всѣ они, напротивъ, высказались о немъ отрицательно. Изъ дебатовъ выяснилось, что Rgins предлагалъ англійскую систему, нѣмецкіе юристы склонялись къ передачѣ предварительнаго слѣдствія прокуратурѣ и значительное большинство ихъ (Zucker, Kronesker и др.), высказались, что предварительное слѣдствіе, какъ производство не судебное, не можетъ быть состязательнымъ. Въ виду разнорѣчія мнѣній, голосованія по этому вопросу не было.

„Кромѣ того, съѣзды союза подвергали обсужденію и вопросы, входящіе, собственно, въ дисциплины, примыкающія къ уголовному праву; такъ, въ программу Линцскаго съѣзда вошелъ и подвергался оживленному обсужденію вопросъ о подготовкѣ криминалистовъ-практиковъ, т. е. одинъ изъ вопросовъ юридическаго преподаванія; постановка его вызвана была работами д-ра Grosz'a.

„Наименѣе удачными для съѣздовъ оказывались вопросы отвлеченнаго, теоретическаго характера. Такъ, внесенный въ программу Парижскаго съѣзда вопросъ о томъ, какое вліяніе новѣйшія соціологическія и антропологическія изслѣдованія имѣютъ на положенія уголовного права, остался совсѣмъ безъ обсужденія, несмотря даже на то, что по нему напечатанъ былъ подробный докладъ

проф. Листа, гдѣ имъ изложены взгляды, позднѣе повторенные имъ въ ставшей знаменитою рѣчи, которая была сказана на Мюнхенскомъ психологическомъ съѣздѣ. Почти такова же была судьба внесеннаго въ программу Лиссабонскаго съѣзда вопроса о понятіи моральной и уголовной отвѣтственности; хотя онъ обсуждался, но оставленъ безъ голосованія; замѣтимъ, что проф. Листъ здѣсь отказался отъ критерія вмѣняемости, который предложенъ былъ имъ на Мюнхенскомъ психологическомъ съѣздѣ, и призналъ, что при настоящемъ состояніи знаній вопросъ этотъ не разрѣшимъ. То же случилось съ вопросомъ о нарушеніяхъ (*contraventions*), опредѣленіи понятія ихъ, наказуемости и производства, внесенномъ сперва въ программу Лиссабонскаго съѣзда, а потомъ и Будапештскаго. Передъ послѣднимъ онъ былъ разработанъ предварительно германскою группою при дѣятельномъ участіи проф. Листа, усвоившаго ему оттѣнокъ антропологической школы Ломброзо-Ферри-Гарофало и добивавшагося опредѣленія понятія нарушенія для того, чтобы въ принципѣ отличить его отъ преступленія, въ естественномъ смыслѣ. На Будапештскомъ съѣздѣ предложенныя опредѣленія нарушенія, какъ особаго самостоятельнаго понятія, оказались крайне разнообразными, а Prins и van Hamel находили даже, что въ принципѣ этого различія нѣтъ и что, въ сущности, для уголовной науки важно не дѣяніе, а дѣятель. Prins добавилъ, что главнѣйшій интересъ съѣздовъ—обмѣнъ мнѣній, что слѣдуетъ всячески избѣгать резолюцій случайныхъ, и во всякомъ случаѣ не дѣло съѣздовъ давать опредѣленія научныхъ понятій. Послѣ того van Hamel предложилъ воздержаться отъ всякаго голосованія, что и было принято.

„Таково, въ сжатыхъ чертахъ, содержаніе вопросовъ, разсматривавшихся на бывшихъ донинѣ международныхъ съѣздахъ союза. Можетъ возникнуть вопросъ, какое же значеніе имѣютъ принятые съѣздами резолюціи, въ частности, обязательны ли онѣ для всѣхъ членовъ союза? При притязаніи на обязательность, участіе въ союзѣ оказалось бы не облегченіемъ научныхъ изслѣдованій, а крайне нежелательнымъ стѣсненіемъ научной свободы. Всѣ тѣ укеры въ догматизмѣ, въ неумѣстности символа вѣры въ научной области, которые высказывались противъ первоначальной редакціи статута союза, можно бы было повторить противъ резолюцій съѣздовъ. По справедливому замѣчанію проф. Принса, международные съѣзды дороги, главнымъ образомъ, происходящимъ на нихъ живымъ обмѣномъ мнѣній, открываемою ими возможностью личныхъ сношеній и облегченіемъ ихъ, а не своими резолюціями. Конечно, и резолюціи

имѣютъ опредѣленное значеніе. Съ одной стороны, онѣ указываютъ настроеніе собранія, намѣчаютъ, какія мнѣнія были въ немъ господствующими. Съ другой—и по содержанію своему онѣ могутъ представлять иногда высокій интересъ, могутъ согласоваться съ нашими собственными мыслями, и тогда представляются и положительно полезными. Словомъ, о принятіи ихъ возможна рѣчь, *auctoritate rationis*, а не *ratione auctoritatis*. Каждая группа, каждый отдѣльный членъ союза, по отношенію къ послѣднему сохраняютъ полную самостоятельность.

„Другой органъ союза—Центральный комитетъ. Согласно Лиссабонской редакціи статута, его образуютъ: предсѣдатель послѣдняго международнаго съѣзда, признаваемый предсѣдателемъ союза до будущаго съѣзда; три члена по выбору послѣдняго международнаго съѣзда; ими безсмѣнно съ основанія союза избирались проф. Листъ, Prins и van Hamel; наконецъ, предсѣдатели мѣстныхъ группъ, а при отсутствіи организованныхъ группъ въ данной странѣ—одинъ изъ ея членовъ союза по выбору Центрального комитета. Ежегодно Центральный комитетъ собирается въ Парижѣ или въ Берлинѣ, по очереди, въ прочее время сношенія между членами комитета происходятъ письменно. На обязанности комитета лежитъ подготовленіе программы международныхъ съѣздовъ, печатаніе бюллетеней союза и исполненіе порученій, возлагаемыхъ на него съѣздами. Такъ, комитетъ основалъ и ведетъ фондъ Гольцендорфа; началъ и закончилъ изданіе сравнительнаго уголовного законодательства въ двухъ томахъ; заботится о помѣщеніи въ бюллетеняхъ, кромѣ отчетовъ о международныхъ съѣздахъ, и матеріаловъ о мѣстныхъ группахъ, свѣдѣній о состояніи уголовного законодательства, иногда давая переводы цѣлыхъ кодексовъ или проектовъ ихъ, о научныхъ направленіяхъ и пр.

„Третьимъ органомъ союза являются мѣстныя группы. Для дѣла союза и международныхъ съѣздовъ его онѣ, несомнѣнно, имѣютъ крупное значеніе. Весьма пріятнымъ по этому признакомъ представляется постепенное увеличеніе ихъ числа. По свѣдѣніямъ, опубликованнымъ въ № 1 бюллетеней союза за настоящій годъ, союзъ имѣетъ уже 10 организованныхъ мѣстныхъ группъ, а именно: бельгійскую, венгерскую, германскую, датскую, кроатскую, норвежскую, португальскую, русскую, французскую и швейцарскую. Число же всѣхъ членовъ союза достигло по этимъ свѣдѣніямъ 822, принадлежавшихъ 25 государствамъ. Всего болѣе союзъ имѣлъ членовъ въ Германіи (203), въ Россіи (121), Даніи (92) и Франціи (61); за

ними идутъ Португалія (49), Венгрія (41), Австрія (37), Швейцарія (36), Норвегія (33), Кроатія (32), Голландія (31); въ прочихъ государствахъ число членовъ союза было менѣе, чѣмъ по двадцати въ каждомъ. „Такимъ образомъ уже къ началу текущаго года по численности членовъ союза намъ принадлежало второе мѣсто; съ того же времени нашъ составъ значительно увеличился. Такъ что русская группа обнаруживаетъ весьма сильное стремленіе къ росту, превысивъ уже количествомъ своихъ членовъ германскую группу. Свидѣтельствуя о возрастающемъ у насъ интересѣ къ задачамъ союза, такое возрастаніе численности группы, будемъ надѣяться, представляется залогомъ дѣятельнаго участія, которое русскіе члены примутъ въ международномъ съѣздѣ 1902 г. Для того, чтобы участіе это было полезнымъ и не безрезультатнымъ, какъ во всякой прочной организаціи, требуется подготовленность его. Комитетомъ группы и С.-Петербургскимъ юридическимъ обществомъ уже учреждена Соединенная коммисія по разработкѣ вопросовъ программы съѣзда, состоящая подъ моимъ предсѣдательствомъ. Отъ имени ея заявляю, что она предлагаетъ посильное содѣйствіе каждому, въ ней нуждающемуся, и проситъ о доставленіи ей своихъ трудовъ по съѣзду.

„Закончивъ эти необходимыя предварительныя объясненія, имѣю честь объявить III-й съѣздъ русскихъ криминалистовъ открытымъ“.

По предложенію И. Я. Фойницкаго, единогласно избраны, при рукоплесканіяхъ присутствующихъ, въ предсѣдатели съѣзда: К. В. Рукавишниковъ, Н. С. Таганцевъ и князь В. М. Голицынъ, въ вице-предсѣдатели съѣзда Н. В. Давыдовъ, А. А. Алексѣевъ, С. И. Печкинъ и А. А. Крюковъ, а въ секретари съѣзда В. В. Пржевальскій, М. Н. Гернетъ, С. П. Мокринскій, Н. И. Полянскій и Н. И. Ржондковскій, съ участіемъ члена комитета С. К. Гогеля, исполняющаго секретарскія по комитету обязанности.

Московскій городской голова князь *В. М. Голицынъ* отъ имени Московскаго городского общественнаго управленія привѣтствовалъ съѣздъ слѣдующею рѣчью:

„Глубоко признательна Москва русскимъ криминалистамъ за созваніе 3-го ихъ съѣзда подъ сѣнью ея, старѣйшаго въ Россіи, университета. Всякій съѣздъ, имѣющій цѣлью живой обмѣнъ мыслей между труженниками знанія, всегда вызываетъ искреннее сочувствіе общества. Оно видитъ въ этомъ обмѣнѣ, въ этомъ свободномъ общеніи, надежный путь къ развитію и совершенствованію знанія и его приложенія къ жизни общества и государства. Эти задачи въ настоящемъ съѣздѣ тѣмъ болѣе внушаютъ довѣріе и уваженіе

общества, что съѣздъ является собою лишь отрасль крупнаго международнаго учрежденія, созданнаго служителями знанія во имя общечеловѣческой правды, чуждой всякаго политическаго соперничества и національной вражды.

„Мы видимъ здѣсь собравшихся для совмѣстнаго труда, для взаимнаго общенія, дѣятелей слова, преподающихъ основы знанія готовящимся къ трудовой жизни поколѣнїямъ, дѣятелей правосудія, вершающихъ судьбу людей, отвѣтственныхъ передъ закономъ или принимающихъ на себя защиту ихъ передъ судомъ, дѣятелей челоуѣколюбїа, заботящихся о томъ, кого покаралъ законъ и общественная совѣсть. Это объединеніе во имя одной цѣли, эта общность стремленій къ достиженію ея путемъ свободнаго обмѣна мыслей и взглядовъ, служатъ въ глазахъ общества краснорѣчивымъ залогомъ успѣха и плодотворности общаго, совмѣстнаго труда.

„Московское городское общество высказываетъ искреннія пожеланія о томъ, чтобы трудъ этотъ послужилъ къ пользѣ правды и правомѣрія, чтобы онъ способствовалъ къ правильному уразумѣнію общественнымъ сознаниемъ истинныхъ задачъ суда и судебной кары и упрочилъ челоуѣколюбивое отношеніе къ тѣмъ, кого постигла эта кара“.

Ректоръ университета *проф. А. А. Тихоміровъ* привѣтствовалъ съѣздъ отъ имени Императорскаго Московскаго университета.

Деканъ юридическаго факультета профессоръ *А. С. Алексѣевъ* обратился къ съѣзду съ такимъ привѣтствїемъ.

„Московскій юридическїй факультетъ, отъ имени котораго я имѣю честь привѣтствовать настоящій съѣздъ русскихъ криминалистовъ, не можетъ не усмотрѣть въ созывѣ этого съѣзда глубоко знаменательнаго явленія въ нашей научно-общественной жизни.

„Всякїй, слѣдившїй за развитїемъ русской юридической науки за послѣдніа двадцать лѣтъ, не могъ не отмѣтить того сѣраго и тусклаго тона, которымъ это развитіе чуть ли не сплошь было окрашено. Замкнувшись почти исключительно въ наши юридическіе факультеты, оно испытало на себѣ вліяніе тѣхъ условій, при которыхъ жили эти факультеты.

„Отдаленная отъ запросовъ общественной жизни, служа по преимуществу текущимъ интересамъ университетскаго преподаванія, русская юридическая наука почти цѣликомъ ушла въ магистерскїа и докторскїа диссертациа, руководства и учебники, скромные осадки педагогической дѣятельности нашихъ университетскихъ преподавателей. И между тѣмъ, какъ другїе факультеты расширились и раз-

вѣтвлялись, обростали цѣлымъ рядомъ новыхъ богато обставленныхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, вызывали къ жизни новыя ученныя общества, созывали съѣзды и конгрессы, юридическій факультетъ все болѣе и болѣе отставалъ отъ этого всеобщаго поступательнаго движенія. И въ настоящее время юридическіе факультеты, самые многочисленные по составу своихъ слушателей, являются самыми скромными по числу своихъ преподавателей и выпускаемыхъ ими трудовъ и самыми бѣдными по количеству состоящихъ при нихъ ученыхъ обществъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденій.

„Здѣсь не мѣсто и теперь не время разбираться въ причинахъ этого явленія. Я указываю лишь на общій темный фонъ картины, чтобы на немъ рѣзче выступила та свѣтлая точка, которою является сегодняшнее торжество. Я упоминаю объ общихъ сумеркахъ, чтобы ярче отмѣтить пробивающійся черезъ эти сумерки свѣтлый лучъ—созваніе настоящаго съѣзда, который ставитъ себѣ цѣлью—сблизить право съ обществовѣдѣніемъ и объединить всѣхъ вообще юристовъ въ общей работѣ на пользу роднаго права. Съѣздъ, имѣющій такую цѣль, это праздникъ для русской юридической науки, праздникъ, наступившій послѣ длинныхъ буденъ. Но если будни тянулись долго и, можетъ быть, слишкомъ долго, то менѣе всего основанія винить въ этомъ московскій юридическій факультетъ. И стоитъ только оглянуться назадъ и вспомнить его прошедшее, чтобы убѣдиться, что не кто иной, какъ именно московскій юридическій факультетъ былъ инициаторомъ того дѣла, продолжателемъ котораго является настоящій съѣздъ. Впервые мысль о юридическихъ съѣздахъ была высказана московскимъ профессоромъ уголовного права С. И. Баршевымъ. Встрѣченная всеобщимъ сочувствіемъ, она вызвала постановленіе Московскаго юридическаго общества отъ 18 сентября 1872 г., въ силу котораго была образована коммисія для разработки проекта перваго съѣзда русскихъ юристовъ. Предложенный этой коммисіей проектъ былъ одобренъ правительствомъ, и 5 іюня 1875 г. первый съѣздъ русскихъ юристовъ открылъ свои засѣданія. Въ программу его занятій вошли вопросы уголовного права, гражданскаго права и торговаго права, а авторами докладовъ явились Баршевъ, Лешковъ, Калачовъ, Книримъ, Зарудный, Спасовичъ, Таганцевъ, Фойницкій, Муравьевъ и многіе другіе. Эти имена служили ручательствомъ серьезности и плодотворности трудовъ съѣзда. Ободренный своимъ заслуженнымъ успѣхомъ первый съѣздъ постановилъ въ своемъ послѣднемъ засѣданіи собираться ежегодно и на-

значиль мѣстомъ ближайшаго съѣзда Петербургъ. Ожиданіямъ этимъ не суждено было, однако, исполниться, и прошелъ длинный рядъ годовъ прежде, чѣмъ возродилось начатое московскимъ юридическимъ факультетомъ благое дѣло.

„Будемъ же надѣяться, что оно теперь возродилось не для того, чтобы снова заглухнуть, будемъ надѣяться, что съѣздъ русскихъ криминалистовъ дастъ начало новымъ съѣздамъ съ болѣе обширной программой и съ еще болѣе широкими задачами, будемъ надѣяться, что мысль, зародившаяся въ средѣ московскаго юридическаго факультета четверть вѣка тому назадъ, найдетъ себѣ, наконецъ, осуществленіе и что наступитъ время для болѣе частаго и для болѣе тѣснаго и живаго общенія всѣхъ дѣятелей на нивѣ русской юридической науки. Безъ такого общенія, безъ такой совмѣстной работы теоретиковъ и людей практической жизни, разрозненные труды отдѣльныхъ юристовъ останутся безсильными и безплодными. Юридическія науки не могутъ замыкаться въ аудиторіяхъ и кабинетахъ; онѣ, будучи прежде всего науками общественными, должны, чтобы зрѣть и развиваться, выйти на свѣжій воздухъ общественной жизни, сочтаться съ ней, прислушиваться къ ея требованіямъ и отвѣчать на ея запросы. И московскій юридическій факультетъ привѣтствуетъ настоящій съѣздъ именно какъ такой органъ сближенія науки съ жизнью и какъ носителя идей и традицій, завѣщанныхъ дѣятелями перваго съѣзда русскихъ юристовъ, тѣми благородными и просвѣщенными дѣятелями, которые видѣли въ служеніи наукѣ общественную службу и которые разрабатывали право и преподавали право, чтобы служить правдѣ и учить правдѣ“.

Предсѣдатель Московскаго окружнаго суда *Н. В. Давыдовъ* привѣтствовалъ съѣздъ отъ лица магистратуры, прокуратуры и адвокатуры Московскаго округа:

„Въ качествѣ предсѣдателя Московскаго окружнаго суда, отъ судебного вѣдомства Московскаго округа—нераздѣльно отъ магистратуры, прокуратуры и адвокатуры, функціи которыхъ, хотя и разны на судѣ, но общи въ главной задачѣ и цѣли правосудія,—привѣтствую открывшійся Московскій съѣздъ русской группы Международнаго союза криминалистовъ.“

„Для всѣхъ насъ, судебныхъ дѣятелей, убѣжденно ставшихъ на это поприще, открытіе съѣзда криминалистовъ важно и радостно. На съѣздѣ мы видимъ непосредственное сближеніе въ лицѣ ихъ представителей науки, судебной практики и общественнаго дѣла, ближайше связаннаго съ судомъ, а между тѣмъ лишь дѣйствитель-

ное единение науки, закона и жизни можетъ правильно, по широкому пути культуры вести впередъ столь важную отрасль государственно-общественной дѣятельности, какъ уголовный судъ.

„Почтенный деканъ нашего юридическаго факультета въ привѣтствіи своемъ указывалъ на важность для людей науки сближенія ихъ съ людьми жизни. Для насъ, судебныхъ практиковъ, это сближеніе еще болѣе нужно и дорого. Дѣятельность наша не можетъ нормироваться только закономъ,—источникомъ ея, вдохновителемъ часто должна быть наука, намъ приходится, такъ сказать, творить право. Уголовное право и законодательство не представляются чѣмъ-либо незыблемымъ, положенія ихъ не кристаллизировались на вѣки въ извѣстныхъ формахъ, напротивъ, уголовное право—живой организмъ; онъ растетъ и развивается въ зависимости отъ условій времени и мѣста; а за правомъ мѣняется и законодательство. Жизнь и практика указываютъ намъ, что именно въ данное время подлежитъ измѣненію, отмѣнѣ или дополненію въ постановленіяхъ дѣйствующаго карательнаго или предупредительнаго закона; наука, безстрашно вооружившись критикой, повѣряетъ и обсуждаетъ цѣлесообразность и внутренній смыслъ предъявленныхъ жизнью требованій, иное авторитетно устраняетъ, а остальному даетъ необходимую форму; государственная власть освящаетъ это требованіе науки въ видѣ велѣній закона, которыя, наконецъ, въ рукахъ насъ, практиковъ, получаютъ полное осуществленіе.

„Не такъ ли стоитъ интересующее всѣхъ насъ дѣло условнаго осужденія, инициатива поднятія котораго принадлежитъ бывшимъ съѣздамъ русскихъ криминалистовъ? Не съѣзду ли мы обязаны далѣе возбужденіемъ и дѣющейся по нынѣ научной разработкой вопроса объ условномъ досрочномъ освобожденіи осужденныхъ, дающей, въ виду ея серьезности надежду на вступленіе этого института и у насъ въ область положительнаго права? Да не только эти два вопроса! Достаточно взглянуть на программу настоящаго съѣзда для того, чтобы убѣдиться въ важности, юридическомъ интересѣ и жизненности поставленныхъ имъ себѣ задачъ.

„У насъ въ Россіи, особливо на судебномъ поприщѣ, пока еще мало учреждений, объединяющихъ во взаимномъ трудѣ людей науки и жизни, а потому мы и радуемся сугубо открытію настоящаго съѣзда.

„Русская группа союза криминалистовъ существуетъ съ 1897 года и уже дважды собирала своихъ членовъ, но въ Москвѣ съѣздъ ея открывается впервые. Москва во многомъ является центромъ почти

всей средней полосы Имперіи, Московскій университетъ—старѣйшій и богатѣйшій изъ существующихъ, Московскій судебный округъ—наибольшій по сравненію съ другими, нигдѣ, какъ въ Москвѣ не развита такъ общественно-благотворительная дѣятельность, а потому избраніе Москвы мѣстомъ нынѣшняго съѣзда даетъ возможность присутствованію на немъ большому контингенту компетентныхъ лицъ, создавая тѣмъ наиболѣе желательныя условія для него.

„Еще разъ привѣтствую открывшійся въ Москвѣ съѣздъ и желаю ему возможно плодотворной дѣятельности, одухотворенной принципами гуманности и науки“.

Кандидатъ предсѣдателя комитета *М. В. Духовской* прочелъ привѣтственную телеграмму Харьковскаго юридическаго общества, которая и была сочувственно принята съѣздомъ.

И. Я. Фойницкій отъ имени комитета группы и съѣзда благодарилъ всѣ учрежденія и всѣхъ лицъ, принесшихъ привѣтствія, за теплую встрѣчу.

Затѣмъ секретарь комитета *С. К. Гоель* прочелъ слѣдующій отчетъ комитета русской группы за 1900-й годъ:

„За третій истекшій годъ существованія Русская Группа во всѣхъ отношеніяхъ упрочила и свое положеніе, и свое значеніе среди русскаго общества. Составъ общества значительно усилился, главнымъ образомъ благодаря вступленію болѣе тридцати членовъ московскихъ, и въ общемъ достигъ къ 1 января 1901 г.—121 членовъ, тогда какъ къ 1 января 1900 г. въ составѣ общества числилось всего 74 человекъ.“

Новые московскіе члены, среди которыхъ имѣются юристы и медики, какъ теоретики, такъ и практики, своимъ вступленіемъ значительно оживили дѣятельность группы, представивъ рядъ докладовъ для предстоящаго въ Москвѣ очереднаго съѣзда группы и образовавъ особую Московскую подготовительную комиссію для принятія всѣхъ необходимыхъ мѣръ къ устройству этого съѣзда. Такая живая дѣятельность новыхъ московскихъ членовъ указываетъ на возможность образованія въ неотдаленномъ будущемъ особыхъ отдѣленій русской группы въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи, съ предоставленіемъ имъ самостоятельности, какая окажется возможною и желательною по указаніямъ опыта.

Дѣятельность группы за отчетный годъ выразилась въ слѣдующемъ.

Созванный на 17, 18 и 19 февраля 1900 г. въ Петербургъ вто-

рой съѣздъ криминалистовъ русской группы собралъ не только петербуржцевъ, но и многихъ иногороднихъ членовъ.

Всѣ три предложенные для съѣзда вопроса: а) о случайныхъ преступникахъ, какъ особой разновидности преступности и о мѣрахъ борьбы съ ними; б) о желательности и возможности введенія въ Россіи условнаго досрочнаго освобожденія, и в) о тѣхъ измѣненіяхъ въ дѣйствующихъ русскихъ законахъ, которые необходимы для защиты дѣтства отъ злоупотребленій и безпризорности,—подвергнуты были на съѣздѣ подробному обсужденію, послѣдній—при участіи въ высшей степени цѣнномъ делегатовъ отъ Попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ, отъ Вѣдомства Императрицы Маріи и отъ Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ Б. Х. Вольфа, барона Н. А. Витте, Е. Д. Максимова, В. Н. Герарда, А. К. Бороздина, Б. Л. Гершуна, И. Д. Кудрявцева, Д. А. Левина, П. А. Блока, П. А. Перетца, А. Г. Алексѣева, Л. Н. Целени и В. В. Святловскаго. Полное и всестороннее обсужденіе предложенныхъ вопросовъ дало возможность съѣзду дать по каждому изъ нихъ соотвѣтствующіе отвѣты.

По первому вопросу состоялась такая резолюція:

„1) Съѣздъ находитъ, что соображенія справедливости и интересы общежитія настойчиво требуютъ, чтобы изъ общей массы осуждаемыхъ были выдѣляемы новички на преступномъ пути, которые, впадъ въ преступленіе по молодости, неопытности, переходящему извинительному увлеченію или вообще по стеченію несчастно сложившихся обстоятельствъ, заслуживаютъ возможно большаго снисхожденія, и по отношенію къ которымъ примѣненіе обычныхъ карательныхъ мѣръ представляется нецѣлесообразнымъ.

2) Не касаясь пока конструкціи, которая могла бы быть сообщена этой идеѣ въ постановленіяхъ кодексовъ объ общемъ и особенныхъ составахъ преступленія, съѣздъ высказываетъ убѣжденіе въ практической возможности и необходимости нынѣ же принять ее во вниманіе при опредѣленіи размѣровъ отвѣтственности, а также для установленія спеціальныхъ карательныхъ мѣръ или особыхъ пріемовъ въ порядкѣ исполненія наказаній“.

По второму вопросу съѣздомъ окончательно приняты слѣдующія положенія:

„1) Признавая въ высшей степени желательнымъ и необходимымъ введеніе условнаго досрочнаго освобожденія въ Россіи, благодѣтельность котораго доказана опытомъ многихъ государствъ, съѣздъ находитъ осуществленіе этой мѣры вполне возможнымъ.

2) Право примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія по почину мѣстнаго тюремнаго начальства принадлежитъ мѣстной судебной власти при участіи прокурорскаго надзора.

3) Прекращеніе условнаго досрочнаго освобожденія принадлежитъ мѣстной судебной власти въ особо установленномъ порядкѣ“.

По третьему вопросу состоялась слѣдующая резолюція:

„Признавая, что принятіе мѣръ къ охранѣ дѣтства вызывается неотложными требованіями дѣйствительной жизни, съѣздъ Русской Группы Международнаго союза криминалистовъ находитъ возможнымъ и необходимымъ, въ огражденіе интересовъ малолѣтнихъ, предложить слѣдующія мѣры:

1) Допустить лишеніе, по суду, родителей ихъ родительской власти во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда родители жестоко обращаются съ дѣтьми, забрасываютъ ихъ нравственное воспитаніе или развращаютъ ихъ, съ замѣною родительской власти опекою на общемъ основаніи или же попеченіемъ посторонней семьи или исправительно-воспитательныхъ заведеній, при чемъ опекунскому начальнику можетъ быть предоставлено возбужденіе этого вопроса, а принятіе предварительныхъ мѣръ къ охранѣ дѣтскихъ интересовъ, съ установленіемъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможно широкаго почина въ возбужденіи вопроса объ ограниченіи или лишеніи родителей ихъ родительской власти, предоставивъ возбужденіе этого вопроса не только матери, но и другимъ ближайшимъ родственникамъ, а также учрежденіямъ, преслѣдующимъ задачи дѣтскаго призрѣнія и защиты.

2) Родительская власть можетъ быть, съ согласія родителей, перенесена на установленія призрѣнія, принявшія на свое попеченіе несовершеннолѣтняго, пока послѣдній находится подъ такимъ попеченіемъ.

3) Опреѣливъ отвѣтственность за злоупотребленіе власти надъ дѣтьми, въ предѣлахъ, установленныхъ проектомъ уголовнаго уложенія (ст. 361), съ тѣмъ лишь измѣненіемъ, чтобы злоупотребленіе властью и въ отношеніи одного ребенка, факультативно, по усмотрѣнію суда, могло влечь за собою лишеніе виновнаго власти и въ отношеніи остальныхъ дѣтей, ввѣренныхъ попеченію или надзору даннаго лица, предоставить суду, при разсмотрѣніи дѣлъ о злоупотребленіи властью надъ малолѣтними, право лишенія виновнаго этой власти надъ потерпѣвшимъ, въ видѣ послѣдствія уголовнаго осужденія за дѣяніе, грозящее нравственности или матеріальнымъ интересамъ ребенка, съ назначеніемъ къ послѣднему опеки или попечительства.

4) Допустить таковое лишеніе власти уголовнымъ судомъ и до разрѣшенія дѣла по существу, въ видѣ предварительной мѣры, по представленіямъ судебного слѣдователя, предложеніямъ прокурорскаго надзора или по просьбамъ родныхъ, а также учреждений, преслѣдующихъ задачи дѣтскаго призрѣнія и защиты.

5) Въ виду желательности возможно широкаго покровительства общественныхъ властей развитію частной инициативы въ дѣлахъ благотворенія узаконить за обществами, задающимися цѣлью охраны дѣтей, разрѣшаемый въ настоящее время въ административномъ порядкѣ попечительный надзоръ за бытомъ малолѣтнихъ, признавъ за уполномоченными оныхъ право свободного входа въ помѣщенія всѣхъ лицъ и заведеній, пользующихся трудомъ малолѣтнихъ.

6) Всѣ направленные къ охранѣ интересовъ малолѣтнихъ мѣры объединить въ особомъ законодательномъ актѣ о призрѣніи и защитѣ дѣтей“.

На томъ же съѣздѣ были выбраны: предсѣдателемъ Группы И. Я. Фойницкій, кандидатомъ предсѣдателя М. В. Духовской, членами комитета А. К. Вульфертъ, Д. А. Дриль и С. К. Гогель, кандидатами въ члены комитета В. В. Микляшевскій, И. М. Тютрюмовъ и А. А. Левенстимъ. Изъ членовъ комитета Д. А. Дриль по прежнему исполнялъ въ истекшемъ году обязанности казначея, А. К. Вульфертъ библиотекаря, а С. К. Гогель взялъ на себя обязанности секретаря.

Комитетъ имѣлъ 5 засѣданій.

Уже въ засѣданіи 2 апрѣля 1900 г. комитету было доложено письмо профессора Берлинскаго университета Франца Ф. Листа, въ которомъ выражалось пожеланіе Центрального Комитета Международнаго Союза Криминалистовъ созвать ближайшій международный съѣздъ союза въ Россіи. Пожеланіе это встрѣтило со стороны комитета самое живое сочувствіе и то гостепріимство, которое уже въ теченіе многихъ лѣтъ русскіе члены встрѣчали со стороны своихъ иностранныхъ сочленовъ въ Бельгіи, Швейцаріи, Франціи, Голландіи, Австріи и Португаліи, возлагало на насъ непремѣнную обязанность отнестись къ этому предположенію Центрального Комитета съ должнымъ вниманіемъ и предупредительностью. Вслѣдствіе ходатайства Предсѣдателя Группы И. Я. Фойницкаго, по всеподданнѣйшему докладу г. Министра Юстиціи послѣдовало Всемилостивѣйшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на созваніе очереднаго международнаго съѣзда Союза Криминалистовъ въ 1902 г. въ С.-Петербургѣ и образована особая Коммисія, подъ предсѣдательствомъ И. Я. Фойницкаго для устройства помянутаго съѣзда.

Въ составъ образованной Коммисіи вошли по назначенію соотвѣствующихъ вѣдомствъ представители Министерствъ—Иностранныхъ Дѣлъ Э. К. Симсонъ, Народнаго Просвѣщенія М. В. Духовской, Внутреннихъ Дѣлъ—А. И. Чайковскій, Юстиціи—И. Г. Щегловитовъ, и С.-Петербургскій Городской Голова, а также и члены по приглашенію Предсѣдателя Коммисіи, въ силу Высочайше предоставленнаго ему права, именно: Э. Я. Фуксъ, Н. С. Таганцевъ, В. О. Дерюжинскій, кн. В. М. Голицынъ, Н. В. Рукавишниковъ, В. В. Пржевальскій, А. К. Вульффертъ, Д. А. Дриль и С. К. Гогель.

Коммисія имѣла уже одно засѣданіе 22 ноября 1900 г., въ которомъ были обсуждены наиболѣе важные вопросы, касающіеся созыва съѣзда, и между прочимъ рѣшено было войти въ сношеніе съ состоящимъ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ Юридическимъ Обществомъ, не пожелаютъ ли члены этого Общества представить свои работы для съѣзда. Вслѣдствіе этого постановленія по предложенію И. Я. Фойницкаго въ Юридическомъ Обществѣ образовалась Коммисія въ составѣ: И. Г. Щегловитова, Г. Б. Слюзберга, Г. С. Фельдштейна, М. М. Боровитинова, В. П. Ширкова, С. С. Хрулева, В. Д. Набокова.

Въ качествѣ темъ для международнаго съѣзда намѣчены какъ Центральнымъ Комитетомъ непосредственно, такъ и по ходатайству Комитета Русской Группы, слѣдующіе вопросы:

1) Какъ должно быть поставлено предварительное слѣдствіе, чтобы возможно болѣе знакомить слѣдователя-судью съ личностью обвиняемаго?

2) Въ какихъ положеніяхъ могъ бы выразиться въ будущемъ законодательствѣ принципъ, проповѣдуемый новой школой,—что надо придавать болѣе значенія психическимъ элементамъ преступленія, чѣмъ матеріальнымъ его послѣдствіямъ? Предложившій эту тему профессоръ Зейфертъ полагалъ при разработкѣ ея сначала выдѣлить преступныя дѣянія, классификація которыхъ зависитъ только отъ результатовъ, а затѣмъ перейти къ покушенію и соучастію.

3) Затѣмъ, въ качествѣ темъ не для обсужденія, а лишь для сообщенія, предложены вопросы:

а) О категоріяхъ преступниковъ, къ которымъ могла бы быть примѣнена ссылка.

б) О лучшей организаціи патроната надъ освобождаемыми изъ мѣстъ заключенія.

г) Обь уголовно-правовой защитѣ женщинъ на почвѣ профессиональнаго полового разврата.

Сь цѣлью подготовленія докладовъ на предложенныя темы Комитетъ постановилъ образовать Коммисію подь предсѣдательствомъ И. Я. Фойницкаго и пригласить войти въ нее членовъ группы: С. К. Гогеля, Д. А. Дриля, М. В. Духовского, А. А. Жижиленко, А. С. Заруднаго, В. Д. Кузьмина-Караваева, А. А. Левенстима, В. Д. Набокова, А. А. Пюнтковскаго, В. В. Пржевальскаго, А. С. Протасьева, Г. Б. Слюзберга, Е. Н. Тарновскаго и М. П. Чубинскаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Комитетъ, какъ въ силу предыдущихъ своихъ постановленій, такъ и въ виду рѣшенія послѣдняго съѣзда о необходимости обсудить основы правильной постановки патроната въ Россіи, рѣшилъ созвать съѣздъ Русской Группы въ Москвѣ въ 1901 г. на 4, 5, 6 и 7 апрѣля.

До составленія отчета поступили въ распоряженіе Комитета, какъ на предложенныя имъ темы, такъ и на темы, предложенныя московскими членами группы, слѣдующіе доклады: *С. К. Гогеля*: 1) „О развитіи и правильной постановкѣ патроната въ Россіи“ и „Обь удаленіи невинныхъ дѣтей изъ тюремъ“; *В. В. Микляшевскаго*: Нѣкоторыя положенія нормальнаго устава обществъ патроната; *П. И. Астрова*: О наказуемости открытаго похищенія малоцѣнныхъ предметовъ для немедленнаго ихъ потребленія; *С. И. Викторскаго*: Какъ должны присяжные засѣдатели понимать вопросъ о виновности подсудимаго и какъ правильно его формулировать; *В. И. Сербскаго*: Обь условіяхъ помѣщенія душевно-больныхъ, совершившихъ преступленія, въ психіатрическія больницы по опредѣленію суда и освобожденія ихъ и *А. А. Жижиленко*: Обь условномъ досрочномъ освобожденіи. Кромѣ того—отъ профессора *Л. Е. Владимірова*—положенія для сообщенія на тему „Психологическое изслѣдованіе на уголовномъ судѣ“.

Окончательная программа занятій предстоящаго въ Москвѣ съѣзда криминалистовъ установлена Комитетомъ въ февралѣ мѣсяцѣ.

Денежныя средства Группы выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ: Всего въ 1900 г. поступило 715 р. 35 к.; израсходовано за тотъ же годъ 706 р. 12 к. Остатокъ на 1 января 1901 г., заключающийся на процентныхъ бумагахъ, во вкладѣ въ сберегательной кассѣ Государственнаго Банка и въ наличныхъ деньгахъ, равнялся 290 р. 38 к.

Комитетъ уже обратилъ вниманіе съ своей стороны на такое печальное состояніе кассы, объясняемое главнымъ образомъ тѣмъ,

что за уплатою взноса Центральному Комитету (8 марокъ), изъ членскаго взноса—какъ онъ нынѣ опредѣленъ въ размѣрѣ 5 р.—остается въ пользу Группы всего нѣсколько десятковъ копѣекъ, и постановилъ поэтому 5 ноября 1900 г. представить ближайшему съѣзду въ Москвѣ ходатайство: 1) объ увеличеніи членскаго взноса на одинъ рубль (всего 6 рублей) и 2) объ установленіи особыхъ билетовъ для „посѣщенія съѣзда съ платою по два рубля за билетъ“.

Затѣмъ доложено заключеніе ревизіонной Коммисіи, которая признала отчетъ комитета правильнымъ.

И. Я. Фойншкій заявилъ, что комитетъ находитъ возможнымъ измѣнить постановку вопроса объ увеличеніи средствъ группы и предлагаетъ, не возвышая членскаго взноса, обращать его цѣликомъ съ вновь поступающихъ членовъ группы за первый годъ исключительно въ пользу группы, не высылая изъ этого сбора ничего Центральному комитету, но съ тѣмъ, чтобы новые члены группы получали бюллетени международного союза криминалистовъ не съ перваго, а начиная лишь со втораго оплаченнаго года по вступленіи ихъ въ группу.

Съѣздъ единогласно принялъ это видоизмѣненное предложеніе комитета, а въ прочихъ частяхъ Собраніе единогласно утвердило отчетъ комитета и докладъ ревизіонной коммисіи.

И. Я. Фойншкій доложилъ съѣзду о полученномъ имъ отъ кандидата въ члены комитета группы *И. М. Тютрюмова* письмѣ съ выраженіемъ сожалѣнія о невозможности для него быть на съѣздѣ и пожеланіемъ съѣзду успѣховъ въ его работѣ.

Письмо принято съѣздомъ сочувственно.

В. Д. Набоковъ прочелъ рѣчь о жизни и дѣятельности *Н. В. Рукавишникова* ¹⁾.

Рѣчь вызвала долго несмолкавшіе аплодисменты присутствующихъ.

Профессоръ *И. Т. Тарасовъ* прочелъ слѣдующую рѣчь въ память доктора *Ө. П. Гааза*.

„48 лѣтъ тому назадъ скончался въ Москвѣ, на 73-мъ году жизни, главный врачъ Московскихъ тюремъ *Өедоръ Петровичъ (Фридрихъ Іосифъ) Гаазъ*. Несмѣтная толпа народа, рыдая, провожала тѣло усопшаго до католическаго кладбища на Введенскихъ

¹⁾ Рѣчь *В. Д. Набокова* напечатана въ газетѣ „Право“ 1901 г., № 16, стр. 811 и слѣд.

горахъ. Гааза хоронили на казенный счетъ, такъ какъ покойникъ не оставилъ послѣ себя ничего тлѣннаго и преходящаго, а оставилъ въ наслѣдіе только нетлѣнное и вѣчное, т. е. дѣянiя и полученiя свои.

„Россiя не только можетъ, она должна, она обязана гордиться такимъ человѣкомъ, какимъ былъ Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ, хотя онъ былъ по происхожденiю не русскiй. Россiю слѣдуетъ считать его отчизной, и Россiя должна видѣть въ немъ одного изъ сыновъ своихъ, ибо, независимо отъ того, что онъ самъ называлъ Россiю своею второю родиной и не позволялъ называть себя иноплеменникомъ,— развѣ не правъ Лессингъ, говоря въ Натанѣ Мудромъ, „что родство создается не одною только кровью“.

„Главнымъ поприщемъ дѣятельности Ѳ. П. Гааза былъ тюремный мiръ, а потому его имя должно быть поставлено въ одномъ спискѣ и выше всѣхъ съ кровно-русскими выдающимися дѣятелями на томъ же поприщѣ, а именно: съ княземъ Голицынымъ, Львовымъ, графомъ Соллогубомъ, княземъ Щербатовымъ, Н. В. Руквишниковымъ и др.

„Ѳ. П. Гаазъ родился въ 1780 г. въ городѣ Мюнстерѣйфельдѣ, близъ Кельна. Отецъ его былъ аптекаремъ. Первоначальное образованiе онъ получилъ въ католической приходской школѣ. Позднѣе онъ слушалъ курсы по философіи и математикѣ, а окончилъ онъ свое образованiе по медицинскому факультету въ Вѣнѣ, при чемъ онъ избралъ себѣ спеціальностью глазныя болѣзни.

„Совершенно случайное знакомство съ однимъ русскимъ вельможей, которому Гаазъ оказалъ въ Вѣнѣ медицинскую помощь, повлекло за собой то, что въ 1802 г. Ѳедоръ Петровичъ переселился въ Москву. Въ Москвѣ онъ имѣлъ весьма обширную практику, благодаря которой у него составилось порядочное состоянiе, хотя вообще Ѳ. П. отличался безграничнымъ безкорыстiемъ, и бѣдные больные не даромъ говорили: „у Гааза нѣтъ отказа“.

„Въ 1807 г. Ѳ. П. Гаазъ былъ назначенъ главнымъ врачомъ въ Павловскую больницу. Въ 1809 и 1810 гг. онъ совершилъ двѣ поѣздки на Кавказъ для изслѣдованiя тамошнихъ минеральныхъ водъ, и результатомъ этихъ поѣздокъ былъ появившійся въ 1811 г. весьма обширный и цѣнный печатный трудъ, подъ заглавiемъ „Ma visite aux eaux d'Alexandre“. Въ этомъ трудѣ замѣчательны, между прочимъ, воззрѣнiя автора на медицину какъ науку, на врача и на человѣка.

„Въ 1814 г. его зачислили въ дѣйствующую армію, съ которой онъ былъ подъ Парижемъ, а по возвращеніи въ Россію, онъ до 1825 г. на службѣ не состоялъ, занимаясь исключительно медицинской практикой. Въ 1825 г., по настоянію князя Голицына, тогдашняго Московскаго генераль-губернатора, онъ принялъ званіе штатдъ-физиката, но черезъ годъ онъ отъ этой должности отказался, послѣ безплодной борьбы съ господствовавшей тогда бюрократической рутинной и личнымъ недоброжелательствомъ къ нему, какъ къ непрошенному и неудобному новатору.

„Въ 1827 г. Ѳ. П. Гаазъ дѣлается членомъ только-что учрежденнаго въ Москвѣ комитета Попечительнаго о тюрьмахъ общества и главнымъ врачомъ Московскихъ тюремъ; кромѣ того, съ 1830 по 1835 гг. онъ занималъ должность секретаря вышеназваннаго комитета. Съ этого времени и до смертнаго часа Ѳ. П. Гаазъ всецѣло посвятилъ себя московскимъ тюрьмамъ и ихъ несчастнымъ и жалкимъ обитателямъ.

„Я не стану приводить фактовъ изъ этой 25-тилѣтней самоотверженной, неутомимой и плодотворной дѣятельности Ѳ. П. Гааза, ибо, какъ я укажу ниже, это уже сдѣлано недавно, и притомъ съ такою талантливостью, на какую я претендовать отнюдь не дерзаю. Ограничусь лишь общей характеристикой этой дѣятельности.

„Шекспиръ говоритъ, что „много можно сдѣлать враждой, но еще больше любовью“. Ѳ. П. Гаазъ признавалъ только второе, первое же было для него непонятно, ибо онъ неспособенъ былъ враждовать; а въ словахъ Некрасова: „то сердце не научится любить, которое устало ненавидѣть“,—для него все было бы совершенно непонятно, ибо онъ не могъ ненавидѣть. Но за то онъ вполнѣ понималъ, что есть побужденіе выше справедливости, это—*доброта*. Онъ, подобно Диккенсу, вѣрилъ и исповѣдывалъ, что „мудрость любви есть величайшая мудрость, какая только была когда-либо извѣстна на землѣ“. Вмѣстѣ съ Брайтомъ онъ былъ убѣжденъ, что „всякое великое дѣло совершается путемъ любви и непоколебимой вѣры въ торжество правды“. Онъ могъ повторить вмѣстѣ съ Пушкинымъ, что „нѣтъ убѣдительности въ понятіяхъ и нѣтъ истины безъ любви“.

„Любовь у Ѳедора Петровича Гааза была святая, безграничная и всеобъемлющая, и она разливалась, какъ свѣтъ, на сотни тысячъ несчастныхъ и болящихъ людей, проходившихъ чрезъ его руки. „Если“,—какъ говоритъ Карлейль,—„способность любить и уважать—

признакъ и мѣрило великихъ душъ“, то именно къ О. П. никакого другаго мѣрила приложить нельзя. Въ этой любви слово, сужденіе и дѣйствіе у него сливались, ибо любовь его всегда была дѣятельною, и къ нему никоимъ образомъ и ни въ какой мѣрѣ не примѣнимы слова Лессинга, что „благочестиво мечтать легче, чѣмъ хорошо поступать“.

„Любя несчастныхъ, больныхъ и обездоленныхъ дѣятельною любовью, О. П. Гаазъ, по библейской заповѣди, начерталъ „милость и истину на скрижаляхъ сердца своего“. Всякой жестокости, всякой неправдѣ онъ всю свою жизнь сопротивлялся всей силой любви своей, и этой силы было достаточно, чтобы человѣкъ безъ громкаго имени, безъ связей, безъ вліятельнаго служебнаго положенія, безъ средствъ, ибо всѣ они безъ остатка ушли на помощь ближнимъ, выходилъ полнымъ побѣдителемъ въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ перѣдко и сильные міра сего терпятъ неудачу и пораженія. Правда, и О. П. не всегда выходилъ побѣдителемъ; иногда приходилось и ему бесплодно бороться противъ рутины, безсердечія, недобросовѣстности и узкаго эгоизма; онъ былъ даже уничижаемъ и гонимъ. Но не сказано ли въ Библии, что „золото испытывается въ огнѣ, а люди, угодные Богу, въ горнилѣ уничиженія“; и вотъ въ этомъ то испытаніи, въ особенности, личность О. П. выступаетъ во всемъ своемъ величіи умилительной нравственной красоты.

„Для фотографіи души этого „друга несчастныхъ“, какъ называли одни О. П. Гааза, и „утрированного филантропа“, какъ называли его другіе, я ограничусь ссылкой только на три выдержки изъ его двухъ печатныхъ трудовъ и одного частнаго письма.

„Въ своей книгѣ „Ma visite aux eaux d'Alexandre“ О. П. Гаазъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „человѣкъ рѣдко думаетъ и дѣйствуетъ въ гармоническомъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, чѣмъ онъ занятъ; образъ его мыслей и дѣйствій обыкновенно опредѣляется совокупностью обстоятельствъ, отношеніе коихъ между собою и вліяніе на то, что онъ называетъ своимъ рѣшеніемъ или своею волею, ему не только не извѣстны, но и вовсе имъ не сознаются. Признавать эту зависимость человѣка отъ обстоятельствъ—не значитъ отрицать въ немъ способность правильно судить о вещахъ, сообразно ихъ существу,—или считать за ничто вообще волю человека. Это было бы равносильно признанію человека—этого чуднаго творенія—несчастливымъ автоматомъ. Но указывать на эту зависимость необходимо уже для того, чтобы напомнить, какъ рѣдки между людьми настоящіе люди. *Эта зависимость требуетъ снисходительнаго отношенія къ человѣческимъ заблужденіямъ и слабостямъ.*

Въ этомъ снисхожденіи, конечно, мало лестнаго для человѣчества, но *упреки и порицанія по поводу такой зависимости были бы и несправедливы, и жестоки*“

„Въ другой своей книгѣ „Appel aux femmes“ Э. П. Гаазъ утверждаетъ, что „призваніе женщины не только содѣйствовать поддержанію добраго общественнаго порядка, но и перерожденію общества, а для этого она должна подчинить всѣ свои слова и дѣла духу христіанства, которое проникнуто добротой, смиреніемъ, заботой о спасеніи душъ, снисходительностью, справедливостью, скромностью, терпѣніемъ и милосердіемъ“. „Содѣйствуйте“,—говорилъ онъ,—„по мѣрѣ силъ, учрежденію и поддержанію больницъ и пріютовъ для немощныхъ, для сиротъ и для людей въ преклонной старости, покинутыхъ, безпомощныхъ и безсильныхъ. Не останавливайтесь на этомъ пути предъ матеріальными жертвами, не задумывайтесь отказаться отъ роскошнаго и ненужнаго. Если нѣтъ собственныхъ средствъ для помощи, просите кротко, но настойчиво, у тѣхъ, у кого они есть. Не бойтесь возможности уничтоженія, не пугайтесь отказа. *Всякое униженіе, которое вы будете переносить при исполненіи воли Христа и ради желанія пользы ближнему, въ свое время превратится для васъ въ драгоценную жемчужину. Торопитесь дѣлать добро. Умните прощать, желайте примиренія*“.

„Въ письмѣ къ своему питомцу, еврею Норшину, перешедшему затѣмъ въ христіанство, Э. П. Гаазъ писалъ, по поводу его просьбы о благословеніи на бракъ: „я, кажется, уже неоднократно высказывалъ вамъ мою мысль, что самый вѣрный путь къ счастью не въ желаніи *быть счастливыми*, а въ томъ, чтобы *дѣлать другихъ счастливыми*. Для этого нужно внимать нуждамъ людей, заботиться о нихъ, не бояться труда, помогая имъ совѣтомъ и дѣломъ, словомъ, *любить ихъ*, при чемъ, чѣмъ чаще проявлять эту любовь, тѣмъ сильнѣе она будетъ становиться, подобно тому, какъ сила магнита сохраняется и увеличивается отъ того, что онъ непрерывно находится въ дѣйствиіи“. Благословляя на бракъ, онъ пишетъ: „ты ищешь счастья въ новой твоей супружеской жизни и найдешь его, если только, при своемъ личномъ благополучіи, *будешь всегда стремиться сдѣлать счастливыми и другихъ*“.

„Пожалуй, скажутъ, зачѣмъ же это Гаазъ, обладая такими сокровищами ума и сердца, избралъ столь, повидимому, узкую сферу дѣятельности? Не растратилъ ли онъ такимъ образомъ свои таланты? Не могъ ли онъ дать значительно больше того, что онъ далъ на самомъ дѣлѣ? На это отвѣчу словами Лессинга въ Натанѣ Мудромъ, что „для истинно великаго нѣтъ ничего слишкомъ малаго“.

„На Западѣ на томъ же поприщѣ дѣятельности, т. е. въ тюремномъ дѣлѣ, обезсмертилъ себя англичанинъ Говардъ. Ему поставлены памятники въ разныхъ государствахъ, не исключая и Россіи. Существуютъ разные фонды имени Говарда. Съ личностью и дѣятельностью Говарда можно познакомиться изъ множества біографій, публичныхъ лекцій и рѣчей о немъ. Имя Говарда знаетъ всякій мало-мальски образованный человекъ. Если бы Говардъ воскресъ, то ему, вѣроятно, пришлось бы захлебнуться въ океанѣ похвалъ. Гаазу же поставленъ неизвѣстнымъ другомъ одинъ единственный, очень скромный памятникъ на кладбищѣ на Введенскихъ горахъ, да, кромѣ того, въ созданной имъ больницѣ, нынѣ названной больницей Императора Александра III, поставленъ бюстъ Гааза съ надписью „Торопитесь дѣлать добро“. Имя *Θ. П. Гааза* и до сихъ поръ извѣстно весьма немногимъ, даже въ Москвѣ, гдѣ онъ прожилъ 51 годъ. Никакихъ фондовъ имени Гааза пока не существуетъ. Самая память о личности и дѣятельности *Θ. П. Гааза* могла бы поблекнуть и исчезнуть, если бы недавно, почти 45 лѣтъ послѣ кончины Гааза, не появилась первая полная, и къ тому же высоко талантливая, біографія этого замѣчательнаго человека, составленная сенаторомъ *А. Θ. Кони* и только-что выпущенная 2-мъ изданіемъ ¹⁾.

„По поводу этого сопоставленія можно сказать, что Говардъ много писалъ, онъ оставилъ прочный печатный слѣдъ своей дѣятельности, тогда какъ *Θ. П. Гаазъ* оставилъ послѣ себя только 2 вышеупомянутыхъ сочиненія и еще небольшую, въ 44 страницы, книжку, подъ заглавіемъ „*А. Б. В. христіанскаго благонравія*“, которую онъ всегда собственноручно раздавалъ всѣмъ отправлявшимся въ ссылку арестантамъ. Но, во-1-хъ, послѣ Гааза осталось множество рукописныхъ докладовъ, записокъ и т. п., преимущественно по тюремнымъ дѣламъ, и преисполненныхъ глубокаго интереса, и, во-2-хъ, при необычайной скромности его, во всю жизнь у него, выражаясь словами Шекспира, „всегда было меньше наружу, больше внутри“. Во всякомъ случаѣ мы, русскіе, безмѣрно виноваты предъ *Θ. П. Гаазомъ*; но, къ счастью, вина эта пока еще поправима: мы должны, мы обязаны увѣковѣчить память объ этомъ, какъ называлъ его народъ, „добромъ докторѣ“ и познакомить съ нимъ не

¹⁾ До статей и книги *А. Θ. Кони* появились замѣтка о *Θ. П. Гаазѣ* *Евгеніи Туръ*, очеркъ о немъ *П. А. Лебедева*, и о немъ же, въ связи съ митрополитомъ *Филаретомъ*, — *И. Н. Корсунскаго*.

только нашихъ соотечественниковъ, но и всѣхъ вообще, весь міръ. Имя Гааза должно быть извѣстно и въ хижинѣ, и во дворцѣ, правила и дѣятельность его должны быть изучаемы и школьниками, и взрослыми. Личность его должна быть неразрывно связана съ какимъ-нибудь вѣчнымъ, достойнымъ его учрежденіемъ и добрымъ дѣломъ. *Такъ торопитесь же сдѣлать добро!*“

Рѣчь проф. Тарасова вызвала рукоплесканія присутствующихъ.

Предсѣдатель *И. Я. Фойницкій* заявилъ, что М. Ѳ. Громницкій по болѣзни не можетъ быть на съѣздѣ и сдѣлать сообщеніе, посвященное памяти Д. А. Ровинскаго, но объ этомъ почтенномъ дѣятелѣ М. В. Духовской любезно согласился прочесть въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій съѣзда.

Далѣе, предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія членовъ съѣзда, что московскій городской голова проситъ ихъ пожаловать на вечеръ въ городскую думу 4-го апрѣля въ 7 часовъ, а на 5 апрѣля послѣ утренняго засѣданія назначено посѣщеніе учреждений въ Сокольникахъ, и просилъ всѣхъ членовъ записать свои фамиліи у секретарей для внесенія въ протоколъ засѣданія.

Д. А. Дрилъ прочелъ сообщеніе „О примѣненіи идеи принудительнаго воспитанія къ взрослымъ осужденнымъ“¹⁾.

Рѣчь была покрыта громкими рукоплесканіями.

Предсѣдатель *И. Я. Фойницкій* закрылъ засѣданіе въ 4 часа пополудни, объявивъ, что вечернее засѣданіе начнется въ 8^{1/2} часовъ.

II. О мѣрахъ содѣйствія развитію патроната въ Россіи.

Засѣданіе 4 апрѣля.

Засѣданіе открыто въ 8 ч. 35 мин. пополудни предсѣдателемъ группы *И. Я. Фойницкимъ*, въ присутствіи 68 членовъ группы и делегатовъ. По предложенію предсѣдателя опредѣлено послать привѣтственную телеграмму Центральному комитету союза, засѣдающему теперь въ Парижѣ.

Предсѣдатель заявилъ, что 6 апрѣля отъ 2 до 5 ч. дня члены съѣзда могутъ осматривать Рукавишниковскій пріютъ и судебно-медицинскій кабинетъ проф. Минакова, въ клиникахъ, на Дѣвичьемъ полѣ.

¹⁾ Напечатано въ Жур. Мин. Юст. 1901 г. № 7 стр. 10 и слѣд.

Сообщивъ затѣмъ о полученномъ имъ прискорбномъ извѣстїи о постигшемъ К. В. Рукавишникова сильномъ сердечномъ припадкѣ, лишаящемъ его возможности предсѣдательствовать въ сегодняшнемъ собранїи, И. Я. Фойницкїй предложилъ собранїю просить В. Д. Набокова, присутствующаго въ засѣданїи, выразить К. В. Рукавишникову глубокое соболѣзнованїе собранїя съ пожеланїемъ ему скорѣйшаго выздоровленїя и просить В. В. Микляшевскаго принять на себя трудъ предсѣдательства при разсмотрѣнїи вопроса о патронатѣ, въ области котораго В. В. Микляшевскїй занимаетъ весьма авторитетное положенїе. Оба предложенїя приняты собранїемъ единогласно.

В. В. Микляшевскїй занялъ предсѣдательское кресло и поблагодарилъ собранїе за оказанную ему честь. Напомнивъ, что вопросъ о необходимости и пользѣ патроната уже получилъ утвердительное рѣшенїе на прошлогоднемъ съѣздѣ группы, и что нынѣ обсужденїю собранїя подлежитъ вопросъ объ изысканїи путей для наилучшаго и скорѣйшаго развитїя этого института въ нашемъ отчествѣ, В. В. Микляшевскїй предложилъ собранїю дорожить временемъ и въ пренїяхъ держаться этихъ практическихъ предѣловъ. Слово было предоставлено докладчику комитета С. К. Гогелю, который изложилъ слѣдующее.

„Гг., позвольте, прежде чѣмъ приступить къ изложенїю моихъ соображенїй по данному вопросу, сказать нѣсколько словъ о представленныхъ докладахъ.

„На тему о правильной постановкѣ патроната въ Россїи представлены доклады В. В. Микляшевскимъ, М. В. Духовскимъ, Г. С. Фельдштейномъ, А. В. Витте, М. А. Эльяшевымъ и мной.

„Докладъ М. А. Эльяшева, въ виду крайне поздняго представленїя и обширныхъ размѣровъ, къ сожалѣнїю, не могъ быть напечатанъ; содержанїе его вполнѣ соотвѣтствуетъ данному ему авторомъ заглавію: „О способахъ оказанїя помощи патронатомъ“¹⁾, и поэтому именно не отвѣчаетъ, какъ мнѣ кажется, заданной темѣ. Способы могутъ быть крайне разнообразны,—о способахъ патроната мы будемъ имѣть случай говорить послѣ того, какъ создадимъ сѣть патронатовъ и предоставимъ имъ примѣнять всѣ тѣ способы, которые они признаютъ наиболѣе удобными по мѣстнымъ условїямъ. Что касается до остальныхъ докладовъ, то вкратцѣ каждый изъ докладчиковъ останавливается на слѣдующихъ соображенїяхъ.

„Г. С. Фельдштейнъ, выясняя важное значенїе патроната, отдаетъ предпочтенїе организаціи патроната на началахъ частныхъ

¹⁾ Напечатанъ въ Жур. Мин. Юст. 1901, Май, стр. 33 и Іюнь, стр. 42.

обществъ передъ организаціею на оффиціальныхъ началахъ. Авторъ находитъ, что патронатъ долженъ оказывать помощь какъ арестантамъ, такъ и ихъ семьямъ, но патронатъ не долженъ смѣшиваться съ обще-филантропическою дѣятельностью, и поэтому осуществленіе задачъ патроната не можетъ быть поручаемо общимъ благотворительнымъ учрежденіемъ. Не слѣдуетъ, по мнѣнію докладчика, дѣлать патронатъ обязательнымъ для арестантовъ; только тогда есть основаніе рассчитывать на успѣхъ патронированія, когда заключенный добровольно обратился къ помощи общества патроната; при разрѣшеніи вопроса о томъ, слѣдуетъ ли оказать помощь обратившемуся, общество патроната должно принимать во вниманіе аттестаціи тюремнаго начальства. Способы патронированія разнообразны, но если нельзя избѣжать временныхъ убѣжищъ до пріисканія работы, то учрежденіе убѣжищъ, гдѣ бы патронируемые содержались долгое время, постоянно, безусловно не желательно.

„Причины неустройства русскаго патроната авторъ видитъ: 1) въ обширности задачъ, возложенныхъ на комитеты Попечительнаго о тюрьмахъ общества; 2) въ томъ, что въ эти комитеты не привлекаются частныя общественныя силы, и въ 3) что въ началѣ дѣятельности Попечительнаго общества отдавалось предпочтеніе системѣ общаго, путемъ пріютовъ, патронированія, а не индивидуальному, являющемуся лучшимъ.

„Находя, что въ нашемъ обществѣ нѣтъ достаточно энергіи, авторъ признаетъ, „правительственную инициативу и полуоффиціальную организацію желательною (стр. 52), но не на почвѣ нынѣшнихъ комитетовъ Попечительнаго общества, а на почвѣ особыхъ попечительныхъ комисій Попечительства о домахъ трудолюбія съ привлеченіемъ въ составъ этихъ комисій представителей тюремной администраціи“. Г. С. Фельдштейнъ далъ, кромѣ того, проектъ нормальнаго устава попечительныхъ обществъ объ освобождаемыхъ. В. В. Микляшевскій въ своемъ докладѣ находитъ, что только частная инициатива способна возродить у насъ патронатъ, но этой частной инициативѣ должна быть оказана матеріальная помощь правительствомъ. Далѣе авторъ высказываетъ такое положеніе. „Для ускоренія возникновенія и развитія патроната въ Россіи слѣдуетъ образовать безотлагательно Главное общество, на которое возложить заботу объ учрежденіи многочисленныхъ мѣстныхъ обществъ“. Къ своимъ положеніямъ В. В. Микляшевскій присоединилъ проекты устава Главнаго общества и нормальнаго устава для мѣстныхъ обществъ патроната.

„М. В. Духовской далъ замѣтку о практикѣ патроната въ Москвѣ, которая убѣждаетъ въ важномъ значеніи для цѣлей патроната существованія сѣти правильно организованныхъ обществъ филантропическихъ, приходящихъ на помощь обществу патроната.

„Наконецъ, А. В. Витте находитъ, что, если является надобность въ образованіи Главнаго общества патроната, то нужно его создавать не рядомъ и независимо отъ мѣстныхъ, а надо устроить Всероссійское общество патроната, предоставивъ послѣднему по уставу открывать отдѣленія на мѣстахъ; такимъ путемъ значительно облегчится и ускорится, по мнѣнію автора, открытіе мѣстныхъ обществъ патроната. Остановливаясь на вопросѣ о возможности для тюремнаго вѣдомства оказывать денежную помощь патронату, авторъ находитъ, что такая помощь могла бы быть оказываема только изъ образованнаго въ Главномъ тюремномъ управленіи изъ доходовъ отъ арестантскаго труда особаго фонда на развитіе арестантскихъ работъ. Кромѣ того, общества патроната могли бы служить передаточной инстанціей для выходящихъ изъ тюрьмы по полученію ими заработанныхъ въ тюрьмѣ денегъ. Деньги эти окончательно вручались бы освобожденнымъ только при удовлетворительности ихъ поведенія на волѣ. Не касаясь подробностей, я думаю, я могу сказать, что относительно основныхъ началъ существенныхъ разногласій между докладами нѣтъ. Поэтому, и я позволю себѣ прямо перейти къ тѣмъ главнымъ основнымъ началамъ даннаго вопроса, которыя только и могутъ послужить предметомъ сегодняшней бесѣды членовъ нашей группы.

„Патронатъ возникъ въ концѣ 18-го и началѣ 19-го столѣтія на почвѣ чистой филантропіи, состраданія къ ближнему, впавшему въ грѣхи и въ нищету нравственную и матеріальную. Онъ былъ вызванъ къ жизни ужасными гигиеническими условіями тогдашнихъ тюремъ; крайняя скученность тюремнаго населенія, отсутствіе воздуха, свѣта, часто пищи и медицинской помощи и надзора дѣлали тюрьмы мѣстомъ постоянныхъ эпидемическихъ болѣзней. Выходившіе изъ нихъ были людьми разбитыми и совершенно негодными болѣе для трудовой жизни,—имъ мѣсто было только въ богадѣльнѣ. При такихъ условіяхъ понятенъ былъ чисто филантропическій патронатъ.

Но это печальное состояніе гигиенической стороны тюремнаго режима, къ счастью, прошло для всѣхъ тюремъ цивилизованныхъ странъ, не исключая и Россіи. Арестанты, если принять во вниманіе, что подавляющее большинство ихъ происходитъ изъ недоста-

точныхъ классовъ населенія, кормятся въ тюрьмѣ не хуже, а содержатся гораздо гигиеничнѣе, чѣмъ на волѣ. При такихъ условіяхъ чисто милосердная, филантропическая основа патроната легко могла и должна была бы вызвать совершенно справедливыя нареканія, въ особенности въ виду страшнаго развитія въ современномъ обществѣ нищеты и даже полнаго пролетаріата: возможно ли и даже нравственно ли благотворить и помогать преступникамъ, когда остаются безъ помощи вполнѣ честные бѣдняки, удержавшіеся отъ преступленія и при тѣхъ тяжкихъ условіяхъ, въ которыя поставила ихъ жизнь?

„Если патронать, тѣмъ не менѣе, въ послѣднія 50 лѣтъ не только не замеръ, а, наоборотъ, широко и неудержимо развивается, то причина этому та, что рядомъ съ основой филантропической возникло другое основаніе, дающее патронату значеніе государственнаго, первостепенной важности, института: патронать является однимъ изъ видовъ участія общества въ дѣлѣ борьбы съ преступностью, участія, которое признано въ настоящее время безусловно и совершенно необходимымъ. Вотъ причина, почему громадное значеніе патроната признается въ наше время представителями самыхъ разнообразныхъ научныхъ направленій: и классиками, и антропологами, и детерминистами (Варга, Ферри и другіе); практики въ этомъ вопросѣ сходятся съ теоретиками. Что касается до участія общества въ дѣлѣ борьбы съ преступностью, то значеніе этого участія въ наше время вполнѣ и безспорно выяснено; никто болѣе не признаетъ наказаніе единственнымъ или даже хотя бы лучшимъ средствомъ борьбы съ преступностью. Всѣми признано, что наказаніе въ той главной, почти единственной формѣ, въ которой оно теперь примѣняется—лишеніе свободы въ мѣстахъ заключенія—представляется самымъ худшимъ, самымъ неудачнымъ, примитивнымъ средствомъ борьбы съ преступностью, которое примѣняется только по неимѣнію средствъ болѣе усовершенствованныхъ и въ то же время, быть можетъ, болѣе дорогихъ.

„Единственный результатъ заключенія преступника—это лишеніе его на время заключенія возможности совершать преступленія, но и этотъ результатъ покупается очень дорогою цѣною—преступникъ большею частью въ тюрьмѣ развращается, и по выходѣ впадаетъ вновь въ преступленіе.

„Тюрьма клеймитъ преступника, она является произведеніемъ того времени, когда существовали „клоповники“, и способствуетъ, главнымъ образомъ, неисправимому разобщенію преступника съ

обществомъ, она отрываетъ его отъ семьи, которая на время „сидѣнія“ преступника въ конецъ разоряется и впадаетъ въ ту безысходную нищету, которая ведетъ къ преступленію, она заставляетъ преступника бросить честныя занятія, забыть объ обязанностяхъ въ отношеніи семьи, объ обязанности зарабатывать себѣ хлѣбъ, объ обязанностяхъ въ отношеніи общества и государства, приучаетъ его къ лѣни, но,—что главное—она заставляетъ его жить извѣстное время въ такомъ мѣстѣ, гдѣ собраны со всей страны преступные элементы. Понятно поэтому, что даже въ Англии, гдѣ тюрьмы образцовыя, по словамъ Ашротта, господствуетъ сильное теченіе въ пользу того, чтобы давать возможность преступникамъ добрымъ поведеніемъ избавиться отъ клейма: „сидѣль въ тюрьмѣ“.

„Понятно также, если авторъ извѣстнаго сочиненія *Die Abschaffung der Strafknechtschaft 1896—1897*, Dr. Julius Vargha, говоритъ, что трудно даже понять, какъ люди могли додуматься до того, чтобы собирать всѣ безнравственные элементы со всей страны въ одно мѣсто и надѣяться такимъ образомъ достигнуть какихъ-нибудь другихъ цѣлей, кромѣ культивированія преступности и обращенія этихъ самыхъ мѣстъ заключенія въ *entehrende Kasernen*,—обезпечаивающія казармы.

„Эта послѣдняя мысль, выраженная профессоромъ-теоретикомъ, не ему принадлежитъ,—она глубоко прочувствована людьми жизни и взята прямо изъ жизни; всѣми безъ исключенія сознается, какой колоссальный вредъ приносятъ тюрьмы, что значитъ „клеймо“ налагаемое на сидѣвшихъ въ тюрьмѣ, насколько тюрьмѣ по самому существу ея присущи такіе недостатки, которые при самомъ образцовомъ устройствѣ устранить нельзя, насколько тюрьма въ самомъ существѣ своемъ принадлежитъ къ той системѣ наказанія, которая была рассчитана на *изверженіе преступника* изъ общества. А между тѣмъ, помимо принципіальныхъ взглядовъ, въ силу внѣшнихъ измѣнившихся обстоятельствъ, какъ то: переполненія колоній населеніемъ, отсутствія совсѣмъ ненаселенныхъ мѣстъ, полной почти отмены смертной казни и т. д., *изверженіе преступниковъ* стало невозможно,—приходится измѣнить самую систему борьбы съ преступленіемъ: *вмѣсто системы вывоза отбросовъ соціального организма, надо перейти къ системѣ обезвреженія и оставленія на мѣстѣ, надо принять мѣры къ тому, чтобы преступники, которыхъ приходится оставлять среди общества, могли бы быть оставляемы безъ вреда для послѣдняго.* И вотъ, поэтому понятно, что въ наше время, когда и государственные люди совершенно откровенно и прямо, а за

ними, хоть и далеко не вполне чистосердечно, и представители науки признаютъ, что дѣло государственной власти—не карать за грѣхи, а бороться съ преступленіемъ, какъ съ социальнымъ зломъ, болѣзною, предупреждать совершеніе новыхъ преступленій,—полная несостоятельность тюрьмы, какъ средства борьбы съ преступленіемъ, стала очевидна. Признано, говоря словами того же Варга, что „es war zu viel gestraft, zu viel gekerkert“. Сознана открыто и откровенно необходимость установленія новой системы наказаній, въ которой тюрьма занимала бы мѣсто не цѣлительнаго средства отъ всѣхъ болѣзней, какъ теперь, а лишь неизбѣжнаго зла, предѣлы котораго необходимо, по возможности, ограничить. Если идеалисты-теоретики, идеализируя это движеніе, повторяютъ все чаще „tout comprendre c'est tout pardonner“, то дѣятели-практики вовсе не думаютъ о прощеніи, объ оставленіи безнаказанными преступниковъ, о капитулированіи предъ грознымъ напоромъ и усиленіемъ преступнаго рецидива, но занялись выработкой цѣлой системы различныхъ мѣръ для борьбы съ преступленіемъ. Эти мѣры, осуществленіе которыхъ принадлежитъ почти исключительно *общественной, частной* инициативѣ, объединяются одной общей цѣлью, указанной болѣе правильнымъ пониманіемъ причинъ развитія преступности въ современномъ обществѣ,—цѣлью прежде всего предупредить или устранить деклассацию, переходъ слабыхъ въ нравственномъ, умственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ лицъ изъ рядовъ нормальнаго, честнаго, трудящагося общества въ ряды преступнаго класса, объединившагося, по вѣрному замѣчанію Гарда въ его *Criminalité comparée*, въ особый цехъ ремесленниковъ преступленія. Эти мѣры касаются прежде всего предупрежденія преступленій: таковы разнообразныя, обширныя мѣры по борьбѣ съ нищенствомъ, бродяжествомъ, безработицей, созданіе всевозможныхъ рабочихъ домовъ, рабочихъ колоній, страннопріимныхъ станцій и т. д., цѣлая громадная отрасль дѣятельности, подробно разсмотрѣнная въ обширномъ, великолѣпно разработанномъ докладѣ Парижскому конгрессу г.г. Дрейфуса, Ривьера и Дриу (*Bullet. Comm. pénit. intern. 1895. Avril*). Связь между устройствомъ рабочихъ домовъ и паденіемъ или ростомъ преступности представлена въ отчетѣ англійскихъ инспекторовъ надъ мѣстными тюрьмами за 1895 г. (*Report of the Commis. of Prisons*) особой картограммой, при чемъ оказывается, что, чѣмъ большее число лицъ воспользовалось *indoor relief*, т. е. помощью съ поступленіемъ въ самый рабочий домъ, тѣмъ меньше содержалось въ тюрьмахъ.

„Затѣмъ слѣдуютъ всевозможныя принудительно-воспитательныя

заведенія для нравственно испорченной или преступной молодежи, особые интернаты для алкоголиковъ, какъ людей, которые даютъ высокій процентъ преступности, цѣлый рядъ другихъ мѣръ, которыя французы называютъ *le patronage avant le crime*.

„Наконецъ и относительно совершившихъ преступленіе примѣняется цѣлый рядъ мѣръ, чтобы воспрепятствовать разобщенію преступника съ обществомъ, которое вызываетъ тюрьма. Въ ряду этихъ мѣръ главное, безспорное и общепризнанное значеніе имѣетъ патронатъ надъ освобожденными изъ мѣстъ заключенія, онъ является коррективомъ, совершенно необходимымъ, главнѣйшаго, если не единственнаго, вида современнаго наказанія. Патронатъ поддерживаетъ связь преступника съ семьей и старается подготовить его къ возвращенію въ ряды нормальнаго непреступнаго общества, къ тяжелымъ условіямъ трудовой жизни на волѣ. При выходѣ арестанта изъ тюрьмы патронатъ, познакомившись съ нимъ предварительно, подъ своею отвѣтственностью рекомендуетъ его честнымъ работодателямъ и устраняетъ такимъ образомъ одно изъ главныхъ вредныхъ послѣдствій тюрьмы: недовѣріе общества къ бывшему арестанту. Мало того, патронатъ самъ приискиваетъ работу выходящему и до полученія таковой даетъ ему возможность существовать, не ища средствъ къ пропитанію въ совершеніи преступленій. Понятно, что при такихъ условіяхъ патронатъ, являясь сначала только коррективомъ главнаго вида современнаго наказанія, въ дѣйствительности *оказывается имѣющимъ для дѣла борьбы съ преступностью неизмѣримо большее значеніе, чѣмъ само корректируемое имъ наказаніе*. Съ того момента, когда общество примирилось съ преступникомъ и приняло его обратно въ свою среду, давъ ему честное занятіе, все возможное для обезвреженія даннаго лица сдѣлано, достигнуты наилучшіе результаты и достигнуты, исключительно благодаря патронату.

„Патронатъ въ Россіи по нашимъ условіямъ можетъ имѣть, конечно, не меньшее, а еще гораздо большее значеніе, чѣмъ въ Европѣ. И мы, слѣдуя Европѣ, отмѣнили ссылку и остались почти при единственномъ видѣ наказанія—лишеніи свободы въ мѣстахъ заключенія (различные роды которыхъ между собою почти ничѣмъ не отличаются), но отъ этого наши мѣста заключенія не улучшились. Эти мѣста заключенія неизмѣримо хуже западно-европейскихъ по отсутствію не только одиночнаго заключенія съ неизбѣжнымъ полнымъ смѣшеніемъ въ одно всѣхъ категорій арестантовъ, но, главнымъ образомъ, по полному отсутствію всякаго внутренняго режима, всякой

системы въ примѣненіи различныхъ средствъ для исправленія арестантовъ: труда и основанныхъ на немъ поощреній и взысканій. Я позволяю себѣ надѣяться, что нѣкоторымъ изъ присутствующихъ здѣсь извѣстны результаты, къ которымъ меня привело въ 1897 г. изслѣдованіе этого внутренняго режима нашихъ тюремъ и постановки арестантскаго труда; оказалось, между прочимъ, что въ то время, какъ въ тюрьмахъ Англій занято работами 75%, Бельгіи 78% содержащихся, въ Россіи въ нѣкоторыхъ каторжныхъ тюрьмахъ трудомъ занято всего 28% арестантовъ, такой же процентъ занятій даютъ губернскія тюрьмы, въ уѣздныхъ тюрьмахъ процентъ понижается до 20⁹/₂₀% и лишь въ арестантскихъ отдѣленіяхъ достигаетъ 50%.

„Я думаю, что при такомъ состояніи нашего тюремнаго режима исполнѣ понятно въ высшей степени недовѣрчивое отношеніе нашего общества къ бывшимъ тюремнымъ сидѣльцамъ и ясно также и положеніе у насъ дѣла борьбы съ преступностью; съ отмѣною ссылки мы всѣхъ почти преступниковъ отправляемъ въ мѣста заключенія, но значительную часть этихъ преступниковъ, по отбытіи заключенія, и именно *благодаря отбытію*, уже представляется невозможнымъ возвратить въ ряды нормальнаго, честнаго общества, и они увеличиваютъ собой цехъ ремесленниковъ преступленія.

„Остановите ваше вниманіе на этомъ положеніи, и вы признаете, что оно представляетъ серьезную опасность и что правильное устройство патроната, представленнаго въ настоящее время всего 7 обществами, является настоятельною, неотложною необходимостью. Это не вопросъ о томъ или другомъ желательномъ улучшеніи, усовершенствованіи, безъ котораго, однако, можно и обойтись пока,—нѣтъ, это назрѣвшая, не допускающая болѣе отсрочекъ и промедленія въ удовлетвореніи, государственная потребность. Только при существованіи патроната мы можемъ надѣяться на улучшеніе нашего неудовлетворительнаго тюремнаго режима, на осуществленіе столь желательныхъ нововведеній въ видѣ досрочнаго условнаго освобожденія и условнаго осужденія, а главное только при содѣйствіи патроната мы можемъ рассчитывать на успѣхъ въ борьбѣ съ преступностью!

„Въ виду такой важной, государственной потребности, что же можемъ сдѣлать мы, частное, ученое общество? Я глубоко убѣжденъ, что и мы, какъ общество, и мы, какъ отдѣльныя частныя лица, можемъ сдѣлать очень многое для возрожденія патроната въ Россіи. Какъ я уже старался доказать въ своемъ докладѣ, напечатанномъ

въ бюллетенѣ № 11, патронатъ можетъ зародиться и существовать, исключительно благодаря частной инициативѣ; во всѣхъ тѣхъ государствахъ, гдѣ онъ широко развитъ, онъ является дѣломъ частныхъ лицъ.

„Оно и вполне понятно, ибо патронатъ, въ сущности, вѣтвь общей филантропіи, которая всюду остается въ вѣдѣніи не государства, а частныхъ лицъ. Филантропія требуетъ вполне безкорыстнаго, ничѣмъ не оплачиваемаго служенія избранному, любимому дѣлу, такого служенія можно ждать только отъ создателя и хозяина дѣла, находящаго удовлетвореніе своихъ взглядовъ въ такомъ занятіи и поставленнаго въ вполне свободныя условія для проведенія этихъ взглядовъ.

„Патронатъ, совмѣщая въ себѣ эти основныя черты всякой филантропіи, въ то же время имѣетъ еще и свою особенность; способы осуществленія попеченія надъ выпускаемымъ такъ чрезвычайно разнообразны, что не поддаются никакой общей нормировкѣ и могутъ быть только дѣломъ изобрѣтательности и приспособленія къ мѣстнымъ условіямъ частной инициативы. И въ Россіи, не превратись вначалѣ живое и основанное исключительно на частной инициативѣ Попечительное о тюрьмахъ общество въ строго административное бюрократическое учрежденіе съ полной подчиненностью мѣстныхъ органовъ центральному и заполненіемъ не только руководящихъ мѣстъ, но и всего состава комитетовъ и отдѣленій членами ех offісіо, т. е. людьми, обремененными прямыми служебными обязанностями и не проявляющими поэтому никакой любви къ лишнему дѣлу, патронатъ получилъ бы и у насъ широкое развитіе.

„Но если не касаться Попечительнаго о тюрьмахъ общества и строить патронатъ внѣ этого общества, то препятствій никакихъ не встрѣтится. Законъ и административная власть не только не противятся проявленію частной инициативы въ этомъ дѣлѣ, но даже поощряютъ, помогаютъ этой инициативѣ. Вспомнимъ, какое широкое примѣненіе съ полнаго согласія и при поддержкѣ правительства получила частная инициатива въ дѣлѣ совсѣмъ родственномъ дѣлу патроната—въ созданіи исправительныхъ колоній для малолѣтнихъ. Вспомнимъ далѣе, что ст. 173 и 209 уст. о сод. подъ стражей предусматриваютъ особую помощь пріютамъ для дѣтей арестантовъ въ видѣ отпуска корма и всего содержанія изъ тюрьмы. Правда, номинально, большинство этихъ пріютовъ состоитъ въ вѣдѣніи тюремныхъ комитетовъ (есть и не состоящіе, какъ имени Нарышкина

въ Тамбовѣ, спеціального общества въ Двинскѣ), но именно номинально; фактически для завѣдыванія ими образовались самостоятельныя небольшія общества, которыя поставили себя лишь въ вѣдѣніе комитетовъ попечительныхъ для полученія пособія отъ казны. Я не сомнѣваюсь, что и эта формальная связь съ комитетами можетъ легко быть порвана, и не только пріюты для дѣтей арестантовъ, но и общества патроната легко добьются извѣстной матеріальной помощи отъ тюремнаго вѣдомства.

„Такимъ образомъ остается лишь возбудить частную инициативу, и затѣмъ, вначалѣ, по крайней мѣрѣ, ее поддержать.

„А для этого надо распространять среди общества идею о необходимости участія общественныхъ силъ, частной инициативы въ дѣлѣ борьбы съ преступностью, о важности этого участія, о томъ, что это дѣло всѣхъ слоевъ общества, о законности, о возможности и совершенной доступности такого участія для лицъ всѣхъ состояній, положеній общества и даже всякаго уровня образованія.

„Въ видахъ достиженія этой цѣли я предложилъ въ своемъ докладѣ два средства. Во-первыхъ, выработать нормальный уставъ патроната—это несомнѣнно облегчитъ возникновеніе небольшихъ обществъ патроната при губернскихъ и уѣздныхъ тюрьмахъ. Въ этомъ отношеніи я не встрѣтилъ до сихъ поръ возраженій. Если вы затруднитесь во всѣхъ подробностяхъ обсудить представленные вамъ проекты нормальныхъ уставовъ, то, быть можетъ, вы остановитесь на основныхъ началахъ, которыя должны быть приняты во вниманіе при составленіи такого устава.

„Я думаю, что эти положенія не встрѣтятъ особыхъ возраженій.

„Другое мое предложеніе состоитъ въ призывѣ и къ вамъ, какъ обществу, и къ вамъ, какъ отдѣльнымъ лицамъ, образовать общество патроната, одно, общее; основаніе такого общества я считаю совершенно необходимымъ; мало того, я думаю, что въ этомъ только мы и можемъ проявить свою дѣятельность, оставить въ дѣйствительной жизни слѣдъ нашего сочувствія патронату.

„Въ самомъ дѣлѣ, если мы выразимъ свое сочувствіе патронату въ особомъ постановленіи и разойдемся, прибавится ли что-нибудь къ нынѣшнему положенію патроната въ Россіи? Другое дѣло, если бы патронатъ былъ вопросомъ сложнымъ, спорнымъ, новымъ, въ такомъ случаѣ и подробное обсужденіе, устраненіе сомнѣній и сочувственное постановленіе являлось бы шагомъ впередъ. Но вопросъ о патронатѣ, его значеніи и пользѣ—безспорный, и ничего новаго мы сказать не можемъ; но мы, какъ группа лицъ, которымъ близко

извѣстны тѣ приемы и способы, къ которымъ прибѣгали въ другихъ государствахъ лица, сочувствующія патронату, для того, чтобы распространить и развить патронатъ, можемъ и, скажу, съ нравственной точки зрѣнія, должны прибѣгнуть къ тѣмъ же приемамъ, если хотимъ доказать жизнеспособность нашего молодого общества.

„И вотъ, однимъ изъ главныхъ, если не самымъ главнымъ способомъ, послужившимъ всюду—и во Франціи, и въ Германіи, и въ Бельгіи—къ широкому и крайне быстрому развитію патроната, было образованіе главныхъ, центральныхъ обществъ или союзовъ.

„Хотя у насъ пока и очень мало обществъ патроната,—назовемъ такое главное общество патроната Союзомъ русскихъ обществъ патроната или просто Союзнымъ обществомъ. Такое названіе уже окончательно устранить возникшія у нѣкоторыхъ лицъ при ознакомленіи съ моимъ докладомъ сомнѣнія: не будетъ ли такое главное общество или Союзъ начальствомъ для мѣстныхъ. Нѣтъ, разумѣется, нѣтъ; бесконечно правы тѣ, которые считаютъ, что жизнеспособность всѣхъ филантропическихъ учрежденій, въ томъ числѣ и патроната, зависитъ отъ степени свободы, предоставленной частной инициативѣ. Лучшимъ примѣромъ этого служить Попечительное о тюрьмахъ общество.

„Въ наше время существованіе этого общества чисто фиктивное—оно существуетъ только на бумагѣ, и большинство комитетовъ, не собирая членовъ, удовлетворяется подписями членовъ. Средства свои общество тоже, главнымъ образомъ, получаетъ отъ тюремной администраціи. Когда въ Петербургѣ и Москвѣ пожелали оживить дѣло патроната, то пришлось построить новыя зданія на новыхъ началахъ въ видѣ благотворительно-тюремныхъ комитетовъ.

„Теперь задача лицъ, симпатизирующихъ патронату, и состоитъ именно въ томъ, чтобы продолжить мысль, положенную въ основу благотворительно-тюремныхъ комитетовъ, и, не касаясь фиктивного существованія Попечительнаго общества и его комитетовъ, принять на себя живое и жизненное дѣло патроната, выпавшее окончательно изъ омертвѣвшихъ рукъ Попечительнаго общества.

„И для этого прежде всего надо образовать центральное общество, союзъ, разумѣется не для того, чтобы подчинить мѣстныя общества или даже чтобы руководить ими или указывать способы патронирования.

„Нѣтъ, у этого общества будутъ задачи болѣе широкія и полезныя.

„И прежде всего—быть носителемъ и распространителемъ идеи патроната. Теперь такого носителя нѣтъ, на знамени русской группы патронатъ появился временно, а между тѣмъ надо и послѣ того, какъ мы разойдемся, чтобы былъ органъ, который путемъ циркуляровъ, брошюръ, публичныхъ лекцій, распространялъ бы среди нашего общества идею о важности патроната для дѣла борьбы съ преступностью, о томъ, что патронатъ всецѣло дѣло частной инициативы, о томъ, что устройство патроната и дешево, и несложно; такое общество будетъ давать возникающимъ обществамъ свѣдѣнія о способахъ законнаго утвержденія, о приемахъ патроната за границей и у насъ.

„Право, мнѣ кажется и этого довольно, это громадная плодотворная задача, и въ исполненіи ея не встрѣтится особыхъ затрудненій, не понадобится для этого и большихъ средствъ. Не надо (да и матеріала не станетъ) издавать толстыхъ дорогихъ ежемѣсячниковъ, но достаточно выпускать 3, 4 книжки въ годъ очень дешеваго изданія, въ которыхъ заключались бы свѣдѣнія о патронатѣ въ Россіи и за границей.

„Если дѣло пойдетъ, симпатіи къ обществу возрастутъ, то общество получитъ и большія матеріальныя средства, сначала частныя, а потомъ, быть можетъ, и правительственную субсидію — какъ всѣ подобныя общества за границей,—и будетъ имѣть возможность оказывать не только нравственную помощь, но и матеріальную, хотя бы только возникающимъ обществамъ на первое время или обществамъ, находящимся временно въ затрудненіи.

„Если его авторитетъ упрочится, общество будетъ представлять интересы патроната въ цѣломъ и въ частности, по порученію отдѣльныхъ обществъ, ихъ интересы предъ правительствомъ, будетъ созывать съѣзды представителей отдѣльныхъ обществъ патроната и прилагать старанія къ объединенію ихъ усилій и заключенію между отдѣльными обществами союзовъ о помощи при устройствѣ обоюдныхъ кліентовъ.

„Я лично ничуть не сомнѣваюсь и въ блестящей будущности такого союзаго общества, и въ той громадной пользѣ, которую оно принесетъ дѣлу патроната въ Россіи. Въ этомъ меня убѣждаетъ недавній примѣръ Франціи. Въ 1893 году собрался въ Парижѣ національный французскій конгрессъ патроната. Были сдѣланы предложенія создать общество, которое объединяло бы всѣ существующія французскія общества и, главное, вызывало бы частную инициативу. По этому поводу одинъ изъ членовъ конгресса Vogelot ска-

заль ¹⁾: „повсюду, гдѣ общества патроната объединялись: въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, въ Англіи, въ Германіи, въ Швейцаріи, ихъ число быстро увеличилось, и результаты получились блестящіе“. Предложенія были приняты, союзъ (Union des sociétés de patronage) образовался, и результаты оказались дѣйствительно блестящіе. Въ 1893 г. было обществъ патроната 40 и опекаемыхъ 9873 человѣка, а къ 1901 г. обществъ было 103 и опекаемыхъ 20.000. Какъ я уже говорилъ, свобода отдѣльныхъ обществъ была сохранена, они поочередно въ числѣ 5 входятъ на правахъ членовъ въ составъ комитета изъ 25 членовъ, который ведетъ все дѣло, такъ какъ общее собраніе созывается разъ въ годъ. Главная задача комитета знать положеніе дѣла патроната во Франціи, поощрять и вызывать частную инициативу; что же касается до матеріальной помощи отдѣльнымъ обществамъ, то таковую предположено оказывать въ томъ лишь случаѣ, если средства союза увеличатся.

„Нельзя здѣсь не упомянуть, что въ дѣлѣ развитія патроната или, лучше сказать, вызова къ дѣятельности частной инициативы приняла во Франціи участіе и другая сила. 18 января 1894 г. ²⁾ министръ внутреннихъ дѣлъ обратился, въ виду усилій обществъ патроната, съ циркуляромъ къ префектамъ, рекомендуя имъ оказывать все зависящее отъ нихъ содѣйствіе всякой частной инициативѣ, направленной на образованіе патроната.

„Я позволилъ себѣ уже въ своей работѣ о замѣнѣ ссылки предложить нѣчто аналогичное, основываясь на близкомъ знакомствѣ съ русскими условіями и спеціально съ положеніемъ представителей прокурорскаго надзора въ губерніи и уѣздѣ. Я утверждалъ, что если бы Министръ Юстиціи призналъ возможнымъ, по утвержденіи нормальнаго устава патроната, разослать таковой при циркулярѣ и поручить мѣстнымъ товарищамъ прокурора, завѣдывающимъ тюрьмами, пригласить присяжныхъ засѣдателей и другихъ лицъ, интересующихся дѣломъ, принять участіе въ образованіи обществъ патроната, то создалось бы во всякомъ случаѣ очень много такихъ обществъ. И теперь я считалъ бы въ высшей степени полезной мѣрой, если бы русская группа Международнаго союза криминалистовъ обратилась черезъ своего уважаемаго предсѣдателя съ соотвѣтственнымъ ходатайствомъ къ господину Министру Юстиціи.

„Нельзя далѣе забывать и того участія, которое несомнѣнно при-

¹⁾ Rev. pénit. 1893 p. 804.

²⁾ Rev. pénit. 1894 p. 234.

мутъ въ осуществленіи задачъ патроната наши филантропическія учрежденія. Патронатъ не можетъ осуществить свою задачу безъ такой помощи, и это понятно. Типическія особенности дѣятельности патроната состоятъ въ томъ, что члены его получаютъ доступъ въ тюрьмы, входятъ въ сношенія съ преступниками во время отбыванія ими наказанія, знакомятся съ ними, готовятъ ихъ къ выходу на волю и, наконецъ, достойныхъ изъ нихъ при выходѣ подъ своею отвѣтственностью рекомендуютъ. Дальнѣйшая дѣятельность—пріисканіе занятій, устройство работъ для непріискавшихъ занятій, снабженіе выпущенниковъ одеждой, помѣщеніе и прокормленіе ихъ до полученія мѣста, да наконецъ даже надзоръ за поведеніемъ ихъ на волѣ—уже не имѣетъ типическаго характера дѣятельности собственно патроната и сливается съ общей благотворительною, разумно филантропическою дѣятельностью, задачею которой является: поставить ослабѣвшаго члена общества на ноги, поддержать его въ моментъ несчастія и предохранить его такимъ образомъ отъ полного нравственнаго паденія. Но если это такъ, то естественно, что общества патроната со своими сравнительно съ общимъ числомъ нуждающихся въ благотворительной помощи немногочисленными, хотя и трудными, кліентами могутъ успѣшно дѣйствовать только въ согласіи и при помощи всѣхъ обществъ филантропическихъ, во всѣхъ разнообразныхъ ихъ формахъ и видахъ, раскидывающихъ все болѣе широкую сѣть разнообразныхъ благотворительныхъ учреждений. Надо надѣяться, что, по образованіи Союзнаго общества патроната, это общество войдетъ въ соглашеніе съ Попечительствомъ о дѣлахъ трудолюбія и, можетъ быть, отчасти, въ отношеніи призрѣнія дѣтей, съ Вѣдомствомъ учреждений Императрицы Маріи, установитъ съ этимъ почтеннымъ учрежденіемъ планъ совмѣстныхъ дѣйствій и включить въ свой комитетъ делегатовъ этихъ учреждений. Надо надѣяться также, что эти учрежденія пожелаютъ имѣть своихъ делегатовъ и въ мѣстныхъ обществахъ патроната. Быть можетъ, Попечительство о домахъ трудолюбія, на знамя котораго занесено уже попеченіе о выпущенныхъ изъ мѣстъ заключенія, пожелаетъ прійти и нынѣ на помощь при образованіи главнаго или союзнаго общества патроната, которое будетъ ему союзникомъ въ общемъ дѣлѣ.

„Я не сомнѣваюсь, что у насъ есть много людей, расположенныхъ къ идеѣ патроната, стоитъ только вспомнить постоянныя заявленія присяжныхъ засѣдателей въ разныхъ мѣстахъ Россіи, которые, проведя сессію и прійдя къ убѣжденію въ необходимости устройства учреждений для опеки надъ выпускаемыми, собираютъ

деньги, а потомъ ищутъ указаній, куда и какъ направить. Сколько пріютовъ для дѣтей арестантовъ содержатся на средства присяжныхъ.

„А, вѣдь, присяжные—это то же общество и притомъ въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ. А общества, содержащія исправительныя колоніи для малолѣтнихъ,—вѣдь, они и теперь занимаются патронатомъ надъ выпускаемыми изъ колоній. Лица, входящія въ составъ этихъ обществъ, несомнѣнно также предрасположены къ расширенію дѣла патроната.

„Стоитъ только направить готовыя силы, указать пути и прорубить немного дорожку, и дѣло пойдетъ. Вначалѣ, надо надѣяться, вступятъ въ общество членами существующія общества патроната и нѣкоторыя изъ обществъ, содержащихъ исправительныя колоніи. Далѣе, быть можетъ, явятся и гуманные благотворители, которые пожелаютъ записаться пожизненными членами и дадутъ скромныя средства для заведенія дѣла. А затѣмъ, если Союзному обществу съ нормальнымъ уставомъ для мѣстныхъ патронатовъ въ рукахъ удастся распространить въ обществѣ убѣжденіе, что для занятія патронатомъ нѣтъ слишкомъ малыхъ средствъ или слишкомъ малаго состава членовъ и что самые скромные размѣры маленькаго единенія уже представляютъ очень много въ дѣлѣ патроната, то въ развитіи патроната не будетъ основаній сомнѣваться.

„И если мы, здѣсь присутствующіе, приложимъ руки и заложимъ фундаментъ для этого большаго, хотя и скромнаго, дѣла, то мы докажемъ, что русскіе криминалисты ясно понимаютъ современное положеніе дѣла борьбы съ преступностью въ Россіи и его настоятельныя, назрѣвшія нужды и создаютъ средства для удовлетворенія этихъ нуждъ.

„Позвольте разсчитывать на успѣхъ у васъ, м. г., не мой и моего реферата, а того дѣла, которое я очень высоко ставлю и именно потому, что въ рамкахъ, очерченныхъ дѣйствующимъ закономъ для частной инициативы, оно вполне осуществимо, и было бы грѣшно удовлетворяться только разсужденіями на отвлеченныя темы, когда можно дать жизнь дѣйствительно реальному, высоко полезному дѣлу.

„Итакъ, не переходя теперь же къ отдѣльнымъ положеніямъ, я позволяю себѣ предложить основать Союзное общество патроната, выработать, какъ уставъ этого общества, такъ и нормальный уставъ мѣстныхъ обществъ патроната и обратиться черезъ нашего уважаемаго и авторитетнаго предсѣдателя группы къ Министру Юстиціи съ ходатайствомъ, во-первыхъ, объ утвержденіи этихъ двухъ уста-

вовъ и, во-вторыхъ, объ изданіи особаго циркуляра, которымъ бы поощрялась энергія чиновъ прокурорскаго надзора въ дѣлѣ образованія новыхъ обществъ патроната.

„Въ заключеніе, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ объ одной отрасли патроната, которая имѣетъ въ виду совершенно вопіющую нужду нашего тюремнаго режима, я говорю объ удаленіи изъ тюрьмы невинныхъ дѣтей арестантовъ на время содержанія родителей въ тюрьмѣ. Что содержаніе невинныхъ дѣтей въ тюрьмѣ во вредныхъ все-же для нихъ гигиеническихъ условіяхъ безъ воздуха и движенія жестоко, — это безспорно. Но еще, кажется, безспорнѣе, что культивировать на государственнѣй счетъ будущихъ преступниковъ, помѣщая умышленно невинныхъ дѣтей въ близкое, непрерывное и продолжительное общеніе съ самыми преступными элементами страны, есть зло, которое не можетъ быть долѣе терпимо ни одной минуты. Ни въ одной изъ своихъ отраслей патронатъ не сходится ближе съ филантропіей, какъ въ борьбѣ съ только-что указаннымъ зломъ. Скажу болѣе, забота объ удаленіи невинныхъ дѣтей арестантовъ изъ тюрьмы возникаетъ только тогда, когда филантропія не исполнила своей задачи, допустила этихъ дѣтей до заключенія въ тюрьму, не устроивъ ихъ, какъ заброшенныхъ, нуждающихся въ существенной опекѣ дѣтей. Я говорю это не въ видѣ упрека существующимъ филантропическимъ учрежденіямъ, я знаю, какъ колоссальны ихъ задачи и какъ малы средства и деньгами, и персоналомъ — людьми, располагающими свободнымъ временемъ; нѣтъ, это не упрекъ, а просьба, обращеніе вниманія на необходимость безусловно безъ отказа оказывать содѣйствіе въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣются пріюты обще-благотворительные въ мѣстѣ расположенія тюрьмы. Если возможны еще сомнѣнія въ необходимости оказывать содѣйствіе дѣтямъ заброшеннымъ, пока они на волѣ, чтобы не освободить родителей отъ ихъ прямыхъ священныхъ обязанностей, то съ поступленіемъ дѣтей въ тюрьму уже не можетъ быть болѣе сомнѣній въ томъ, что родители не въ состояніи исполнить своихъ обязанностей, и надо немедленно прійти на помощь. Я позволяю себѣ расчитывать, что съ образованіемъ новаго общества патроната будетъ выработанъ общій обоюдный планъ дѣйствія въ такихъ случаяхъ со всѣми филантропическими учрежденіями, и прежде всего съ тѣми учрежденіями, которыми мы по справедливости можемъ гордиться — съ Вѣдомствомъ учрежденій Императрицы Маріи, и специально — съ высоко симпатичнымъ самостоятельнымъ управле-

ніемъ дѣтскихъ пріютовъ, дающихъ пищу духовную и кормъ тысячамъ бѣдныхъ дѣтей, и съ Попечительствомъ о домахъ трудолюбія, и съ Ольгинскими пріютами, которые уже открыли двери для дѣтей арестантовъ. А пока надо надѣяться, что филантропическія общества и безъ соглашенія будутъ содѣйствовать цѣли. Намъ же слѣдуетъ выработать нормальный уставъ для тѣхъ скромныхъ обществъ или, лучше сказать, группировокъ симпатизирующихъ дѣлу людей, которые пожелаютъ заняться призрѣніемъ такихъ дѣтей, не присоединяя обязательно, какъ это дѣлало до сихъ поръ тюремное вѣдомство, этихъ обществъ къ тюремнымъ комитетамъ. Этимъ было загублено не одно хорошее дѣло. Для того же, чтобы такія полезныя общества не остались безъ средствъ, надо только примѣчаніе къ ст. 209 уст. сод. подъ страж. распространить на всѣ тѣ частныя общества, которыя, дѣйствуя на основаніи утвержденнаго устава, займутся дѣломъ призрѣнія дѣтей арестантовъ. Тогда кормовыя деньги, отпускаемыя на содержаніе дѣтей арестантовъ изъ казны въ распоряженіе тюремныхъ комитетовъ (173 уст. о сод. подъ страж.), и по исключенію въ распоряженіе благотворительныхъ тюремныхъ комитетовъ, будутъ поступать въ распоряженіе и этихъ частныхъ обществъ.

„Итакъ пусть нормальный уставъ ходатайствуетъ о распространеніи примѣчанія къ ст. 209 уст. о сод. подъ страж. на всѣ общества и особенно о привлеченіи вниманія филантропическихъ учрежденій къ этому маленькому, скромному, но волюющему о помощи дѣлу“.

По окончаніи этого доклада, *И. Я. Фоймикинъ* замѣтилъ слѣдующее.

„Я долженъ сказать два слова не по содержанію доклада С. К. Гогеля, а по выполненію программы. Когда на предыдущемъ съѣздѣ ставился вопросъ о патронатѣ, то никакихъ сомнѣній о необходимости его введенія въ Россіи не было. Не могли они явиться теперь: порядокъ патроната—состояніе культуры, отсутствіе патроната—состояніе дикости. Думаю, возраженій въ настоящемъ собраніи никто и не могъ ожидать. Потому и всякія сужденія по общему вопросу о необходимости патроната—безцѣльны и бесполезны. Комитетъ, ставя этотъ вопросъ, желалъ вызвать не обсужденіе принципа его, который стоитъ твердо и незыблемо, особенно въ виду рѣшенія прошлогодняго съѣзда, но обсужденіе мѣръ и способовъ, которые могутъ быть рекомендованы для скорѣйшаго введенія его въ Россіи и для обезпеченія ему практическаго успѣха. А отвѣта на эти вопросы, къ сожалѣнію, въ выслушанномъ докладѣ мы не находимъ.“

Мы все-таки должны остановиться на нихъ, ибо въ нашихъ сѣз-дахъ предметомъ обсужденія признается не данный докладъ, а весь тотъ вопросъ, который внесенъ въ программу. Я удивленъ, что не слыхалъ даже тезисовъ, которые намѣренъ поддерживать г. докладчикъ“.

Въ виду послѣдняго указанія, г. *Гоель* прочелъ слѣдующіе тезисы:

1) Въ согласіи съ современными воззрѣніями теоріи и практики патронатъ долженъ быть признанъ однимъ изъ самыхъ важныхъ факторовъ въ дѣлѣ борьбы съ преступностью. Развитие патроната въ Россіи имѣетъ первостепенную важность; только при существованіи патроната можно надѣяться на улучшеніе неудовлетворительнаго внутренняго строя нашихъ тюремъ, на ослабленіе недовѣрія нашего общества къ лицамъ, освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія, недовѣріе, которое въ концѣ концовъ приводитъ выпущенныхъ къ новому преступленію. Наконецъ при существованіи патроната скорѣе можно рассчитывать на воспріятіе нашимъ законодательствомъ столь желательныхъ новыхъ институтовъ—условнаго досрочнаго освобожденія и условнаго осужденія.

2) Патронатъ есть дѣло, главнымъ образомъ, частной инициативы. Для развитія патроната въ Россіи надо облегчать проявленіе частной инициативы и оказывать ей содѣйствіе. Въ этихъ видахъ представляется совершенно необходимымъ выработать нормальный уставъ общества патроната, который бы давалъ возможность безъ всякихъ формальностей и особыхъ стѣснительныхъ условій лицамъ сочувствующимъ учреждать общества патроната на мѣстахъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, гдѣ расположены тюремные замки.

3) Въ тѣхъ же видахъ болѣе быстрого и свободнаго развитія патроната въ Россіи желательно по возможности скоро образовать главное общество патроната, которое, не занимаясь само осуществленіемъ патроната надъ отдѣльными лицами, являлось бы представителемъ и распространителемъ среди русскаго общества самой идеи патроната. Не подчиняя себѣ ни въ какомъ отношеніи мѣстныхъ обществъ патроната, Главное общество оказывало бы имъ матеріальную помощь, собирало бы свѣдѣнія о способахъ осуществленія патроната, примѣняемыхъ другими обществами, являлось бы представителемъ ихъ интересовъ предъ правительствомъ и другими обществами патроната, объединяло бы ихъ дѣятельность.

4) Патронатъ въ лицѣ какъ главнаго, такъ и мѣстныхъ обществъ, можетъ выполнять свою миссію по возвращенію заключен-

ныхъ преступниковъ къ честной трудовой жизни только въ тѣсномъ единеніи съ тюремной администраціей и при содѣйствіи послѣдней. Только при этомъ условіи можно быть увѣреннымъ, что общества патроната не отвлекутся отъ выполненія главной своей цѣли и не замѣнятъ ее общей филантропіей. Поэтому уставами обществъ должно быть обезпечено широкое и свободное участіе представителей тюремной администраціи въ дѣятельности комитетовъ на правахъ членовъ послѣднихъ. Такое единеніе съ тюремной администраціей въ осуществленіи одной общей задачи дастъ возможность патронату разсчитывать, быть можетъ, въ послѣдствіи и на матеріальное содѣйствіе со стороны этой администраціи по примѣру другихъ иностранныхъ правительствъ, оказывающихъ значительную матеріальную помощь мѣстнымъ обществамъ патроната.

5) Точно также для мѣстныхъ обществъ патроната представляется въ высшей степени важнымъ привлеченіе въ составъ своихъ комитетовъ чиновъ прокурорскаго надзора, мѣстныхъ юрисконсультовъ, стоящихъ на стражѣ законности въ тюрьмѣ и внѣ ея—единственныхъ лицъ, касающихся въ дѣйствительности и въ настоящее время пенитенціарной стороны тюремнаго дѣла, внутренняго тюремнаго режима, въ смыслѣ извѣстныхъ мѣръ дисциплинарныхъ и воспитательныхъ.

6) Такъ какъ далѣе общества патроната даже и при широкомъ и повсемѣстномъ развитіи не въ состояніи будутъ исключительно собственными силами осуществить задачу свою по реклассированію преступниковъ, въ особенности въ части, касающейся пріисканія имъ работъ на свободѣ и прокормленія ихъ до полученія опредѣленнаго рабочаго мѣста, то представляется въ высшей степени желательнымъ и необходимымъ содѣйствіе учреждений филантропическихъ, и прежде всего Попечительства о домахъ трудолюбія, представители котораго являлись бы въ высшей степени полезными членами комитетовъ, какъ главнаго, такъ и мѣстныхъ обществъ патроната.

7) Патронатъ долженъ принимать на себя попеченіе: а) о всѣхъ выходящихъ изъ даннаго мѣста заключенія и заслуживающихъ этого своимъ поведеніемъ безъ различія пола, возраста и вѣроисповѣданія, б) о всѣхъ дѣтяхъ арестантовъ, поступающихъ вмѣстѣ съ родителями въ мѣста заключенія на время содержанія послѣднихъ въ виду совершенной необходимости удаленія такихъ дѣтей изъ тюремъ и, наконецъ, в) патронатъ можетъ принимать на себя попеченіе и объ оставленныхъ арестантами на волѣ семействахъ ихъ.

8) Не считая возможнымъ обсудить во всѣхъ направленіяхъ представленныя уставы Главнаго и мѣстныхъ обществъ, съѣздъ признаеть необходимымъ остановиться на слѣдующихъ началахъ:

а) нормальный уставъ мѣстнаго патроната долженъ быть по возможности несложенъ и кратокъ для того, чтобы не стѣснять частной инициативы излишней регламентаціей; способы осуществленія попеченія надъ выпускаемыми должны быть всецѣло предоставлены усмотрѣнію членовъ cadaго даннаго общества патроната;

б) въ основу организацій обществъ патроната, какъ Главнаго такъ и мѣстныхъ должны быть положены два начала.

Съ одной стороны, начало частной инициативы и общественнаго контроля. Это начало должно выражаться въ томъ, что основныя указанія, какъ вести дѣло, должны исходить отъ общихъ собраній всѣхъ членовъ; всѣ должностныя лица и исполнительные органы должны быть выборными и давать отчетъ, какъ въ расходованіи суммъ, такъ и въ общемъ веденіи дѣла передъ общими собраніями; для вступленія въ члены общества должно быть поставлено какъ можно меньше ограниченій, и прежде всего членскій взносъ долженъ быть незначителенъ.

Съ другой стороны, самое осуществленіе дѣла патроната, какъ дѣла чисто административнаго и исполнительнаго, требующаго принятія немедленныхъ, часто очень мелочныхъ мѣръ, можетъ быть ввѣрено только постоянному исполнительному органу—комитету, въ составъ котораго входятъ представители ех offiціо вѣдомствъ и обществъ, но въ числѣ меньшемъ, чѣмъ число выборныхъ членовъ.

в) Для обезпеченія столь необходимаго для дѣла патроната довѣрія обществъ должна быть рекомендована самая широкая гласность, печатаніе и распространеніе подробныхъ отчетовъ о дѣятельности обществъ.

9) Въ виду изложеннаго съѣздъ постановилъ: ходатайствовать передъ Министромъ Юстиціи, какъ высшимъ руководителемъ въ нашемъ отечествѣ дѣла борьбы съ преступностью: а) объ утвержденіи уставовъ союзнаго и нормальнаго мѣстныхъ обществъ патроната и б) объ изданіи особаго циркуляра, коимъ рекомендовалось бы прокурорскому надзору и тюремнымъ инспекторамъ, какъ стоящимъ ближе всего къ тюремному дѣлу, принять всѣ возможныя въ ихъ положеніи усилія къ вызову частной инициативы для образованія обществъ патроната и вмѣнялось бы въ обязанность какъ этимъ лицамъ, такъ и начальникамъ тюремъ, оказывать существующимъ обществамъ патроната все зависящее отъ нихъ содѣйствіе и уча-

ствовать въ дѣятельности комитетовъ патронатовъ на правахъ членовъ.

По выслушаніи тезисовъ, слово было предоставлено профессору *А. А. Пюнтковскому*, который высказалъ слѣдующее:

„Тюремный патронатъ, безспорно, имѣетъ крайне серьезное общественно-государственное значеніе; отъ него въ значительной степени зависитъ успѣхъ всего дѣла борьбы съ преступностью. Въ-рять поэтому развитіе тюремнаго патроната исключительно частной инициативѣ невозможно, тѣмъ болѣе, что частная инициатива у насъ, въ Россіи, не можетъ достигнуть такой высокой степени напряженія, какой она достигла на западѣ.

„На ряду съ частной инициативой необходимо призвать къ жизни инициативу, болѣе устойчивую, болѣе постоянную. Я не имѣю въ виду образованіе тюремнаго патроната съ бюрократическимъ характеромъ, такъ какъ глубоко убѣжденъ, что такой патронатъ къ какому-либо плодотворнымъ результатамъ привести не можетъ. Я имѣю въ виду привлеченіе къ дѣлу развитія тюремнаго патроната органовъ общественнаго самоуправленія, образованіе земскаго и городского тюремнаго патроната.

„Еще въ 1866 году органы общественнаго самоуправленія были привлечены къ дѣлу развитія у насъ исправительно-воспитательныхъ учреждений. Отчего же не привлечь ихъ къ дѣлу развитія тюремнаго патроната?

„Образованіе земскаго и городского тюремнаго патроната особыхъ затрудненій не представляетъ ни въ финансовомъ, ни въ какомъ-либо другомъ отношеніи. Создать постоянные губернскіе, уѣздные и городскіе комитеты тюремнаго патроната, организовать постоянную агентуру въ деревняхъ—дѣло крайне нетрудное. А между тѣмъ только совокупными усиліями частной и общественной инициативы возможно вполнѣ обезпечить развитіе тюремнаго патроната у насъ на Руси.

„Призывъ, обращенный къ органамъ общественнаго самоуправленія, можетъ встрѣтить, по моему глубокому убѣжденію, только одно сочувствіе и поддержку, такъ какъ наши земства и городскія самоуправления всегда идутъ навстрѣчу всѣмъ благимъ начинаніямъ“.

М. М. Боровитиновъ. „Уважаемымъ предсѣдателемъ нашей группы только-что было справедливо указано, что не для обсужденія вопроса о томъ, долженъ или не долженъ быть патронатъ, собрался нашъ съѣздъ: по вопросу о желательности и необходимости патроната ни у практиковъ, ни у теоретиковъ-криминалистовъ нѣтъ

и не можетъ быть двухъ мнѣній. Нельзя рассчитывать на принципиальныя возраженія и противъ соображеній, развитыхъ въ выслушанномъ нами докладѣ о необходимости самаго широкаго распространенія идеи патроната въ нашемъ отечествѣ; пропагандѣ патроната въ Россіи можно пожелать только, разумѣется, возможно полнаго и возможно быстрого успѣха. Совершенно въ иномъ положеніи находится вопросъ о началахъ, которыя должны быть положены въ основу патроната; несмотря на то, что отъ правильнаго взгляда на существо и задачи патроната въ значительной степени зависитъ успѣхъ дѣла, вопросъ этотъ допускаетъ принципиальныя разногласія и потому долженъ бы былъ, по моему мнѣнію, сдѣлаться предметомъ обсужденія настоящаго съѣзда.

„Стремясь быть возможно краткимъ, я постараюсь формулировать вопросъ въ двухъ словахъ. При опредѣленіи существа и задачъ патроната, мнѣ кажется, можно исходить изъ двухъ, существенно отличающихся одна отъ другой, точекъ зрѣнія—изъ взгляда на патронатъ, во-первыхъ, какъ на особый видъ помощи освобождаемымъ изъ тюремъ, и, во-вторыхъ, какъ на послѣднее звено, крайнюю стадію пенитенціарной системы. Принимая первую точку зрѣнія, мы вводимъ задачи патроната въ скромныя, точно опредѣленныя рамки. Помочь освобождаемому изъ заключенія войти въ его обычную колею, устранить тѣ препятствія къ возвращенію на путь трудовой жизни, которыя создаются содержаніемъ подъ стражей,—вотъ та цѣль, къ достиженію которой, согласно этому взгляду, долженъ исключительно стремиться тюремный патронатъ. Было бы совершенно излишне указывать заранѣе тѣ формы, въ которыхъ можетъ проявиться благотворительная дѣятельность: пріисканіе мѣста и снабженіе одеждой, выписка паспорта и избавленіе отъ этапа, доставленіе работы и помѣщеніе въ богадѣльню—все это средства патроната, все это виды помощи освобождаемымъ изъ тюремъ. Второй взглядъ на патронатъ приписываетъ патронату гораздо болѣе важное значеніе. Патронатъ—это не только тюремная филантропія, это одно изъ средствъ борьбы съ преступностью, одно изъ средствъ реклассации деклассированныхъ членовъ. Задачей наказанія является приспособленіе преступника къ жизни въ обществѣ; приспособленіе это должно заключаться, между прочимъ, въ наученіи преступника пользоваться свободой. Нагляднымъ доказательствомъ неумѣнія пользоваться свободой является фактъ совершенія преступленія. Лицо, уже разъ впавшее въ преступленіе, показываетъ этимъ, что безъ содѣйствія общества оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ обойтись.

„Тюрьма, какъ бы она ни была организована, не можетъ практически научить наказываемаго пользоваться свободой; задачу эту долженъ взять на себя патронатъ. Такимъ образомъ патронатъ, согласно этому взгляду, является какъ бы опекой, необходимой каждому индивиду, выходящему изъ тюрьмы.

„Я не буду утомлять васъ, милостивыя государыни и милостивые государи, доказательствами теоретической несостоятельности этого втораго взгляда; это повело бы насъ слишкомъ далеко. Лучшей характеристикой его, мнѣ кажется, является его отношеніе къ вопросу о значеніи отказа отъ патроната, и вотъ на этомъ чисто практическомъ вопросѣ я и позволю себѣ остановить на минуту ваше вниманіе.

„Съ точки зрѣнія перваго изъ указанныхъ мною взглядовъ, признающаго патронатъ одной изъ спеціальныхъ формъ благотворительности, патронатъ, по самой идеѣ своей, долженъ быть чуждъ всякаго принужденія. Помощь не можетъ быть навязываема, она должна быть предлагаема исключительно лицамъ, которыя будутъ искать посторонней помощи, будутъ нуждаться въ ней по освобожденіи изъ тюрьмы. И чѣмъ меньше будетъ такихъ лицъ, чѣмъ больше будетъ лицъ, способныхъ собственными силами стать на ноги, тѣмъ, несомнѣнно, успѣшнѣе будетъ дѣйствовать патронатъ. Иначе рѣшается вопросъ, если видѣть въ патронатѣ родъ необходимой для преступника принудительной опеки. Представители этого взгляда находятъ, что патронатъ, будучи важнымъ средствомъ предупрежденія преступленія, долженъ быть обязательнымъ; только патронатъ можетъ предохранить получающаго свободу отъ впаденія въ редицивъ. Но разъ патронатъ долженъ быть въ принципѣ обязательнымъ, то необходимо, очевидно, обязательность эту чѣмъ-либо обезпечить. Для сего рекомендуется прибѣгнуть къ психологическому принужденію, рекомендуется поставить въ невыгодныя условія отказъ отъ патроната. Наиболѣе полное выраженіе взглядъ этотъ получилъ въ административныхъ распоряженіяхъ Пруссіи, о которыхъ такъ одобрительно отзываются въ своихъ докладахъ А. В. Витте и Г. С. Фельдштейнъ. Согласно изданнымъ въ Пруссіи въ 1895 году правиламъ, отказъ отъ попеченія учрежденій патроната возможенъ, но уклонившійся отъ патроната лишается права на полученіе тюремнаго заработка, заработокъ его конфискуется, за отказъ отъ патроната приходится платить денежный штрафъ. А. В. Витте и Г. С. Фельдштейнъ, считая эту мѣру весьма цѣлесообразною, предлагаютъ ввести ее у насъ; разъ такое предложеніе съѣзду заявлено, мнѣ ка-

жется, обойти его молчаніемъ нельзя. Позволяя себѣ на этомъ основаніи просить съѣздъ подвергнуть обсужденію этотъ вопросъ, я считаю своимъ долгомъ замѣтить, что, по моему глубокому убѣжденію, для развитія и успѣха патроната въ Россіи, вопросъ этотъ является вопросомъ первостепенной важности. Чтобы патронатъ развился, онъ долженъ приобрести довѣріе населенія; принужденіе къ патронату, напротивъ, это—вѣрнѣйшее средство дискредитировать въ глазахъ населенія самымъ рѣшительнымъ образомъ этотъ въ высокой степени полезный институтъ. Отношенія учреждений патроната и патронируемаго должны опредѣляться принципомъ добровольнаго соглашенія; отказъ отъ попеченія и опеки органовъ патроната для отбывшаго наказаніе не долженъ влечь никакихъ невыгодныхъ послѣдствій“.

Г. С. Фельдштейнъ: „И предсѣдатель группы, и предсѣдатель нашего сегодняшняго собранія высказались при открытіи преній въ томъ смыслѣ, что вопросы о необходимости патроната и основныхъ принципахъ его организаціи не представляются проблемами, обсужденіе которыхъ желательно на настоящемъ нашемъ съѣздѣ. Мнѣ кажется, что такая постановка вопроса не вполне допустима уже по тому соображенію, что при проектированіи расширенія сѣти патроната приходится, въ сущности, высказываться въ пользу того или другого принципа попечительства надъ освобождаемымъ, а, главное, отвѣтить на вопросъ о томъ, быть ли патронату частнымъ или полу-оффиціальнымъ. Если еще можно согласиться съ тѣмъ, что доказываніе цѣлесообразности патроната, какъ средства борьбы съ преступностью, совершенно излишне на съѣздѣ криминалистовъ, среди членовъ котораго не мало практиковъ, то далеко нельзя сказать того же о тѣхъ принципахъ, по которымъ долженъ быть организованъ и функционировать патронатъ въ нашемъ отечествѣ. Въ моемъ докладѣ, представленномъ съѣзду, я имѣлъ уже случай подробно высказаться, что болѣе, чѣмъ столѣтняя практика патроната на западѣ и въ Америкѣ успѣла выработать нѣкоторыя основныя начала, послѣдовательное проведеніе которыхъ можетъ принести только пользу дѣлу попечительства надъ освобожденными. Но не слѣдуетъ забывать, что начала эти являются только эмпирическими обобщеніями тѣхъ наблюденій, которыя дѣлались въ области практики патроната западно-европейскаго и американскаго. Мало того, и въ этой сферѣ число дѣйствительно безспорныхъ принциповъ весьма и весьма незначительно. И на западѣ, и въ Америкѣ мы встрѣчаемся не съ однимъ какимъ-нибудь укладомъ патроната, но

съ цѣлою серіей разновидностей. Это явленіе объясняется тѣмъ, что приходится приводить практику патроната въ соотвѣтствіе съ особенностями жизни въ томъ обществѣ, среди котораго оперируютъ при помощи патроната. Въ свою очередь, и въ примѣненіи къ нашему отечеству приходится для цѣлесообразной организаціи патроната считаться съ совершенно отличными отъ западныхъ условіями нашей страны. Приходится считаться, напр., съ нашей паспортной системой, съ характеромъ организаціи отдѣльныхъ административныхъ единицъ, съ нашими огромными разстояніями и проч. Но если въ практикѣ патроната западнаго и американскаго являются не установленными даже тѣ начала, которыя должны вообще быть положенными въ основаніе этого института, то врядъ ли можетъ быть сомнѣніе, что особенно споренъ тотъ принципъ въ сферѣ попечительства надъ освобожденными, который регулируетъ собою отношеніе въ этомъ институтѣ элементовъ правительственнаго и частнаго. Вообще вопросъ объ этомъ соотношеніи, какъ мы старались уже показать въ нашемъ докладѣ съѣзду, является менѣе выясненнымъ, чѣмъ другіе принципы. Явленіе это далеко не случайно. Именно эта сторона организаціи патроната можетъ быть характеризована, какъ самая условная и относительная въ виду различія политическихъ условій въ разныхъ странахъ. Исторія патроната безповоротно осудила только патронатъ правительственный,—строго оффиціальныи, но лучше ли для хода попечительства надъ освобожденными, чтобы оно было полу-оффиціальнымъ или частнымъ,—это вопросъ, который долженъ рѣшаться въ соотвѣтствіи съ политическими условіями отдѣльныхъ государствъ. Вопросъ о томъ, какъ должны соотноситься элементъ правительственный и частныи въ сферѣ патроната, выступаетъ, кажется, намъ, во всей своей неотложности особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда предстоитъ вызвать къ жизни попечительство объ освобожденныхъ, дать ему плодотворное направленіе, укоренить его и создать вмѣстѣ съ тѣмъ благопріятныя условія для его развитія. Оговоримся при этомъ, что мы не представляемъ себѣ вообще возможнымъ существованіе и правильное функціонированіе патроната безусловно частнаго. Правительственный элементъ необходимо долженъ быть представленъ въ патронатѣ. Если одинъ изъ моихъ содокладчиковъ, С. К. Гогель, говоритъ о патронатѣ частномъ и въ то же время требуетъ, чтобы въ комитетахъ мѣстныхъ обществъ патроната, наравнѣ съ тремя членами по избранію, засѣдалъ и цѣлый рядъ представителей тюремной администраціи, представитель прокуратуры, попечитель-

ства о домахъ трудолюбія и проч., то невольно возникаетъ вопросъ, умѣстенъ ли тутъ эпитетъ частнаго, который прилагаетъ къ своему проектируемому укладу патроната С. К. Гогель. Но вернемся къ вопросу о томъ, желателенъ ли, при современныхъ условіяхъ, для нашего отечества патронатъ полу-правительственный или частный. Я высказываюсь за первый по ряду соображеній, о которыхъ уже была рѣчь въ моемъ докладѣ. Несомнѣнно, что для начала патроната нужны матеріальныя средства, и значительныя при этомъ. Дѣло обстоитъ далеко не такъ, какъ это представляетъ себѣ мой уважаемый содокладчикъ, С. К. Гогель, ссылающійся на опытъ патроната въ микроскопическихъ и благоустроенныхъ государствахъ, входящихъ въ составъ Германской имперіи. Но разъ нужны значительныя суммы для насажденія патроната, то вполне естественно, что было бы желательно заимствовать ихъ у казны. Нуждой въ матеріальныхъ средствахъ далеко, однако, нельзя еще оправдывать необходимость въ полу-официальномъ характерѣ патроната. Есть еще другія основанія, говорящія въ пользу не совсѣмъ частнаго характера организациі попечительства надъ освобожденными. Частный характеръ патроната отниметъ у учрежденій, стремящихся помогать освобожденнымъ, связь съ мѣстами отбыванія наказанія. Практика существующихъ у насъ въ обѣихъ столицахъ благотворительно-тюремныхъ комитетовъ поучаетъ насъ, что, несмотря на то, что члены ихъ являются чиновниками, въ собственномъ смыслѣ слова, они далеко не безъ затрудненія получаютъ доступъ въ мѣста отбыванія заключенія и не могутъ такимъ образомъ знакомиться заблаговременно съ лицами, освобожденіе которыхъ предстоитъ. При такихъ обстоятельствахъ, чего же ждать отъ патроната строго частнаго? Въ пользу полу-официальнаго характера патроната слѣдуетъ привести еще то соображеніе, что въ высшей степени желательно привлечь для рѣшенія вопросовъ о патронатѣ и представителей тюремной администраціи, тюремнаго священника, представителя прокуратуры и проч. Но, настаивая на патронатѣ полу-официальномъ, мы не проповѣдуемъ того, чтобы были обособлены отъ общества тѣ органы, которые не могутъ функціонировать безъ содѣйствія тѣхъ, среди которыхъ патронируемый долженъ быть помѣщенъ. Безъ содѣйствія общества патронатъ обращается въ звукъ пустой. Причина этого лежитъ отчасти въ томъ, что нужна для успѣха патроната огромная масса работы, нужна энергія, нужна подготовка почвы для невраждебной встрѣчи со стороны общества освобождаемаго преступника, а это дается только при извѣстныхъ усиліяхъ со сто-

роны самого общества. Если полу-официальный отпечаток патроната между некоторыми другими выгодами дает возможность облегчать положеніе освобождаемаго, ускорять исходатайствованіе ему въ нужныхъ случаяхъ вида на жительство и проч.,—даетъ, слѣдовательно, возможность воспользоваться полу-правительственнымъ авторитетомъ, присущимъ учрежденію патроната, то поддержка общественная устраняетъ цѣлый рядъ другихъ, не менѣе существенныхъ, препятствій по устройству освобождаемаго. Въ наши дни такой характеръ полу-официальнаго учрежденія, пользующагося общественной поддержкой и посвящающаго свое вниманіе, между прочимъ, и освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія, носитъ особое Попечительство о домахъ трудолюбія и работныхъ. Это учрежденіе было бы, кажется намъ, въ высшей степени желательно привлечь къ дѣлу служенія интересамъ патроната въ большей степени, чѣмъ это имѣло мѣсто въ практикѣ этого учрежденія до сихъ поръ. Однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ препятствій для достиженія патронатомъ своей цѣли является, какъ извѣстно, та печать отверженности, которой клеймитъ общество освобожденнаго преступника. Но это пятно могло бы въ значительной степени смываться, если бы дана была возможность заботиться о выпущенныхъ изъ мѣстъ отбытія наказанія вмѣстѣ съ лицами нуждающимися вообще. Въ соотвѣтствіи со всѣмъ сказаннымъ, съ нашей точки зрѣнія, было бы желательно для успѣшнаго хода развитія русскаго патроната, если бы въ вѣдомствѣ особаго попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ образовать центральный органъ русскаго патроната, отдѣльныя вѣтви котораго могли бы быть сосредоточены при тюремныхъ центрахъ въ формѣ попечительныхъ комиссій. Функціонированіе этихъ послѣднихъ мы представляемъ себѣ не иначе, какъ при непосредственномъ участіи элемента общественнаго“.

В. В. Пржевальскій высказалъ, что основные принципы уголовного права носятъ международный характеръ, они вызываются общими всѣмъ культурнымъ государствамъ условіями общественной жизни. Но совсѣмъ иное дѣло, когда идетъ рѣчь о практической ихъ организаціи; тутъ нужно считаться съ условіями каждой данной страны. Это необходимо и въ дѣлѣ патроната. У насъ едва ли можно рассчитывать на образованіе достаточнаго количества обществъ и учрежденій для патронированія освобожденныхъ. Что же касается официальной и полу-официальной инициативы, то нужно вспомнить, что правительство со времени изданія закона 1866 г. не открыло ни одного исправительнаго пріюта для несовершеннолѣтнихъ; они

созданы усилиями частныхъ обществъ, заботами земства и городовъ. Въ Англіи патронатъ носитъ **официальный** характеръ, но этотъ примѣръ можно побить примѣромъ Бельгіи, гдѣ официальные учрежденія патроната доказали свою нежизнеспособность, и они пошли въ ходъ лишь тогда, когда были переданы въ частныя руки. Слѣдовательно, это дѣло нужно предоставить частной инициативѣ; главное общество патроната должно существовать на ряду съ мѣстными обществами; главное общество должно поддержать мѣстное общество матеріально, но немислимо замѣнить мѣстныя общества учрежденіемъ одного всероссійскаго общества, какъ это полагаетъ А. В. Витте; на мѣстную энергію могутъ разсчитывать только мѣстныя общества; общество, состоящее при какомъ-то тамъ учрежденіи, гдѣ-то далеко въ Петербургѣ, не найдетъ отклика въ мѣстной жизни, не вызоветъ мѣстныхъ средствъ. Говорятъ, что общество патроната можно приурочить къ мѣстному городскому и земскому самоуправленію. Этому предложенію можно сочувствовать, но нужно помнить, въ какомъ положеніи находятся теперь города и земства; у земствъ нѣтъ органовъ на мѣстахъ, уѣздныя управы стоятъ далеко отъ населенія; сознается необходимость устроить болѣе мелкіе органы, мѣстныя попечительства по дѣламъ школъ, по вопросамъ продовольственнымъ, по общественному призрѣнію. Въ настоящее время у земства нѣтъ мѣстныхъ органовъ; уѣздная управа есть присутственное учрежденіе, дѣйствующее на пространствахъ 150—200 верствъ. Дѣло будетъ обстоять нѣсколько лучше тамъ, гдѣ есть попечительства, какъ въ Москвѣ. Итакъ приурочивать патронатъ къ земствамъ и городамъ невозможно, роль земства теперь состоитъ только въ выдачѣ субсидій на то или другое дѣло. Патронатъ представляетъ собою послѣднюю стадію въ борьбѣ государства съ личными усилиями преступника; поэтому государство должно прийти на помощь главному обществу и мѣстнымъ обществамъ патроната, въ видѣ отпуска со стороны тюремнаго вѣдомства извѣстнаго процента съ тюремныхъ фондовъ и съ заработка арестантовъ. Въ дѣлѣ патроната можетъ помочь и попечительство о домахъ трудолюбія, но оно можетъ только прийти на помощь, ибо такое центральное учрежденіе не можетъ взять въ свои руки это дѣло. Ораторъ закончилъ свою рѣчь утвержденіемъ, что только частная инициатива можетъ двинуть впередъ дѣло патроната, правительство же должно оказать ему широкую помощь.

А. С. Протасьевъ высказалъ нѣсколько замѣчаній по поводу предложенія А. А. Пюнтковскаго о передачѣ организациі патроната

въ вѣдѣніе земства и объ организаціи особой комисіи для детальной разработки вопроса. „Проф. Пюнтковскій говорилъ все время о тюремномъ патронатѣ. Очень можетъ быть, что съѣздъ рѣшитъ избрать такую комисію, которая и будетъ разсматривать детально вопросъ, согласно сдѣланному предложенію. У этой комисіи прежде всего возникнетъ мысль объ общей идеѣ въ организаціи патроната, основаннаго на поддержкѣ органовъ мѣстнаго самоуправленія. Терминъ „тюремный патронатъ“, какъ органъ мѣстнаго самоуправления, могъ бы вызвать пререканія, которыя привели бы къ разногласію въ составѣ комисіи. Несомнѣнно, что патронатъ призванъ сегодняшняго сидѣльца тюрьмы приспособить къ нормальной жизни; только тогда патронатъ будетъ поставленъ на нормальную почву. Поэтому необходимо ставить патронатъ возможно дальше отъ тюремной организаціи; важно не накладывать на общество патроната штемпель тюрьмы; этотъ штемпель будетъ дискредитировать общество патроната; нужно возможно рѣзче обособить отъ тюрьмы эти общества, имѣющія цѣлью поддержать бывшихъ заключенныхъ“.

М. Н. Гернетъ, соглашаясь съ С. К. Гогелемъ по вопросу объ устройствѣ главнаго общества патроната, представилъ данныя изъ практики московскаго патроната, подтверждающія мысль о необходимости основанія главнаго общества патроната. По словамъ его, отдѣленіе патроната при Московскомъ Дамскомъ благотворительно-тюремномъ комитетѣ существуетъ еще недолго—всею 4 года,—но и за этотъ короткій промежутокъ времени ему не разъ пришлось испытывать всѣ неудобства своей обособленности, одинокости въ своей работѣ. Эти неудобства, съ одной стороны, а съ другой—и отсутствіе въ Россіи такого учрежденія, къ которому можно было бы обращаться за разъясненіемъ различныхъ вопросовъ практическаго свойства, привели московскій патронатъ къ необходимости обратиться за такою помощію къ главному французскому обществу. Секретаремъ комитета и членомъ настоящаго съѣзда Г. Л. Мюленталемъ было послано въ Главное французское общество и нѣкоторыя мѣстныя до 8 писемъ. Едва ли такое обращеніе можетъ быть признано нормальнымъ явленіемъ: Главному французскому обществу интересы русскаго патронирования не могутъ быть такъ дороги, какъ они были бы дороги Главному русскому обществу, и неудивительно, по этому, что ни на одно изъ посланныхъ писемъ не было получено отвѣта. Далѣе ораторъ прибавилъ, что существуетъ любопытная особенность въ развитіи патронатовъ на западѣ, сравнительно съ проектируемымъ докладчикомъ учрежде-

ніемъ Главнаго русскаго общества. На западѣ главныя общества возникли очень недавно: въ Бельгіи въ 1889 г., во Франціи въ 1893, въ Германіи въ 1892 г., т. е. лишь тогда, когда тамъ уже функционировали многочисленныя мѣстныя общества. Тамъ мѣстныя общества вызвали къ жизни главныя, а у насъ проектируется какъ разъ наоборотъ: предполагается, что Главное общество вызоветъ къ жизни мѣстныя. Ораторъ полагаетъ, что эта особенность не должна насъ останавливать передъ признаніемъ необходимости основанія Главнаго общества, если мы вспомнимъ, что иностранныя главныя общества по своимъ уставамъ должны, между прочимъ, способствовать основанію мѣстныхъ, т. е. служить той цѣли, которая, по крайней мѣрѣ, въ первое время будетъ главной въ дѣятельности русскаго общества патронатовъ.

Но, раздѣляя мысль докладчика о необходимости основать главное русское общество, М. Н. Гернетъ думаетъ, что едва ли это удобно сдѣлать тутъ же—на съѣздѣ, какъ на этомъ настаиваетъ С. К. Гогель, когда въ своемъ докладѣ говоритъ: „едва ли заданная задача можетъ быть признана разрѣшенной, если предстоящій съѣздъ выразитъ „пожеланіе“, „соображеніе“. И то, и другое будетъ уже несвоевременно и не поддержитъ достоинства нашего молодаго полнаго жизни общества. Намъ надо сдѣлать такіе шаги, которые обезпечили бы въ дѣйствительности развитіе и распространеніе патроната. Къ такимъ шагамъ я отношу: 1) основаніе тутъ же, на съѣздѣ, особаго Главнаго русскаго общества патроната“¹⁾.

На этомъ съѣздѣ криминалистовъ, замѣтилъ г. Гернетъ, присутствуетъ слишкомъ ничтожное количество представителей существующихъ патронатовъ и учрежденій, которыя вѣдаютъ дѣло помощи заключеннымъ и освобожденнымъ изъ тюремъ. Какъ ни мало въ Россіи такихъ учрежденій и патронатовъ, но нельзя же не считаться и съ ихъ желаніями, съ ихъ мнѣніями при основаніи Главнаго общества, къ которому они должны будутъ имѣть потомъ постоянныя сношенія. Онъ соглашается, что можно выработать проектъ устава Главнаго русскаго общества, но онъ противъ того, чтобы хлопотать объ утвержденіи этого проекта устава, не справившись съ мнѣніемъ объ этомъ уставѣ представителей существующихъ учрежденій помощи заключеннымъ и выходящимъ изъ мѣстъ заключенія. М. Н. Гернетъ, поэтому, думаетъ, что удобнѣе и правильнѣе было бы хлопотать о созывѣ съѣзда представителей такихъ учрежденій и существующихъ патро-

¹⁾ Бюллетень № 11, стр. 19.

натовъ, чтобы они сами учредили Главное общество и рассмотрѣли, хотя бы и одобренный съѣздомъ, проектъ устава такого общества и сами хлопотали о его утвержденіи. Такъ было и во Франціи: Главное французское общество было основано на съѣздѣ представителей мѣстныхъ французскихъ патронатовъ: съѣздъ выбралъ комисію, въ которую вошли: Ривьеръ, Беранже, Божло и другіе видные дѣятели и представители патронатовъ. Эта комисія окончательно выработала проектъ устава и основала Главное французское общество.

Касаясь частностей представленнаго уважаемымъ В. В. Микляшевскимъ проекта устава обществъ патроната, М. Н. Гернетъ высказался противъ предоставленія члену, уплачивающему болѣе членскаго взноса, за каждый добавочный взносъ права на добавочный голосъ, но не болѣе пяти голосовъ (статья 7 уст. Главн. общества и 8-ая мѣстнаго, стр. 9 въ бюлет. № 13). Такой порядокъ умѣстенъ въ акціонерныхъ компаніяхъ, въ собраніяхъ кредиторовъ по дѣламъ несостоятельнаго, но не въ общественномъ дѣлѣ патронированія, гдѣ каждый, независимо отъ количества взносовъ, долженъ пользоваться однимъ голосомъ.

Онъ не можетъ согласиться и съ требованіемъ, выраженнымъ въ 2 ст. устава мѣстнаго общества: услуги общества патронатовъ оказываются лишь тѣмъ, кто выразитъ желаніе пользоваться ими не менѣе года. Въ какой формѣ будетъ заключаться этотъ договоръ съ вышедшимъ изъ тюрьмы, и какіе найдутся у патроната средства заставить отказывающагося отъ услугъ ранѣе года все-таки пользоваться ими до конца? Этихъ средствъ нѣтъ, а потому и не слѣдуетъ ставить выпущеннику этого условія о годовомъ срокѣ.

Наконецъ онъ возражаетъ проф. Пюнтковскому на мысль его о передачѣ дѣла патронированія въ руки земства. Эта мысль очень симпатична, но едва ли осуществима. Не надо забывать тѣхъ трудностей полицейскаго характера, съ которыми сопряжено открытіе обществъ патроната (какъ это отмѣтили и докладчики), и притомъ, къ сожалѣнію, роль земства все суживается: у него отобрано производственное дѣло, уменьшается его значеніе въ дѣлѣ народнаго образованія... При современномъ положеніи земства ему не передадутъ дѣла патронированія, и бесполезно дѣлать въ этомъ отношеніи соответствующія постановленія.

Д. А. Дрилъ. „То, что я имѣю сказать, есть исключительно разъясненіе, вызываемое замѣчаніями В. В. Пржевальскаго, который упомянулъ объ организаціи у насъ дѣла исправительнаго воспитанія. Съ своей стороны, думаю, что эту именно организацію, быть можетъ,

и было бы полезно ближайшимъ образомъ имѣть въ виду и при организаціи патроната. Организація дѣла исправительнаго воспитанія имѣетъ уже за собой довольно продолжительную исторію и долгій опытъ, и при томъ опытъ, развивавшійся у насъ на Руси, при условіяхъ нашей русской жизни. Владиміръ Владиміровичъ упомянулъ, что, хотя правительство и упомянуло о своихъ пріютахъ въ законѣ 1866 г., но до сихъ поръ такихъ пріютовъ не основало и не пришло дѣлу на помощь. По этому поводу замѣчу, что если правительство еще и не основало своихъ пріютовъ, то оно въ широкой мѣрѣ пришло на помощь дѣлу исправительнаго воспитанія денежными средствами, отводя земли, давая пособія изъ казенныхъ средствъ и отчисленія изъ штрафныхъ поступленій. Упоминалось также о городахъ и земствахъ. Замѣчу, что въ дѣлѣ исправительнаго воспитанія нѣкоторые изъ нихъ участвуютъ самостоятельно. Городъ Москва и тамбовское земство находятъ возможнымъ вести это дѣло всецѣло собственными средствами, и мы только можемъ апплодировать имъ. Но существуютъ и другія формы,—формы сотрудничества, и, по моему мнѣнію, наиболѣе выгодныя, а именно: частное общество, въ которое выдающимся членомъ входитъ земство. Существуетъ, наконецъ, и еще форма,—частное общество, съ пособіями отъ земствъ и городовъ.

„Упоминалось также объ участіи лицъ должностныхъ, лицъ принадлежащихъ къ бюрократіи. Долженъ пояснить, что лица изъ прокуратуры и судебной магистратуры въ многихъ мѣстностяхъ принимаютъ самое близкое участіе въ дѣлѣ исправительнаго воспитанія, и въ этихъ мѣстностяхъ это дѣло идетъ, по большей части, прекрасно. Правда, лица эти принимаютъ участіе въ организаціи исправительно-воспитательныхъ заведеній не въ качествѣ должностныхъ лицъ, а въ качествѣ членовъ частныхъ обществъ, но это мало измѣняетъ дѣло“.

С. П. Яковлевъ. „Прошу позволенія отвѣтить на то лестное приглашеніе, которое сдѣлано уважаемымъ предсѣдателемъ нашего собранія представителямъ учрежденій высказаться по вопросу объ устройствѣ патроната. Я буду говорить, какъ представитель одного изъ старѣйшихъ исправительныхъ пріютовъ—Большевскаго. Задача исправительныхъ пріютовъ, хотя ихъ населеніе также не добровольно, иная, нежели задача тюремъ. Если благоустройство тюремъ и считать необходимымъ поставить, какъ указалъ въ своей утренней талантливой рѣчи Д. А. Дриль, на стезю перевоспитанія и исправленія его населенія, то въ отношеніи исправительныхъ пріютовъ это

уже не желаніе, а прямая признанная задача, постоянная работа. Исправительные пріюты только тогда выпускают своихъ питомцевъ, когда попечительство пріюта убѣдилось, что задача достигнута, перевоспитаніе окончено и питомица можетъ пользоваться свободой. У насъ въ Большевскомъ пріютѣ патронатъ входитъ въ непремѣнную обязанность попечительства, которое заботится о помѣщеніи къ мѣсту каждой, окончившей пребываніе; затѣмъ слѣдитъ, какъ она пользуется свободой и въ случаѣ неудачи даетъ ей вновь то же временное помѣщеніе въ пріютѣ, снова заботится о ея пристройствѣ къ дѣлу. Опытъ многолѣтній приводитъ къ убѣжденію, что только возложеніе заботъ патроната на самое попечительство исправительнаго пріюта, а не созданіе новаго самостоятельнаго патроната при исправительныхъ пріютахъ, достигнетъ благихъ результатовъ. Попечительство успѣваетъ узнать каждую нуждающуюся въ патронатѣ и прямѣе всего укажетъ, въ какомъ видѣ патронатъ наиболее примѣнитъ въ каждомъ случаѣ. Я высказываюсь за возложеніе обязанностей патроната въ исправительныхъ пріютахъ на попечительство этихъ пріютовъ“.

О. К. Адеркасъ. „Позвольте мнѣ, какъ представителю Вѣдомства учреждений Императрицы Маріи, прежде всего высказать г. председателю съѣзда, отъ имени нашего Вѣдомства, искреннюю благодарность за любезное приглашеніе участвовать въ занятіяхъ съѣзда.

„Вѣдомство учреждений Императрицы Маріи относится къ чело-вѣколюбивымъ задачамъ и просвѣщеннымъ трудамъ русской группы союза криминалистовъ съ глубокимъ сочувствіемъ и полною готовностью оказать по мѣрѣ возможности свое содѣйствіе.

„Многіе вопросы, возбужденные и обсуждаемые на съѣздахъ криминалистовъ, близко затрогиваютъ также и кругъ дѣятельности Вѣдомства учреждений Императрицы Маріи.

„Сюда относятся, главнымъ образомъ, всѣ вопросы, касающіеся призрѣнія и воспитанія нуждающихся въ помощи дѣтей, какъ, напр., рассмотрѣнный на прошлогоднемъ съѣздѣ вопросъ объ охранѣ и защитѣ дѣтства и включенные въ программу настоящаго съѣзда, связанные съ проектомъ тюремнаго патроната, вопросы о призрѣніи безпріютныхъ арестантскихъ дѣтей, объ удаленіи ихъ изъ тюремъ и объ устройствѣ пріютовъ для нихъ.

„Вѣдомство учреждений Императрицы Маріи, обнимая собою большое число воспитательныхъ заведеній, вполне увѣрено, что, чѣмъ шире и лучше будетъ поставлено воспитаніе дѣтства и юношества, тѣмъ менѣе впослѣдствіи потребуется заботъ о призрѣніи и испра-

вленіи взрослыхъ людей, и, чѣмъ больше дѣтей будетъ спасено отъ нравственной гибели, тѣмъ меньше будетъ впослѣдствіи преступниковъ.

„Однако, какъ уже было сказано, Вѣдомство Императрицы Маріи имѣетъ въ составѣ своихъ учрежденій почти исключительно только *воспитательныя* заведенія, и поэтому, при всей его готовности оказать свое содѣйствіе цѣлямъ союза криминалистовъ, содѣйствіе это можетъ быть оказано имъ только по отношенію къ призрѣнію и воспитанію *дѣтей*, и особенно по обсуждаемому въ настоящемъ засѣданіи вопросу содѣйствіе нашего Вѣдомства цѣлямъ проектируемыхъ союзомъ тюремныхъ патронатовъ можетъ относиться также только къ *арестантскимъ дѣтямъ*, т. е. къ вопросу о мѣрахъ къ призрѣнію безпріютныхъ арестантскихъ дѣтей на время содержанія ихъ родителей въ мѣстахъ заключенія.

Этотъ важный вопросъ уже давно обратилъ на себя вниманіе Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

„Изъ отчетовъ многихъ дѣтскихъ пріютовъ этого Вѣдомства видно, что они весьма нерѣдко, въ случаяхъ надобности, принимали и нынѣ принимаютъ безпріютныхъ арестантскихъ дѣтей на призрѣніе, на время содержанія ихъ родителей въ тюрьмѣ. Одинъ изъ пріютовъ Вѣдомства—Владимірскій дѣтскій пріютъ въ Томскѣ—былъ первоначально устроенъ даже специально для арестантскихъ дѣтей, призрѣвалъ по временамъ до 60 дѣтей арестантовъ и ссыльныхъ и только впослѣдствіи сталъ принимать также сиротъ переселенцевъ, а равно и другихъ безпріютныхъ дѣтей.

„Затѣмъ, когда въ прошломъ году были получены свѣдѣнія о большомъ числѣ дѣтей, безвинно содержащихся въ тюрьмахъ при родителяхъ, г. Главноуправляющій Вѣдомствомъ учрежденій Императрицы Маріи командировалъ одного изъ членовъ комитета Главнаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ, извѣстнаго филантропа, барона О. О. Букстевдена, во внутреннія губерніи Россіи, поручивъ ему, между прочимъ, организовать въ 20 главнѣйшихъ городахъ при помощи губернаторовъ, губернскихъ и уѣздныхъ попечительствъ пріютовъ Вѣдомства Императрицы Маріи мѣры къ удаленію безпріютныхъ арестантскихъ дѣтей изъ тюремъ и призрѣніе ихъ въ пріютахъ или частныхъ благонадежныхъ семьяхъ, преимущественно въ деревняхъ, подъ наблюденіемъ мѣстныхъ попечительствъ пріютовъ или устраиваемыхъ при нихъ особыхъ патронатовъ.

„Результатомъ этой командировки было то, что, когда въ тюрьмахъ дѣйствительно было найдено большое число содержавшихся

при родителяхъ дѣтей, то нѣкоторыя изъ нихъ были тотчасъ же удалены изъ тюрьмы и помѣщены въ другія заведенія или частныя семьи, на особыя средства, изъ коихъ первые 1.000 р. были пожертвованы отцомъ Иоанномъ Кронштадтскимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ были приняты мѣры къ дальнѣйшей организаціи призрѣнія такихъ же дѣтей на будущее время въ пріютахъ и частныхъ семьяхъ.

„При этомъ выяснилось, что число дѣтей, безвинно содержащихся при родителяхъ въ тюрьмахъ, составляетъ, по приблизительнымъ исчисленіямъ, по крайней мѣрѣ нѣсколько тысячъ дѣтей.

„Поэтому и въ виду крайней необходимости спасенія этихъ дѣтей отъ нравственной гибели, Вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи нынѣ съ глубокимъ сочувствіемъ встрѣтило включеніе въ программу настоящаго сѣзда обсужденія, одновременно съ разсмотрѣніемъ о патронатѣ, также и вопроса о призрѣніи арестантскихъ дѣтей. Наше Вѣдомство вполне надѣется, что при совмѣстныхъ стараніяхъ судебного и тюремнаго вѣдомства, съ одной стороны, и благотворительныхъ учрежденій, — съ другой, призрѣніе арестантскихъ дѣтей внѣ тюрьмы (по крайней мѣрѣ всѣхъ дѣтей старше трехлѣтняго возраста) можетъ быть достигнуто въ близкомъ будущемъ, и выполненіе этой задачи будетъ, конечно, значительно облегчено, если удастся открыть при всѣхъ тюрьмахъ проектируемые сѣздомъ патронаты, которые явятся посредниками между тюрьмами, съ одной, и благотворительными учрежденіями, съ другой стороны.

„Что касается Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, и особенно входящаго въ его составъ вѣдомства дѣтскихъ пріютовъ, то оно съ полною готовностью окажетъ свое содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ и предложитъ также всѣмъ губернскимъ и уѣзднымъ попечительствамъ дѣтскихъ пріютовъ Вѣдомства Императрицы Маріи, оказать всякое возможное содѣйствіе въ дѣлѣ призрѣнія безпріютныхъ арестантскихъ дѣтей на время содержанія ихъ родителей въ мѣстахъ заключенія“.

По предложенію *И. Я. Фойницкаго*, собраніе единодушно просило г. Адеркаса выразить благодарность сѣзду Вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи за участіе, принятое имъ въ трудахъ сѣзда.

Членъ сѣзда *А. В. Витте* сообщаетъ слѣдующія письменныя предложенія, переданныя предсѣдателю собранія.

„Въ дополненіе къ предложеннымъ *В. В. Микляшевскимъ* основнымъ положеніямъ нормальнаго устава обществъ патроната, нельзя ли предложить на разрѣшеніе III сѣзда криминалистовъ еще слѣдующія положенія.

1) Общество патроната распространяет свое попечение на освобожденных из мест заключения, если последние согласны: а) состоять под попечительством общества до одного года и б) предоставить в заведывание общества заработанные ими в заключении деньги, за вычетом суммы, необходимой на проезд и содержание в течение нескольких дней.

2) Общество патроната может до истечения годового срока прекратить свое попечение над освобожденными из мест заключения, если последние скроются или упорно будут отказываться следовать указаниям назначенного обществом патроната или же совершат вновь преступление или проступок; в этих случаях неизрасходованный остаток заработанных ими в заключении денег, если не может быть обращен на нужды их семейств, зачисляется в доход общества, о чем лица, отдающиеся под попечительство общества, предваряются при освобождении из заключения, с отобранием от них подписки“.

Н. И. Сусоровъ. „Установлено, что за отсутствием у нас частной инициативы желательное привлечение к делу патроната юридических лиц, главным образом, земств и городских обществ. В числе таких юридических лиц не следует обходить молчанием целый ряд учреждений, обладающих громадными материальными средствами, а по основам своим близко стоящих к идеям, служащим обоснованием патроната. Я говорю о монастырях. Действительно, монашествующие в силу своих обетов обязаны смотреть сами на себя, как на величайших грешников, величайших преступников. Но такое смирение,—содвигующее гуманному обращению с стоящими на пути исправления правонарушителями,—в то же время отнимает у них право выдвигаться по своей лишь инициативе из среды пассивных членов общества в группу действительных участников патроната. Для них облегчить задачу циркулярное приглашение со стороны их духовных начальств“.

Объявлен был перерыв на 5 минут, по истечении которого председатель В. В. Микляшевский, открывая собрание, высказал:

„Не могу не выразить искренней благодарности г.г. представителям разных ведомств, принявших участие в дебатах, от которых мы услышали много поучительного, и даже получили указание на возможность существенной помощи по столь сложному и трудному делу, как забота о дебах арестантов.“

„Член докладчик С. К. Гогель представил нам три положе-

нія: 1) учредить центральное общество съ задачей содѣйствовать образованію мѣстныхъ обществъ патроната; 2) выработать нормальный уставъ для сего общества, и 3) исходатайствовать у г. Министра Юстиціи циркуляръ прокуратурѣ, дабы она оказала содѣйствіе образованію мѣстныхъ обществъ патроната.

„Послѣднее изъ сихъ предложеній касается исполненія задачъ, возлагаемыхъ на центральное общество, и потому вопросъ этотъ можетъ быть переданъ на обсужденіе центрального общества.

„Пренія касались преимущественно вопроса о привлеченіи различныхъ органовъ къ содѣйствію въ учрежденіи патроната, а именно указаны были: земства и городскія думы, попечительство о домахъ трудолюбія, монастыри. Но у насъ нѣтъ уполномоченныхъ представителей отъ этихъ учреждений, которые могли бы намъ дать отвѣтъ по симъ предложеніямъ, и потому рѣшать ихъ намъ не приходится. Это однако не исключаетъ возможности своевременно обратиться къ нимъ за содѣйствіемъ по дѣлу патроната.

„Кромѣ того, намѣчены были нѣкоторые частные вопросы, напр., дабы патронатъ былъ вполне добровольный и дабы отказъ отъ патроната со стороны лицъ, уволенныхъ изъ мѣстъ заключенія, не влекъ за собою какого бы то ни было ограниченія ихъ правъ и еще болѣе подробныя письменныя дополненія А. В. Витте. Такъ какъ намъ приходится теперь рѣшать основные вопросы, то естественно, всѣ эти подробности слѣдуетъ признать не подлежащими нынѣ сужденію.

„Наконецъ, предложено передать организацію патроната особому съѣзду, состоящему изъ представителей тѣхъ обществъ и учреждений, которыя близко касаются патроната, а потому и рѣшать дѣло правильнѣе, сообразуясь съ потребностями жизни. Предложеніе это затрогиваетъ вопросъ компетенціи нашего съѣзда по дѣлу патроната, и хотя прежній II съѣздъ уже принялъ резолюцію по сему вопросу, мнѣ приходится поставить оный вновь на рѣшеніе съѣзда.

„Въ силу этого намъ приходится рѣшить слѣдующіе вопросы:

1) Признать ли съѣздъ русской группы Международнаго союза криминалистовъ компетентнымъ разрѣшить вопросъ объ устройствѣ патроната въ Россіи, или же передать оный на разсмотрѣніе предложеннаго особаго съѣзда, такъ сказать, специалистовъ;

2) при утвержденіи перваго положенія, образовать ли центральное общество патроната съ цѣлью содѣйствовать возникновенію мѣстныхъ обществъ при каждой тюрьмѣ, или же обра-

зовать мѣстныхъ общества при мѣстныхъ заключеніяхъ, которыя затѣмъ по мѣрѣ потребности создадутъ союзъ обществъ;

3) выработать нормальный уставъ общества;

4) образовать съ этою цѣлью комиссію, которая бы къ 7 сего апрѣля представила проектъ главныхъ положеній нормальнаго устава или, по крайней мѣрѣ, заключеніе по сему дѣлу.

„Утверждается ли собраніемъ представленный списокъ вопросовъ?“

С. К. Гогель заявилъ, что предложеніе о томъ, рѣшать ли вопросъ о патронатѣ настоящему съѣзду или особому съѣзду представителей патроната, въ собраніи не обсуждалось.

В. В. Пржевальскій напомнилъ, что прошлогодній съѣздъ криминалистовъ передалъ вопросъ о патронатѣ настоящему съѣзду, который вполне компетентенъ для рѣшенія его и по сдѣланной для того подготовкѣ.

И. Я. Фойницкій, въ свою очередь, напомнилъ, что комитетомъ группы къ участію въ настоящемъ съѣздѣ приглашены для обсужденія вопроса о патронатѣ разнородныя учрежденія и вѣдомства, съ нимъ соприкасающіяся въ своей дѣятельности.

Послѣдовалъ обмѣнъ мнѣній, въ которомъ приняли участіе *А. А. Пюнтковскій*, *В. В. Пржевальскій*, *С. К. Гогель*, *М. М. Боровитиновъ* и *М. Н. Гернетъ*. За отказомъ послѣдняго отъ внесеннаго имъ предложенія о созваніи особаго съѣзда попечительство объ освобожденныхъ отъ заключенія, предсѣдатель *В. В. Микляшевскій* снялъ вопросъ о компетентности настоящаго съѣзда и предложилъ перейти прямо ко второму вопросу, слѣдуетъ ли начать съ основанія одного центрального общества для распространенія свѣдѣній о патронатѣ и содѣйствія образованію патронатовъ при каждой тюрьмѣ, или же въ началѣ слѣдуетъ стремиться къ возникновенію и развитію частныхъ обществъ патроната при отдѣльныхъ тюрьмахъ, предоставивъ имъ впослѣдствіи составить изъ себя общій союзъ.

Объявленъ перерывъ засѣданія на 5 минутъ.

По окончаніи перерыва, проф. *Бьлогриць-Котляревскій*, въ виду того, что поставленный предсѣдателемъ вопросъ не дебатировался по существу, находилъ необходимымъ обсужденіе его, которое, въ виду поздняго времени, полагалъ перенести на слѣдующее засѣданіе. Въ свою очередь, *Н. С. Таганцевъ* заявилъ о желаніи своемъ представить соображенія по этому вопросу.

Собраніе по предложенію предсѣдателя высказалось за перенесеніе этого вопроса на слѣдующее засѣданіе.

Засѣданіе закрыто около 12 ч. ночи.

Засѣданіе 5 апрѣля.

Засѣданіе открыто въ 10 часовъ 50 мин. утра.

Предсѣдатель доложилъ о полученіи телеграммъ съ пожеланіемъ успѣха съѣзду отъ профессора Принса, Г. Б. Сліозберга и А. А. Борзенко.

Затѣмъ предсѣдатель прочелъ редакцію вопросовъ, подлежащихъ обсужденію въ настоящемъ засѣданіи: вопросъ 1-й, въ двухъ редакціяхъ: а) съѣздъ признаетъ необходимымъ образоватъ центральное общество патроната, съ цѣлью содѣйствовать развитію попечительствъ объ освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія и возникновенію мѣстныхъ обществъ патроната; б) съѣздъ находитъ желательнымъ, для прочной постановки дѣла патроната, возникновеніе отдѣльныхъ мѣстныхъ обществъ, образованіе же центрального общества можетъ стать на очередь лишь тогда, когда потребность въ немъ выяснится изъ практики мѣстныхъ обществъ.

2-й вопросъ: съѣздъ признаетъ крайне желательнымъ участіе въ дѣлѣ патроната органовъ общественнаго самоуправленія.

3-й вопросъ: съѣздъ признаетъ желательнымъ избрать комисію, которая къ 7 апрѣля приготовила бы проектъ главныхъ положеній нормальнаго устава обществъ патроната или, по крайней мѣрѣ, дала бы по предложеннымъ вопросамъ свое заключеніе.

Слово было предоставлено *Н. С. Таганцеву*, который организацію центрального общества патронатовъ полагалъ предоставить будущему.

Ораторъ высказалъ мнѣніе, что врядъ ли кто-нибудь станетъ возражать противъ необходимости мѣстныхъ патронатовъ; криминалисты старыхъ школъ и новыхъ всѣ вѣрятъ въ учрежденіе патроната, какъ необходимаго условія всякой тюремной организаціи; всѣ они того мнѣнія, что патронатъ не есть только принадлежность хорошей тюремной системы, но необходимая принадлежность и средняго качества тюремъ, и тюремъ плохихъ; это не куполь, увѣнчивающій зданіе, какъ думаетъ докладчикъ, а необходимая его часть. Въ отношеніи Россіи желательно, чтобы тамъ, гдѣ будутъ существовать большіе исправительные дома будущаго уложенія и тюрьмы, около каждаго такого тюремнаго учрежденія образовались мѣстные отдѣльные патронаты. А. В. Витте предполагаетъ возможнымъ отпускъ на устройство обществъ патроната правительственной субсидіи въ 10.000 рублей: это капля въ морѣ въ сравненіи съ тѣмъ, что

необходимо для устройства обществъ патроната. Но мы знаемъ очень хорошо, что правительство не можетъ отпустить и не отпустить достаточныхъ средствъ для организаціи повсемѣстнаго патроната. Извѣстно, что во многихъ нашихъ тюрьмахъ нѣтъ достаточныхъ приспособленій даже для того, чтобы тюремные сидѣльцы не бѣгали на волю безъ матеріальной и притомъ значительной поддержки общества, развитіе патроната не мыслимо. Патронатъ долженъ быть принятъ подъ защиту, нашимъ союзомъ. Патронатъ имѣетъ цѣлью заботиться о заключенныхъ, освобождаемыхъ изъ тюрьмы. Въ подробностяхъ дѣятельность патроната весьма сложна и разнообразна. Поэтому вопросъ о составленіи нормальнаго устава мѣстныхъ патронатовъ есть одна изъ существенныхъ задачъ нынѣшняго сѣзда криминалистовъ. Желательно, чтобы этотъ уставъ давалъ просторъ мѣстнымъ условіямъ и мѣстной дѣятельности. Этотъ нормальный уставъ будетъ кристаллизаціей того, что сдѣлали наука и опытъ запада и нашъ. Но къ нормальному уставу нужно относиться осторожно: далеко не все то, что хорошо напр. въ Америкѣ, будетъ хорошо и у насъ. Какими средствами нашъ союзъ можетъ содѣйствовать устройству патроната, это дѣло будущаго; но разъ онъ высказывается за необходимость центральнаго общества, то на бюро могла бы быть возложена обязанность исполнить то, что написано на знамени русской группы, а именно, что она не только говоритъ о новыхъ вопросахъ, но и переходитъ къ осуществленію своихъ предположеній, содѣйствуетъ реформѣ законодательства. Отъ нашего общества могла бы выйдти инициатива, подобная той, какую выразилъ законъ 1866 года, а именно: мы могли бы высказать пожеланіе, чтобы отдѣльнымъ закономъ, а также въ уставѣ о содержащихся подъ стражею правительство признало бы патронатъ необходимымъ элементомъ тюремной организаціи въ Россіи. Законъ 1866 года обращается къ частнымъ лицамъ, земствамъ, городамъ, къ частнымъ обществамъ объ устройствѣ исправительныхъ заведеній; желательно, чтобы такой же призывъ къ частной инициативѣ былъ сдѣланъ со стороны правительства и по отношенію къ патронату, и чтобы правительство помогло мѣстнымъ патронатамъ своими средствами. С. К. Гогель указалъ на желательность изданія Министромъ Юстиціи циркуляра прокурорамъ и членамъ судовъ; но общественныя учрежденія не возникаютъ по циркуляру, они требуютъ не чиновничьяго, а сердечнаго отношенія къ предпринимаемому дѣлу, и въ этомъ отношеніи циркуляръ можетъ только повредить. Что касается добровольнаго участія правительственныхъ орга-

новъ, то Н. С. Таганцевъ напомнилъ фактъ, имѣвшій мѣсто въ засѣданіи Департаментовъ Государственнаго Совѣта при обсужденіи закона о малолѣтнихъ 1897 года; когда Государственный Совѣтъ единогласно просилъ предсѣдателя передать чрезъ Министра Юстиціи судебнымъ дѣтелямъ искреннюю благодарность Совѣта за то участіе въ развитіи исправительныхъ пріютовъ въ Россіи, которое они обнаружили, найдя и время, и матеріальныя средства для образованія этихъ пріютовъ. Указанная дѣятельность судебныхъ органовъ была такъ успѣшна потому, что пришла отъ нихъ самихъ, а не была предписана сверху. По мнѣнію оратора, циркулярный способъ рекомендовать не слѣдуетъ. Напротивъ, слѣдуетъ прежде всего принять постановленіе о всестороннемъ содѣйствіи группы нашего союза къ устройству мѣстныхъ комитетовъ, къ созданію нормальнаго ихъ плана, а также выработаны постановленія о томъ, что патронатъ есть необходимый элементъ тюремнаго устройства. Далѣе, С. К. Гогель, говоря о центральномъ обществѣ, не установилъ точнаго наименованія его. Говорятъ о центральномъ обществѣ патроната. Если имѣть въ виду центръ въ географическомъ смыслѣ, то общество должно быть основано въ Москвѣ, а если общество будетъ организовано въ Петербургѣ, то оно не будетъ центральнымъ учрежденіемъ. На практикѣ и у насъ вырабатываются учрежденія, которыя своею дѣятельностью выдѣляются среди другихъ и силою вещей занимаютъ центральное положеніе, которое не создается регламентомъ или закономъ. Ораторъ сослался на опытъ земледѣльческихъ колоній и пріютовъ, которые получили свой центръ въ Рукавишниковскомъ пріютѣ. Этимъ пріютомъ уже 25 лѣтъ руководить А. А. Фидлеръ, одинъ изъ тѣхъ дѣятелей тюремнаго дѣла, имя котораго не умретъ въ Россіи. А. А. Фидлеръ могъ бы намъ сообщить факты о томъ, какъ въ Московскій пріютъ обращались за совѣтомъ и указаніями вновь возникавшіе пріюты. Совѣты и указанія Московскаго пріюта имѣли большое значеніе для устроителей новыхъ пріютовъ; это были не книжные совѣты и указанія, а совѣты, основанные на практическомъ опытѣ. Подобнаго центрального учрежденія намъ не создать. Центральное же бюро—критическое учрежденіе, всѣмъ заправляющее, надзирающее, контролирующее, руководящее, для патроната, какъ дѣла живаго, требующаго всего человѣка, ничего кромѣ вреда не принесетъ. Конечно, контроль существуетъ и долженъ существовать; но это есть контроль тюремнаго управленія, которое отъ своей роли отказаться не можетъ. Во всемъ остальномъ мѣстный патронатъ долженъ дѣйствовать самостоятельно. Самое названіе: центральное общество „патроната“

есть нѣкотораго рода самозванство. Патронатъ означаетъ охрану выпускаемыхъ изъ мѣстъ заключенія, центральное же общество патронатства можетъ означать, очевидно, пропаганду идеи патроната, писаніе книжекъ, брошюръ, собираніе денегъ и средствъ; это будетъ общество содѣйствія развитію частныхъ патронатовъ въ Россіи, а не общество патронатства. Это послѣднее и не нужно, и можетъ быть вредно; оно не подгонитъ мѣстныхъ силъ. Писаніе книжекъ само по себѣ дѣло хорошее; такъ было съ земледѣльческими колоніями и пріютами, бюро коихъ оказываетъ содѣйствіе мѣстнымъ обществамъ, но ни какого центрального общества имъ для этого не понадобилось. Можно понять установленіе какого-нибудь центрального органа объединенныхъ землячествъ, но центральное землячество непонятно. Центральное общество принесетъ вредъ. Когда на мѣстѣ возникнутъ индивидуальныя силы, то это будетъ зародышъ для будущаго; но центральное общество отниметъ энергію для устройства мѣстныхъ патронатовъ; люди преданные своему дѣлу пошли бы на помощь мѣстному обществу патроната, но центральное общество можетъ сковать ихъ энергію. Если обратиться къ средствамъ, то можно ожидать пожертвованій на прямое мѣстное дѣло; въ этомъ отношеніи достаточно вспомнить пожертвованія на мѣстныя учрежденія того города, въ которомъ мы собрались, хотя бы пожертвованія на университетъ и его клиники; но если устроить центральное общество, то сначала подпишется много лицъ, ищущихъ, на примѣръ, повышеній по службѣ; они внесутъ первые взносы, а потомъ мало по малу члены забудутъ дѣлать свои взносы и общество постепенно умретъ. Н. С. Таганцевъ вспомнилъ собственный жизненный опытъ. Лѣтъ 30 тому назадъ, когда послѣ закона 1866 года стали возникать земледѣльческія колоніи, въ Петербургѣ было создано г. Чаславскимъ Петербургское общество. Тогда первая мысль возникла о центральномъ обществѣ земледѣльческихъ колоній; Н. С. Таганцевъ состоитъ до сихъ поръ членомъ комитета земледѣльческихъ колоній и пріютовъ и можетъ удостовѣрить, что и попытки созданія общества или другихъ заведеній, кромѣ Петербургской колоніи, даже Петербургскій пріютъ для дѣвочекъ, созданъ усиліями мѣстныхъ дѣятелей. Въ заключеніе Н. С. Таганцевъ высказался противъ устройства центрального общества и въ пользу всевозможнаго содѣйствія основанію отдѣльныхъ мѣстныхъ обществъ.

В. В. Пржевальскій сказалъ, что противъ необходимости немедленно высказаться за желательность устройства центрального

общества патроната приводятся соображенія абстрактнаго порядка, такъ какъ прежде, чѣмъ объединять, необходима наличность мѣстныхъ учреждений. Но съ этимъ возраженіемъ, построеннымъ на почвѣ индивидуальной логики, нельзя согласиться съ точки зрѣнія историческаго развитія общественныхъ отношеній. Нашъ общественный строй показываетъ, что частная инициатива у насъ мало развита. Во Франціи дѣйствительно сначала устраивали мѣстныя общества, а потомъ центральное. Въ Германіи въ каждой деревушкѣ существуютъ общества, союзы, по различнымъ отраслямъ быта. Наше положеніе иное, мы привыкли ждать помощи сверху; эта помощь должна прійти и въ дѣлѣ патроната, центральное общество должно явиться на помощь въ дѣлѣ учрежденія мѣстныхъ обществъ; центральное общество должно заниматься не только пропагандой патроната, но и содѣйствовать осуществленію патроната на практикѣ. Россія страна молодая въ отношеніи гражданственности; у насъ всего имѣется семь мѣстныхъ обществъ патроната, а въ Испаніи 63 и кромѣ того центральное бюро. По вопросамъ уголовной политики русское общество ждетъ отъ насъ не платоническихъ постановленій, а такого рѣшенія, которое обезпечило бы развитіе патроната въ Россіи. Единственная возможность до достиженія этой цѣли заключается въ созданіи главнаго общества.

Соглашаясь вполне съ высказаннымъ Н. С. Таганцевымъ, по тѣмъ основаніямъ, которыя изложены въ его рѣчи, *К. В. Шавровъ* добавилъ слѣдующее: по его мнѣнію, учрежденіе центральнаго общества патроната и излишне, и частью вредно. Дѣятельность лицъ патроната должна исходить изъ призванія, основаннаго на личной потребности и инициативѣ; поэтому всякое давленіе въ той или иной формѣ, а въ особенности въ видѣ какихъ-либо предписаній министра, только заглушитъ и умертвитъ для лица, преданнаго задачамъ патроната, то необходимое качество, которое и даетъ ему только смыслъ—это искренность. Быть можетъ, предписанія и циркуляры и вызовутъ на первыхъ порахъ значительное участіе разныхъ лицъ, но это участіе не будетъ долговѣчно, такъ какъ оно не будетъ изъ свободнаго отношенія къ дѣятельности, къ тому же для дѣла патроната не столько важно число лицъ, сколько ихъ качества.

Такой примѣръ мертвящаго вліянія официальной инициативы мы знаемъ въ учрежденіи попечительнаго общества о тюрьмахъ.

Поэтому г. Шавровъ предлагаетъ нынѣ ограничиться учрежденіемъ мѣстныхъ обществъ патроната, а эти послѣднія, по органи-

заци ихъ, уже выберутъ изъ своей среды бюро, которое главной цѣлью будетъ имѣть доставленіе свѣдѣній по патронату заинтересованнымъ въ этомъ мѣстнымъ обществамъ. Эти свѣдѣнія будутъ главнымъ образомъ имѣть характеръ справочный о лицахъ, переходящихъ изъ вѣдѣнія одного мѣстнаго общества патроната въ другое. Въ такомъ именно смыслѣ понимается бюро и въ западной Европѣ, гдѣ именно и въ литературѣ выражалась, и осуществлялась въ жизни въ такомъ видѣ идея центрального бюро.

Профессоръ *Бьлюрицъ-Котляревскій* не соглашался съ Н. С. Таганцевымъ въ томъ, что существованіе главнаго общества патроната въ Россіи вредно; распространеніе идей патроната въ Россіи необходимо и оно должно происходить не однимъ только оглашеніемъ свѣдѣній о патронатѣ печатью, но и активными дѣйствіями, какъ то: перепиской съ мѣстными дѣятелями, посылкой компетентныхъ членовъ общества на мѣста для возбужденія вопроса о необходимости патронирования бывшихъ преступниковъ и организациі мѣстнаго патроната. Но ораторъ не соглашался съ С. К. Гогелемъ въ томъ, что главное общество будетъ заниматься только распространеніемъ идеи о патронатѣ и ходатайствомъ о субсидіяхъ; это общество должно содѣйствовать возникновенію и развитію мѣстныхъ обществъ активными мѣрами, выше указанными. Самъ Н. С. Таганцевъ не отрицаетъ пользы свѣдѣній, сообщаемыхъ центральнымъ бюро. На практикѣ, когда возникаетъ мысль о мѣстномъ патронатѣ, обыкновенно посылаютъ депутата въ другой городъ, вообще туда, гдѣ образовалось мѣстное общество патроната. Не лучше ли, когда будетъ существовать главное общество, бюро котораго возьметъ на себя задачу сообщать эти свѣдѣнія, распространять ихъ и помогать такимъ образомъ возникновенію мѣстныхъ обществъ патроната. Личный починъ у насъ еще не окрѣпъ, и данныя свѣдѣнія необходимо насаждать не только путемъ печати, но и активными отношеніями, появленіемъ дѣятелей главнаго общества на мѣстахъ. Эту роль и исполнить бюро общества, которое будетъ существовать въ Петербургѣ. Что касается организациі мѣстныхъ обществъ, то оппонентъ указалъ на непослѣдовательность С. К. Гогеля, который говоритъ, что въ дѣлѣ патроната необходимо порвать связь съ официальной сферой, но въ организациі мѣстныхъ обществъ призналъ нужнымъ участіе мѣстной прокуратуры. Ораторъ согласенъ съ тѣмъ, что рассчитывать на частную инициативу въ Россіи трудно, что приходится обращаться даже къ бюрократіи, почему обязательное введеніе товарищей прокурора въ члены мѣст-

ныхъ патронатовъ представляется совершенно раціональнымъ. Въ заключеніе ораторъ призналъ необходимымъ ходатайствовать передъ правительствомъ объ утвержденіи нормальнаго устава патроната.

С. К. Гоголь сказалъ: „Позвольте мнѣ изъ возраженія глубоко-уважаемаго Н. С. Таганцева заимствовать новое названіе, которое онъ считаетъ болѣе соотвѣтственнымъ дать предположенному мною главному или союзному обществу патроната—Общество содѣйствія развитію патроната въ Россіи; оно прекрасно отвѣчаетъ всѣмъ соображеніямъ моего доклада. Въ остальномъ я никакъ не могу согласиться съ соображеніями уважаемаго моего учителя. Если идея патроната и его значеніе принадлежитъ къ безспорнымъ, то тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что эта идея пока въ высшей степени мало распространена въ Россіи, ибо у насъ всего 7 обществъ патроната. Такимъ образомъ содѣйствовать распространенію какъ самой идеи, такъ и патроната въ Россіи необходимо. Выработка и утвержденіе нормальнаго устава мѣстныхъ патронатовъ и введеніе его въ составъ устава о содержащихся подъ стражей даетъ только одинъ результатъ—устраненіе внѣшнихъ препятствій для проявленія частной инициативы, но ничего не прибавитъ въ положительномъ смыслѣ. Если ограничиться только выработкой нормальнаго устава, то это сведется къ увеличенію новымъ уставомъ нашего многотомнаго свода законовъ. Надо принять мѣры положительныя, созидающія, и въ особенности потому, что у насъ, въ нашемъ обществѣ, имѣется несомнѣнно много, такъ сказать, *латентной* инициативы, которая только не находитъ сама выхода. Вспомнимъ, какъ часто присяжные засѣдатели не только въ глухой провинціи, но въ столицахъ, проведя сессію и придя къ убѣжденію, что одно наказаніе далеко недостаточно въ дѣлѣ борьбы съ преступностью, собираютъ деньги и, выражая желаніе пожертвовать на какое-либо доброе дѣло по призыву выходящихъ изъ мѣстъ заключенія, обращаются къ специалистамъ съ просьбой указать имъ, въ какую форму могло бы вылиться ихъ доброе намѣреніе. Если будетъ образовано общество содѣйствія развитію патроната, тогда такихъ недоразумѣній не будетъ; всякій симпатизирующій дѣлу будетъ знать, гдѣ искать разъясненія. Нормальный уставъ не придется розыскивать въ сводѣ законовъ, онъ будетъ немедленно доставленъ отдѣльнымъ изданіемъ со всѣми необходимыми разъясненіями, съ свѣдѣніями о томъ, какъ ведется дѣло въ другихъ обществахъ, и, наконецъ, будетъ вѣроятно оказана и небольшая матеріальная помощь, столь необходимая въ

началъ дѣла, но именно небольшая, совершенно соответствующая и размѣрамъ скромнаго дѣла, въ двѣ, три *сотни* рублей.

Ограничиться только изданіемъ нормальнаго устава, предоставивъ ему самому превращаться въ живой организмъ,—это значитъ сложить руки и въ сущности похоронить и то небольшое, что бы мы могли вызвать къ жизни“.

Д. А. Дриль по вопросу объ основаніи центрального общества патроната или общества содѣйствія для развитія патроната разошелся въ мнѣніяхъ съ Н. С. Таганцевымъ. Послѣдній говоритъ, что у насъ уже существуетъ подобнаго рода центральный органъ, это—главное тюремное управленіе. По отношенію къ нему оппонентъ выразилъ ту мысль, что главное тюремное управленіе имѣетъ много дѣла и безъ того, чтобы на него возлагать еще контроль по дѣлу патроната; въ этомъ послѣднемъ отношеніи его содѣйствіе будетъ чисто официальнымъ. Если обратиться къ исторіи исправительныхъ заведеній, аналогичныхъ съ патронатами, то эти общества съ самаго своего возникновенія постоянно чувствовали необходимость обращенія за справками; исправительныя общества создали съ этою цѣлью бюро, но оно не можетъ удовлетворять потребности въ объединеніи, такъ какъ это можетъ дѣлать центральное или главное общество. Иностранная жизнь знаетъ подобныя общества, кои содѣйствуютъ мѣстнымъ обществамъ необходимыми указаніями, стягиваютъ къ себѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія, въ каковыхъ чувствуется нужда и у насъ. Рукавишниковскій пріютъ не всегда можетъ удовлетворить этой потребности. Ораторъ самъ очень часто получаетъ запросы отъ мѣстныхъ исправительныхъ заведеній,—на кои онъ не въ состояніи отвѣчать. То же положеніе встрѣтится и съ обществами патроната; по отношенію къ нимъ необходимо равнымъ образомъ содѣйствіе такого органа, который это содѣйствіе ставилъ бы своею цѣлью. У насъ уже есть опытъ относительно того, какъ центральное вліяніе вызываетъ къ жизни мѣстныя учрежденія. Такимъ именно образомъ возникли дома трудолюбія, вызванные къ жизни путемъ разъѣздовъ одного командированнаго лица; во главѣ этихъ домовъ стоитъ одно центральное учрежденіе; оно оказываетъ содѣйствіе возникновенію на мѣстахъ учрежденій трудовой помощи; оно дѣлаетъ все, чтобы жизнь мѣстныхъ учрежденій постоянно развивалась; то же самое, хотя можетъ быть въ другой степени, будетъ дѣлать и центральное общество патроната. Такимъ образомъ нашъ русскій опытъ не противорѣчитъ идеѣ созданія главнаго общества или общества содѣйствія патроната.

М. М. Боровитиновъ высказалъ: „Желательно или нежелательно учрежденіе общества для содѣйствія развитію въ Россіи патроната, — вотъ вопросъ, который намъ придется сейчасъ баллотировать. Нежелательность такого общества доказывается тѣмъ, что, согласно естественному порядку вещей, возникновеніе мѣстныхъ обществъ патроната должно предшествовать образованію центрального органа, задачей котораго можетъ быть только ихъ объединеніе; съ положеніемъ этимъ едва ли можно согласиться. Въ основѣ его, мнѣ кажется, лежитъ неправильное представленіе о характерѣ функцій общества, учрежденіе котораго пропагандируется на нашемъ съѣздѣ. Не въ объединеніи дѣятельности мѣстныхъ органовъ патроната, по предположеніямъ защитниковъ центрального общества, должна будетъ заключаться его важнѣйшая функція, а въ содѣйствіи всѣми мѣрами ихъ возникновенію; общество, преслѣдующее подобныя задачи, очевидно, не только можетъ, но и должно появиться въ то время, когда дѣло патроната еще недостаточно развилось на мѣстахъ. Едва ли кто не согласится съ тѣмъ, что процессъ возникновенія мѣстныхъ обществъ патроната совершается у насъ крайне медленно, что въ ускореніи его ощущается настоятельная потребность: защитниками центрального общества указывается для этого надлежащій путь. Не говоря уже о томъ, что путь этотъ не представляетъ ни малѣйшей опасности, онъ имѣетъ за себя у насъ и извѣстный опытъ. Какъ только что указалъ Д. А. Дриль, путемъ этимъ идетъ попечительство о домахъ трудолюбія, на этотъ путь стало и недавно образовавшееся общество защиты женщинъ. Я не вижу причинъ, почему бы имъ не могъ идти также и тюремный патронатъ. Н. С. Таганцевъ предлагаетъ возложить значительную часть функцій предполагаемаго главнаго общества патроната на комитетъ нашей группы; но едва ли комитетъ группы можетъ быть признанъ для этого подходящимъ органомъ. Чтобы двинуть дѣло патроната, нужны и средства, и свободныя силы; ни тѣмъ, ни другимъ не обладаетъ комитетъ. Вотъ почему, мнѣ кажется, мы должны вотировать за образованіе самостоятельнаго общества для содѣйствія развитію въ Россіи патроната; намъ нуженъ органъ для борьбы съ инертностью нашего общества, для привлеченія къ дѣлу частной инициативы“.

М. В. Духовской замѣтилъ: „Въ возникшемъ разногласіи по вопросу, какимъ путемъ идти къ устройству патронатовъ въ Россіи, я усматриваю коренное различіе и, съ своей стороны, соглашаюсь съ взглядомъ Н. С. Таганцева. Ошибочно думать, что въ нашемъ отечествѣ

по многочисленнымъ его городамъ нѣтъ людей, способныхъ понять пользу такого дѣла, какъ патронатъ. Я, наоборотъ, всегда держался и держусь взгляда, что тамъ сумѣютъ осуществить всякое хорошее начинаніе, если только будутъ созданы условія, при которыхъ явится возможность съ пользою работать. Поэтому нѣтъ ни малѣйшей надобности создавать какое-либо центральное руководящее учрежденіе по патронатамъ въ Петербургѣ. Созданіе такого учрежденія принесетъ, вѣроятно, пользу въ началѣ, при его содѣйствіи возникнетъ нѣсколько патронатовъ, которые иначе, можетъ быть, не создались бы, но, съ другой стороны, многіе уклонятся отъ работы, если за ними не будетъ признана инициатива и полная самостоятельность. Безполезно создавать такое центральное общество и для уясненія сущности или пользы патронатовъ. Это могутъ дѣлать такіе сѣзды, какъ нашъ, сдѣлаетъ пресса, можно сдѣлать изданіемъ брошюръ и т. п., а для этого не нужно особое общество. Гг. члены, признающіе пользу въ устройствѣ центрального общества, приводятъ въ примѣръ комитетъ по домамъ трудолюбія; но это сюда не подходитъ; комитетъ стоитъ при исключительно благопріятныхъ условіяхъ для благотворнаго развитія дѣла. Вообще я долженъ сказать откровенно, что не симпатизирую явившемуся теперь стремленію въ Петербургѣ объединять различныя отрасли работъ въ центральныхъ обществахъ, открывая по губерніямъ филиальныя отдѣленія. Это, повторяю, убиваетъ довѣріе къ силамъ и сознанію мѣстнаго населенія и инициативу его. Что патронатъ не развивается до сихъ поръ въ Россіи,— это понятно. Происходитъ это отчасти потому, что патронатъ дѣло новое, а главное, по полному отсутствію такихъ благопріятныхъ условій, при которыхъ они могли бы возникать. Добейтесь измѣненія этихъ условій, облегчите утвержденіе уставовъ и патронатовъ, и они начнутъ живо развиваться.

Желая развитія дѣлу, надо, конечно, установить возможное единеніе между патронатами, но лучшій способъ для этого тотъ, какой мы уже примѣняли при устройствѣ исправительныхъ пріютовъ, это путемъ организаціи сѣздовъ ихъ представителей и центрального бюро. О возможномъ содѣйствіи такой постановки дѣла, равно какъ и о выработкѣ мѣръ, облегчающихъ открытіе патроната (составленіе, напр., нормального устава) намъ слѣдуетъ позаботиться“.

В. В. Пржевальскій, отвѣчая М. В. Духовскому, указалъ на отсутствіе у насъ того мѣстнаго органа, при дѣйствіи котораго и могутъ возникнуть патронаты,—органа, подобнаго тому, который имѣетъ земство въ земскихъ учрежденіяхъ. По отношенію къ патронату при

существующемъ положеніи оставаться нельзя; это значило бы остановиться на полпути и поставить на дѣлѣ патроната крестъ.

Н. С. Кашкинъ не думалъ возражать *Н. С. Таганцеву*, но какъ практикъ, живущій 35 лѣтъ въ Калужской губерніи, работавшій въ земствѣ, состоящій 25 лѣтъ товарищемъ предсѣдателя уголовного отдѣленія окружнаго суда, разъѣзжающій на сессіи, имѣющій у себя въ имѣніи тюремныхъ сидѣльцевъ въ качествѣ служащихъ, считалъ чрезвычайно важнымъ возникновеніе патронатовъ, которые также необходимы, какъ необходимъ погребъ помѣщику. Но этихъ патронатовъ нѣтъ, а между тѣмъ уѣздныя тюрьмы находятся въ ужасномъ положеніи и сами собою улучшаться не могутъ. Ораторъ не беретъ создать патронаты въ Калужской губерніи, если не будетъ оказано помощи свыше; мы привыкли ожидать, что всякая полезная мѣра исходитъ изъ столицъ, гдѣ существуетъ общественное мнѣніе, вліяющее на всю Россію. Всякое полезное дѣло возникаетъ на мѣстѣ обыкновенно вслѣдствіе пріѣзда изъ центра какого-нибудь депутата или свѣдущаго человѣка, специалиста; тогда составляются кружки, создается учрежденіе; безъ этого же мѣстные дѣятели безсильны, у нихъ мало инициативы. Указываютъ на исправительныя пріюты. Но въ Калужской губерніи едва третья часть преступныхъ дѣтей находитъ въ нихъ пріютъ; въ другихъ губерніяхъ пріютовъ вовсе нѣтъ. По мнѣнію оратора, необходимо центральное или главное объединяющее учрежденіе, которое подняло бы мѣстную инициативу.

И. Я. Фойницкій остановился на томъ, что изъ преній съ несомнѣнностью вытекаетъ необходимость въ такомъ органѣ, который не имѣлъ бы значенія начальствующаго органа, но который помогъ бы возникновенію мѣстныхъ обществъ сообщеніемъ свѣдѣній, тѣми или другими указаніями. Самъ *Н. С. Таганцевъ* исходилъ изъ подобнаго же предположенія, по крайней мѣрѣ онъ имѣлъ въ виду, что русская группа союза криминалистовъ, съѣздъ или комитетъ группы, будетъ оказывать нѣкоторое содѣйствіе образованію мѣстныхъ обществъ патроната. Въ этихъ видахъ *И. Я. Фойницкій* внесъ согласительное, такъ сказать, предложеніе, состоящее въ томъ, чтобы настоящій съѣздъ выбралъ бюро для объединенія дѣятельности мѣстныхъ обществъ патроната, увеличивъ съ этой цѣлью составъ комитета группы известнымъ количествомъ членовъ, какъ представителей разныхъ по возможности мѣстностей Россіи. Такихъ членовъ было бы достаточно шесть человѣкъ. Если же избраніе особаго бюро почему-либо будетъ признано неудобнымъ, то можно довольствоваться возложеніемъ этой обязанности на существующій комитетъ.

А. Л. Гурко высказалъ слѣдующее:

„Какъ лицо, стоявшее въ теченіе шести лѣтъ близко къ дѣлу перевоспитанія невзрослыхъ порочныхъ и преступныхъ дѣтей (два года 1889—1891 по Ярославскому исправительному пріюту и четыре года 1897—1901 по Калужскому), считаю своею обязанностью, по поводу мнѣній, высказанныхъ во вчерашнемъ засѣданіи съѣзда криминалистовъ, о патронатѣ надъ выходящими изъ мѣстъ заключенія, высказать и со своей стороны нѣкоторыя соображенія, которыя можетъ быть окажутся небезполезными при окончательномъ направленіи этого дѣла, хотя бы по этому предмету и могли уже быть постановлены съѣздомъ какія-либо пожеланія.

Мнѣ кажется, что главная причина вчерашнихъ разногласій происходила отъ желанія объединить, непременно въ одномъ обществѣ, патронатъ надъ всѣми лицами, въ немъ нуждающимися.

Между тѣмъ, нельзя не принять во вниманіе, что попеченіе надъ лицами, выходящими изъ тюремъ, нельзя соединить съ попеченіемъ надъ малолѣтними, выходящими по достиженіи 18-лѣтняго возраста изъ исправительныхъ пріютовъ, гдѣ они перевоспитывались,—точно также, какъ никто и не думаетъ подчинять тому же патронату дѣтскіе пріюты и обыкновенныя сиротскія опеки. Каждый изъ этихъ видовъ попеченія долженъ имѣть совершенно особый характеръ и совершенно особую дѣятельность, а потому и совершенно особую организацію.

Съ патронатомъ надъ выходящими изъ тюремъ могутъ имѣть что-либо общее работные дома, дома трудолюбія для взрослыхъ и тому подобныя учрежденія, отнюдь же не патронатъ надъ несовершеннолѣтними старше 18 лѣтъ, выходящими изъ исправительныхъ пріютовъ, которые могутъ быть приравнены только къ воспитательнымъ учрежденіямъ, изъ коихъ нѣкоторыя, на практикѣ, продолжаютъ по возможности свои заботы о своихъ воспитанникахъ и послѣ ихъ выхода, стараясь пріискивать имъ мѣста.

Не касаясь патроната надъ взрослыми, выходящими не изъ воспитательныхъ, а изъ противовоспитательныхъ учрежденій—тюремъ, и нуждающихся поэтому въ совершенно особенномъ перевоспитывающемъ покровительствѣ,—я твердо убѣжденъ, что патронатъ надъ несовершеннолѣтними долженъ быть порученъ не иначе, какъ тому же учрежденію, которое завѣдывало ихъ воспитаніемъ или перевоспитаніемъ и которое хорошо знаетъ ихъ прошлое, ихъ теперешнее нравственное состояніе и ихъ нужды личныя и семейныя.

Подобно дѣвочкамъ Большевскаго пріюта, ищущимъ и послѣ

своего выхода, въ случаѣ нужды, покровительства въ томъ же пріютѣ,—несовершеннолѣтніе, выходящіе изъ исправительныхъ пріютовъ, должны находить, и въ большинствѣ случаевъ (напр., въ извѣстныхъ мнѣ Ярославскомъ и Калужскомъ пріютахъ) дѣйствительно ищутъ и находятъ, покровительство въ прежнихъ своихъ пріютахъ, гдѣ на практикѣ начальство старается по возможности ихъ принимать въ качествѣ подмастерій, или даже просто прирѣвывать ихъ наравнѣ съ воспитанниками въ видѣ рабочихъ по своимъ мастерствамъ, за задѣльную плату или за добровольно положенное жалованье, помогая имъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ пріисканіи мѣстъ. Директоръ Калужскаго исправительнаго пріюта, Пименъ Петровичъ Морозовъ, находитъ даже возможнымъ позволять нѣкоторымъ изъ вышедшихъ воспитанниковъ, даже нашедшимъ мѣста въ постороннихъ мастерскихъ или заводахъ, ночевать и проводить свободное отъ работъ время въ пріютѣ, если убѣждаются, что среда прочихъ рабочихъ, съ которыми имъ суждено жить, имъ претитъ и можетъ вредно повліять на неокончательно установившуюся ихъ нравственность.

Что можетъ быть лучше и желательнѣе такого патроната, и можетъ ли замѣнить его другое какое-либо постороннее и незнакомое съ воспитанниками общество?

Если ни правительству, ни обществу, ни самимъ вышедшимъ изъ тюремъ не можетъ быть желательно возвращеніе туда своихъ выпущенниковъ,—то возвращеніе въ исправительные пріюты прежнихъ воспитанниковъ, разумѣется не въ качествѣ рецидивистовъ, а въ качествѣ нуждающихся въ покровительствѣ, не только желательно, но составляетъ даже отрадное явленіе, свидѣтельствуя о благотворномъ вліяніи самихъ пріютовъ и о внушаемомъ ими довѣрїи.

А потому мнѣ кажется, что если патронатъ надъ выпущенными изъ тюремъ, какъ и установленіе болѣе воспитательной жизни въ самыхъ тюрьмахъ, доселѣ производящей столь пагубное дѣйствіе надъ всею будущностью несчастныхъ, подвергнувшихся, по собственной винѣ или случайно, этому тѣлесному, умственному и душевному наказанію,—требуется серьезнаго и всесторонняго обсужденія, безъ котораго не можетъ быть рѣшенъ,—то относительно выходящихъ изъ исправительныхъ пріютовъ патронатъ могъ бы и долженъ бы быть рѣшенъ *теперь же безъ особыхъ обсужденій и, хотя бы въ видѣ опыта*, порученъ исправительнымъ пріютамъ, безъ всякихъ особыхъ мѣстныхъ, а тѣмъ менѣе центральныхъ учреждений, а лишь со сравнительно небольшимъ увеличеніемъ своего бюд-

жета (разумѣется съ помощью и отъ правительства), на то число воспитанниковъ, которые будутъ въ пріютѣ оставаться послѣ своего срока, и на пособія, которыя окажется нужнымъ оказывать тѣмъ, которые будутъ жить на сторонѣ,—для поощренія ихъ въ своихъ мастерствахъ.

Наблюденіе же надъ ними въ уѣздахъ можетъ быть поручено членамъ общества, тамъ живущимъ“.

О. К. Адеркасъ указалъ на то, что шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ было устроено въ Петербургѣ главное попечительство дѣтскихъ пріютовъ; результатъ его дѣятельности былъ блестящій. Черезъ двадцать лѣтъ комитетъ былъ упраздненъ, и дѣло остановилось совершенно. Пять лѣтъ тому назадъ комитетъ возобновили опять, и дѣло идетъ блестяще. Точно также по дѣлу попечительства о слѣпыхъ въ Петербургѣ образовался совѣтъ, который принялъ на себя инициативу устройства пріютовъ, оказанія имъ помощи, и дѣло развивается. Петербургскій комитетъ помогъ мѣстнымъ отдѣленіямъ, и на мѣстахъ нашлись средства для основанія мѣстныхъ пріютовъ. Такъ, на примѣръ, по одному указанію былъ учрежденъ сборъ въ недѣлю о слѣпыхъ по церквамъ и отъ этого сбора получается 100000 рублей въ годъ. По предложенію другаго члена учрежденъ сборъ въ винныхъ лавкахъ, который также даетъ 100000 р. Ораторъ полагалъ, что и по отношенію къ патронированію бывшихъ преступниковъ необходимо основать руководящее учрежденіе, которое однако не должно стѣснять въ чемъ-либо мѣстныя учрежденія, а только помогать имъ.

Въ 12¹/₂ часовъ былъ объявленъ перерывъ на четверть часа.

По возобновленіи засѣданія предсѣдатель *В. В. Микляшевскій* заявилъ о сдѣланной поправкѣ по вопросу о центральномъ бюро патроната. Поправка состоитъ въ слѣдующемъ: предлагаютъ образовать при комитетѣ союза криминалистовъ постоянное бюро для содѣйствія открытію мѣстныхъ обществъ патроната.

М. В. Духовской замѣтилъ, что постановка дѣла, предложенная *И. Я. Фойницкимъ*, соотвѣтствуетъ опыту исправительныхъ пріютовъ; послѣдніе возникаютъ сами по себѣ, центральное же бюро помогаетъ имъ въ ихъ работѣ.

Д. А. Дриль рѣшительно высказался противъ сдѣланнаго предложенія, полагая, что постоянное бюро при комитетѣ не вполне удовлетворяло бы той цѣли, какую преслѣдовало бы центральное общество содѣйствія патроната, почему признавалъ желательнымъ, чтобы былъ сдѣланъ опытъ съ центральнымъ обществомъ.

В. В. Пржевальскій полагалъ, что необходимо прежде баллотировать вопросъ объ учрежденіи общества для содѣйствія развитію патронатовъ, каковой вопросъ вытекаетъ изъ доклада, согласительное же предложеніе слѣдуетъ баллотировать послѣ этого; *В. В. Пржевальскій* считалъ, что особаго бюро создавать не зачѣмъ, да и едва ли съѣздъ имѣетъ на это право по уставу; если этимъ дѣломъ займется комитетъ, то у него будетъ мало членовъ, для увеличенія же членовъ комитета необходимо ходатайствовать объ измѣненіи устава.

М. П. Чубинскій, указавъ на то, что въ преніяхъ говорилось о содѣйствіи развитію обществъ патроната, высказалъ, что говорилось также о необходимости возбужденія ходатайства объ изданіи закона, опредѣляющаго организацію этого дѣла; поэтому г. Чубинскій полагалъ дополнить предложенныя формулы указаніемъ на необходимость возбудить ходатайство объ изданіи закона о патронатѣ.

Предсѣдатель В. В. Микляшевскій предложилъ съезду высказаться, что голосовать прежде: согласительное предложеніе или предложеніе объ организаціи центрального общества.

Большинствомъ голосовъ постановлено голосовать сначала согласительное предложеніе.

Затѣмъ было приступлено къ голосованію согласительнаго предложенія *И. Я. Фойникова*, слѣдующаго содержанія:

„Съѣздъ, возлагая на Комитетъ Группы заботы по возникновенію и развитію патроната въ Россіи, находитъ, что въ настоящее время желательно учрежденіе мѣстныхъ обществъ патроната (окружныхъ, губернскихъ или уѣздныхъ), образованіе же центрального общества можетъ стать на очередь лишь тогда, когда потребность въ немъ выяснится изъ практики мѣстныхъ обществъ.

„Съѣздъ находитъ желательнымъ изданіе особаго закона о патронатѣ, на подобіе закона объ исправительныхъ пріютахъ и съ признаніемъ патроната установленіемъ общей пользы, которому должно быть обеспечено правительственное содѣйствіе“.

За принятіе его высказалось 62 голоса, противъ него 22.

Вопросъ о желательности участія въ дѣлѣ патроната органовъ мѣстнаго самоуправленія съѣздомъ принятъ единогласно.

Съѣздъ призналъ также желательнымъ избрать комиссію для выработки проекта нормальнаго устава мѣстныхъ обществъ патроната и для организаціи постояннаго бюро при комитетѣ группы. Предложеніе это принято единогласно.

Въ комиссію избраны: *М. М. Боровитиновъ*, *А. С. Потемкинъ*,

княжна А. А. Ливень, И. И. Гладкій, Н. В. Давыдовъ, Д. А. Дриль, Н. С. Таганцевъ, М. В. Духовской, С. К. Гогель, В. В. Микляшевскій, О. К. Адеркасъ.

Засѣданіе закрыто въ 1 часъ дня.

III. Психологическое изслѣдованіе на судѣ уголовномъ.

(Засѣданіе 5 апрѣля).

Предсѣдательское кресло въ 1 ч. 5 мин. дня занялъ Н. В. Давыдовъ, предоставившій слово *Л. В. Владимірову*, который представилъ слѣдующее сообщеніе по вопросу о психологическомъ изслѣдованіи на судѣ уголовномъ:

„Въ судѣ уголовномъ разсматриваются три категоріи вопросовъ: вопросъ права, вопросъ уголовной достовѣрности и вопросъ душевной жизни. Для рѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ отбираются научныя заключенія, по третьей категоріи вопросовъ пока лишь для вопросовъ душевной жизни въ патологическомъ состояніи. Вопросы права разрѣшаются компетентнымъ по знанію законовъ страны судомъ, роль авторитета котораго въ вопросахъ права не подлежитъ никакому сомнѣнію, установлена практическими и теоретическими его знаніями и, наконецъ, государственнымъ признаніемъ этого авторитета. Вопросы уголовной достовѣрности, при разрѣшеніи которыхъ должна быть также принимаема во вниманіе наука, хотя и предоставлены внутреннему убѣжденію присяжныхъ, но послѣдніе не оставлены безъ помощи науки. Во-первыхъ, самъ уголовный процессъ есть не что иное, какъ методъ установленія и разработки доказательствъ; затѣмъ присяжные получаютъ отъ предсѣдателя наставленіе объ общихъ юридическихъ основаніяхъ къ сужденію о силѣ доказательствъ, а эти общія юридическія основанія, почерпаемыя изъ опыта вѣковъ, и составляютъ вѣдь научную теорію доказательствъ. Доказательства представляются присяжнымъ послѣ такой обработки ихъ, которая подготовила ихъ для рѣшенія. Присяжные могутъ не знать процессуальнаго механизма, но о результатахъ доказательствъ всякой процедуры они могутъ вполне правильно судить; человекъ можетъ не знать устройства микроскопа, но все-же онъ будетъ какъ слѣдуетъ видѣть увеличенное стекломъ тѣло. Что касается до третьей категоріи вопросовъ въ уголовномъ процессѣ, до вопросовъ душевной жизни подсуди-

мыхъ, то въ настоящее время научному освѣщенію экспертовъ подвергаются лишь вопросы патологіи души. Въ тѣхъ случаяхъ, когда душевная жизнь подсудимаго обратила на себя вниманіе рѣзкими особенностями, вызывающими подозрѣніе душевной болѣзни, призываются эксперты, психіатры. Остаются безъ научнаго освѣщенія на судѣ лишь вопросы психологическіе. По принятому въ настоящее время способу, изслѣдованіе психологическихъ вопросовъ на судѣ отдано въ вѣдѣніе судебныхъ ораторовъ. Они производятъ это изслѣдованіе по тому же способу, по какому мы рѣшаемъ вопросы о душевной жизни въ практическомъ обиходѣ, или какъ художникъ въ изящной словесности, т. е. судятъ о душѣ другаго человѣка на основаніи самонаблюденія и знанія другихъ людей, своихъ ближайшихъ друзей и вообще людей, съ которыми встрѣчались или сталкивались въ жизни. Но на судѣ, постановляющемъ приговоры, подобныя психологическія изслѣдованія недостаточны. Требуется объективное, научное, психологическое заключеніе. Но подобное можетъ быть дано лишь медико-психологическою экспертизою, которую мы считали бы цѣлесообразнымъ производить ex officio. Надъ всѣми обвиняемыми въ дѣяніяхъ, влекущихъ наказаніе не ниже тюремнаго заключенія. Мы такимъ способомъ расширяемъ способы судей достичь болѣе правильнаго рѣшенія въ дѣлахъ, въ коихъ возникаютъ вопросы психологическіе. Такое обязательное медико-психологическое изслѣдованіе особенно вызывается тѣмъ обстоятельствомъ, что области душевныхъ болѣзней и душевнаго здоровья вовсе не отдѣлены неподвижною границею. Есть очень много промежуточныхъ состояній, состояній психической недостаточности. Медико-психологическая экспертиза, обязательная для всѣхъ болѣе важныхъ случаевъ, помогла бы своевременно подмѣтить эти промежуточные недомоганія между болѣзненными и здоровыми состояніями души. Практикуемая въ настоящее время психологическія изслѣдованія имѣютъ своею задачею или доставить доказательства совершенія преступленія подсудимымъ—но объ этомъ здѣсь мы не будемъ распространяться—или же разъяснить душевное состояніе не при помощи науки, а при помощи собственнаго знанія жизни. Но такое основаніе для психологическаго изслѣдованія слишкомъ шатко. Есть наука психологіи и ее нельзя отрицать. Эта наука имѣетъ свои методы, свои матеріалы. Но меня могутъ спросить, какія же психологическія состоянія могутъ вызывать потребность въ научномъ освѣщеніи.

Слѣдующія:

Психологическое опредѣленіе степени вмѣняемости (*geminderte Zurechnungsfähigkeit*).

Вліяніе возраста на вмѣняемость.

Вліяніе пола на вмѣняемость.

Предумышленность или внезапность умысла.

Вліяніе страстей.

Вліяніе физиологическаго аффекта.

Вліяніе физической болѣзни на душевное состояніе.

Вліяніе извѣстныхъ физиологическихъ состояній на вмѣняемость (менструація, роды).

Вліяніе извѣстныхъ умственныхъ состояній на вмѣняемость (фанатизмъ).

Всѣ эти состоянія вліяютъ на душевное состояніе и могутъ незамѣтнымъ переходомъ сливаться съ состояніями невмѣняемости или же уменьшенной вмѣняемости. Для серьезнаго освѣщенія этихъ состояній необходима медико-психологическая экспертиза, т. е. психологическое изслѣдованіе, научное, основанное на физическомъ изслѣдованіи человѣка“.

И. Я. Фойницкій доложилъ телеграмму *И. Г. Щегловитова*, извѣщающую, что Центральное бюро Союза назначило Петербургскій Международный Съѣздъ Криминалистовъ на 6/19 сентября будущаго 1902 года.

Затѣмъ проф. *П. И. Ковалевскій* представилъ по тому же вопросу второе сообщеніе, въ которомъ изложилъ:

„Настоящій способъ полицейскаго предупрежденія и пресѣченія преступленій не выдерживаетъ критики. Для этого нужно ввести новый элементъ,—такимъ элементомъ является психологическое изслѣдованіе преступника. *Л. Е. Владиміровъ*, *И. Я. Фойницкій*, *М. Литовченко*, Комитетъ представителей Петербургскихъ обществъ юридическаго и психіатрическаго въ 1893 г. и др. требуютъ расширенія примѣненія психіатрической экспертизы и психологическаго изслѣдованія до предѣловъ поголовнаго изслѣдованія всѣхъ преступниковъ. Я лично также присоединяюсь къ поголовному психологическому изслѣдованію всѣхъ преступниковъ, такъ какъ только это дастъ возможность индивидуальнаго изученія преступника. Я иду далѣе и считаю правильнымъ изслѣдованіе и исправленіе малолѣтнихъ преступныхъ натуръ, даже еще не впавшихъ въ преступленіе, но по природѣ своей являющихся опасными,—и въ этомъ нахожу подтвержденіе въ трудахъ *Д. А. Дриля*, *Д. Н. Стефановскаго* и др. Выгоды отъ такого поголовнаго

психологическаго изслѣдованія преступниковъ будутъ заключаться въ слѣдующемъ: 1) выдѣленіе, почти безошибочное, всѣхъ душевно-больныхъ преступниковъ и преступныхъ душевно-больныхъ, устраненіе отъ суда неправильныхъ и ошибочныхъ приговоровъ надъ невинными душевно-больными, устраненіе отъ суда проволочекъ въ видѣ проявленій симуляціи душевныхъ заболѣваній преступниками, установка правильнаго и надлежащаго соотношенія между преступнымъ дѣяніемъ и душевнымъ состояніемъ подсудимаго, а самое главное—содѣйствіе *правильному пониманію душевнаго состоянія лица, учинившаго преступленіе*. Но это только одна сторона дѣла. Еще важнѣе психологическое изслѣдованіе для момента примѣненія наказанія и исправленія преступника. Судебный актъ разслѣдованія преступленія представляетъ много общаго съ медицинскими актами, а исторія развитія ученія о правосудіи много общаго съ развитіемъ медицины, какъ науки. Въ каждомъ медицинскомъ приѣмѣ мы различаемъ постановку діагноза и назначеніе леченія. Оба акта стоятъ въ тѣсной связи между собою,—въ актѣ правосудія мы тоже отличали установку преступленія и назначеніе ему наказанія и исправленія. Въ теченіи развитія медицины мы различаемъ періодъ младенческой—леченіе симптомовъ—кашля, бессонницы, лихорадки и проч., періодъ отроческій—леченіе болѣзни—воспаленіе легкаго, желудка и проч., и періодъ развитія—леченіе больнаго, когда принимается во вниманіе не только болѣзнь, но и индивидуальныя особенности больнаго. То же мы видимъ и въ теченіи и развитіи правосудія: періодъ младенческой—судъ надъ преступленіемъ, періодъ отроческій—судъ надъ преступленіемъ въ соотношеніи съ различными сопровождавшими его обстоятельствами, и, наконецъ, третій періодъ, въ который правосудіе стремится войти теперь—судъ надъ человекомъ. Въ каждомъ случаѣ преступленія должно разсматривать двѣ стороны дѣла: самое преступленіе и того человека, который совершилъ его. Первую половину дѣла компетентенъ исполнить судья, изслѣдованіе душевнаго состоянія преступника компетентенъ выполнить психіатръ. Актъ правосудія долженъ производиться двумя лицами: юристомъ и психіатромъ, при чемъ роль психіатра въ этомъ случаѣ должна заключаться въ доставленіи судѣ психологическаго матеріала. На основаніи данныхъ психіатра о характерѣ преступника судъ устанавливаетъ его качества и опредѣляетъ характеръ преступленія и должное возмездіе. Для того однако, чтобы отправленіе правосудія было правильнымъ, настоятельно надлежитъ расширить образованіе активныхъ лицъ суда: судебный психіатръ долженъ

быть ознакомленъ съ уголовнымъ правомъ и тюремновѣдѣніемъ, въ область юридическихъ знаній долженъ быть введенъ новый предметъ— криминальная психологія и судебная психопатологія. Преподаваніе этого предмета должно предшествовать преподаванію ученія о преступленіи. Теоретическій курсъ о психологіи преступника долженъ имѣть поддѣрженіе въ практическихъ занятіяхъ студентовъ подъ руководствомъ профессора и его ассистентовъ въ криминальныхъ клиникахъ. Для сего при тюрьмахъ въ университетскихъ городахъ должны быть введены *криминальныя клиники*, а въ неуниверситетскихъ городахъ—отдѣленія для испытуемыхъ, гдѣ психіатрами будутъ производиться изслѣдованія преступниковъ. Но еще важнѣе дѣятельность психіатра въ тюрьмѣ. Д. А. Дриль въ своей рѣчи указалъ на великую пользу нравственнаго леченія душевно-больныхъ, проводимаго психіатрами въ лечебницахъ для душевно-больныхъ. Я прибавлю указаніе на великое значеніе медико-педагогическаго метода, проводимаго врачами въ заведеніяхъ для эпилептиковъ. Но еще важнѣйшую услугу психіатры окажутъ тюрьмѣ вмѣшательствомъ въ ея жизнь, занятія, образъ жизни и т. д. Никто такъ вѣрно и такъ точно не опредѣлитъ, къ какой категоріи принадлежитъ преступникъ, какъ психіатръ, и никто такъ умѣло и цѣлесообразно не назначитъ ему мѣръ леченія и исправленія въ формѣ занятій, гимнастики, гидротерапіи (уже примѣняемыхъ въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ Америки и, по заявленію Д. А. Дриля, не безъ значительной пользы), какъ психіатръ. Обойти психіатровъ при реорганизаціи тюрьмы значитъ сознательно обойти надежную помощь. Если таковая помощь психіатровъ будетъ принята, то количество ихъ въ судебномъ вѣдомствѣ будетъ очень велико, и они, какъ судебные психіатры, окажутъ суду великую помощь въ качествѣ экспертовъ. Въ настоящее время психіатръ-экспертъ есть наемникъ, тогда же онъ будетъ членъ корпораціи. Такіе психіатры въ качествѣ экспертовъ окажутъ пользу и палатамъ, и Сенату, и центральному управленію правосудія. Это не значитъ отмѣна юриспруденціи и замѣна ея медициной. *Suum cuique!* Напротивъ, суду расширяется дѣятельность, и его горизонтъ увеличивается. Придется примѣнять наказаніе и исправленіе не къ преступнику, а къ квалифицированному преступнику, при чемъ голосъ врача есть совѣщательный и дающій матеріалъ для суда. Моя корректура улучшаетъ судъ и приближаетъ его къ идеалу. Юридическіе факультеты не есть узко спеціальныя факультеты, это въ такой же мѣрѣ и общеобразовательные факультеты. Весьма многіе идутъ на юридическіе факультеты для полученія высшаго гуманитарнаго образо-

ванія. Многіе изъ этихъ лицъ и не думаютъ заниматься судебной практикой, а идутъ въ общество, являются общественными и государственными дѣятелями. Эти люди, получивъ на юридическомъ факультетѣ надлежащее понятіе о преступникѣ, пойдутъ въ общество и внесутъ въ него тотъ же правильный взглядъ на дѣло. Такое распространеніе въ обществѣ надлежащихъ свѣдѣній о преступникѣ поможетъ изученію причинъ преступности, мѣръ къ ихъ устраненію, мѣръ къ уменьшенію преступности, уменьшенію рецидивизма и оздоровленію общества. Быть можетъ этимъ путемъ измѣнится самая форма суда, духъ же суда несомнѣнно измѣнится. Такой судъ приблизится къ суду идеальному, въ основѣ котораго будетъ лежать завѣтъ Христа „Не судите, да не судимы будете“.

М. В. Духовской напомнилъ, что исправительная тюрьма, рабочий домъ и Преображенская больница ожидаютъ г.г. членовъ съѣзда для осмотра сегодня отъ 2 до 6 часовъ пополудни.

Затѣмъ происходила бесѣда по поводу сообщеній Л. Е. Владимірова и П. И. Ковалевскаго, въ которой приняли участіе С. К. Гогель, Д. А. Дриль и И. Я. Фойницкій.

С. К. Гогель высказалъ слѣдующее: „Затронутый уважаемыми докладчиками Л. Е. Владиміровымъ и П. И. Ковалевскимъ вопросъ такъ великъ и имѣетъ такое значеніе, что для всесторонняго обсужденія его понадобился бы не одинъ часъ времени.“

Поэтому я прошу извиненія, если мои возраженія будутъ носить нѣсколько отрывочный характеръ.

Предположимъ, что предложенія докладчиковъ приняты и ихъ пытаются привести въ исполненіе. Согласно съ ихъ желаніемъ надо подвергать врачебному осмотру не только, какъ теперь, тѣхъ обвиняемыхъ, которые проявили признаки психическаго разстройства, но всѣхъ безъ исключенія. Притомъ, если даже для разрѣшенія болѣе выпуклаго рѣзкаго вопроса о томъ, *болень ли психически данный обвиняемый*, приходится прибѣгать къ помѣщенію обвиняемаго на испытаніе на многіе мѣсяцы въ больницы подъ ближайшей надзоръ и наблюденіе врачей, то какъ продолжительно и строго должно быть наблюденіе для выясненія не болѣзненныхъ признаковъ, а отличительныхъ чертъ характера?

Но вѣдь даже обвиняемыхъ и осужденныхъ содержащихся подъ стражей у насъ около 100000 среднесуточно, а всѣхъ вообще сотни тысячъ. Не придется ли для осуществленія предложеній докладчиковъ государству отказаться отъ удовлетворенія всѣхъ другихъ нуждъ и употреблять весь свой бюджетъ только на дѣло судебное?

Далѣе, для чего же собственно нужно это изслѣдованіе, эта полная въ дѣйствительности передача власти судебной въ руки врачей? Что это полная передача, это несомнѣнно, стоитъ только внимательнѣе вдуматься въ положенія докладчиковъ. Но, въ самомъ дѣлѣ, для чего такая передача? У г. Владимірова ни въ докладѣ, ни въ его книгѣ „Психологическое изслѣдованіе на уголовномъ судѣ“ это положеніе недостаточно мотивировано.

П. И. Ковалевскій и въ книгѣ своей „Судебная психопатологія“, и здѣсь, въ докладѣ подвелъ фундаментъ подъ это предложеніе.

Врачамъ надо передать власть потому, что только они въ состояніи опредѣлить наличность признаковъ прирожденнаго преступника въ данномъ обвиняемомъ.

Только такимъ путемъ, какъ сказалъ здѣсь П. И. Ковалевскій, можетъ быть предотвращена опасность того, что выпущенный на свободу прирожденный преступникъ не покончитъ звѣрскимъ образомъ съ кѣмъ-либо. „Хорошо, если это будетъ семья чужая, а если моя“. Правда, П. И. Ковалевскій признаетъ существованіе не анатомическихъ, а только психическихъ признаковъ прирожденнаго преступника, но въ сущности это только новое изданіе ученія Ломброзо, отвергнутаго въ настоящее время въ своей сущности всѣми серьезными учеными, не юристами только, а антропологами, психіатрами. Идея прирожденнаго преступника была выставлена на конгрессѣ антропологовъ въ 1885 г., въ Римѣ, но уже на конгрессѣ въ Парижѣ въ 1889 г. на нее ополчились самымъ рѣшительнымъ образомъ такіа медицинскія знаменитости, какъ Манувріе, Топинаръ, Бруардель. На Брюссельскій конгрессъ 1892 г., отвергнувшій эту доктрину, итальянцы совсѣмъ не явились, а когда въ 1896 г. на конгрессѣ въ Женевѣ Ломброзо и его друзья попробовали защищать свою доктрину, то имъ пришлось выслушать горячія и рѣзкія возраженія всѣхъ нѣмецкихъ психіатровъ, въ особенности Näcke, автора великолѣпнаго сочиненія *Verbrechen und Wahnsinn beim Weibe* и замѣчательный докладъ доктора Миновичи, румына, который на основаніи нѣсколькихъ тысячъ наблюденій рѣшительно отвергалъ существованіе типа прирожденнаго преступника.

Но можетъ быть методы медицинскаго изслѣдованія въ области психической такъ совершенны, что вполне понятно предложеніе распространить ихъ и на другія области, ему совсѣмъ неподлежащія? Нѣтъ, и этого нѣтъ: сами выдающіеся представители психіатрической науки признаютъ, что пока эти методы слишкомъ далеки отъ совершенства, не выяснена хотя бы съ приблизительною точно-

стью даже локалізація душевнихъ способностей (Цигенъ—Физиологическая психологія 1893 г. Курсъ психіатріи П. И. Ковалевскаго 1888 г.). Поэтому докторъ Чечотъ въ предисловіи къ переводу Маудсли говоритъ, что пройдетъ много времени, пока психіатрическая наука достигнетъ такого совершенства, что будетъ въ состояніи претендовать на порученіе ей дѣла судебнаго. А пока допущеніе примѣненія идеи прирожденнаго преступника въ судебномъ дѣлѣ явится не прогрессомъ, а регрессомъ, лишеніемъ преступника всѣхъ гарантій человѣческой личности. Это будетъ водвореніемъ произвола, основаннаго на фантастической доктринѣ. Теперь преступникъ наказывается только за данное дѣяніе и въ предѣлахъ уголовного кодекса, который для него magna charta libertatum; при примѣненіи доктрины онъ за маловажное дѣяніе, караемое легкимъ взысканіемъ, будетъ лишенъ свободы на всю жизнь, такъ какъ врачи, безъ достаточныхъ научныхъ основаній, признали его прирожденнымъ преступникомъ“.

Д. А. Дриль не находилъ возможнымъ согласиться съ выставленнымъ г. Владиміровымъ положеніемъ о состояніи уменьшенной вмѣняемости. Психологическое изслѣдованіе врядъ ли дастъ основанія для градуированія отвѣтственности. Докладчикъ предлагаетъ измѣненіе всего нашего судебного строя. Изслѣдованіе преступника слѣдуетъ перенести въ тюрьму, гдѣ отбывается наказаніе. Нельзя согласиться съ С. К. Гогелемъ, что человѣкъ отвѣчаетъ лишь за то, что напередъ опредѣлено и по заранѣе установленной мѣркѣ. Надо въ наказаніи сообразоваться съ личными особенностями человека, а слѣдовательно, изслѣдованіе можетъ быть полезно. Вопросъ о прирожденномъ преступникѣ одинъ изъ самыхъ темныхъ въ наукѣ и ихъ существованіе нельзя утверждать столь рѣшительно, какъ это сдѣлалъ П. И. Ковалевскій, а, особенно, не слѣдуетъ смѣшивать понятія біологическаго съ юридическимъ понятіемъ преступника. Въ изслѣдованіи человека нельзя сказать, какъ велика доля наследственности и гдѣ начинается вліяніе среды и благоприятныхъ свойствъ.

И. Я. Фойншкій полагалъ, что противъ расширенія уголовного изслѣдованія спорить нельзя, но П. И. Ковалевскій этимъ не ограничивается. Онъ говоритъ, что судья судитъ преступника, а врачъ преступнаго человека. Въ дѣйствительности судья тоже судитъ человека; уголовно-наказуемое дѣяніе есть лишь условный терминъ уголовного права. Личность является продуктомъ не однихъ антропологическихъ, но и социальныхъ условий, въ сужденіи о коихъ юристы компетентнѣе психіатровъ. Суду нужна не одна только

психіатрическая експертиза, а слѣдовательно, съ точки зрѣнія П. И. Ковалевскаго, придется въ составъ суда ввести очень много спеціалистовъ по различнымъ отраслямъ науки и искусства. Проводя эту идею послѣдовательно, можно дойти до геркулесовыхъ столбовъ. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ очертаніи, идея расширенія изслѣдованія совершенно вѣрна и за нее позвольте выразить докладчикамъ нашу благодарность.

Аплодисменты.

Засѣданіе закрыто въ 2 ч. 15 м. пополудни.

IV. Досрочное условное освобожденіе.

(Вечернее засѣданіе 5 апрѣля).

Засѣданіе открыто въ 8 ч. 15 мин. вечера, подъ предсѣдательствомъ *Н. С. Таганцева*, въ присутствіи 63 членовъ.

Предсѣдатель *Н. С. Таганцевъ* указалъ, что вопросъ о необходимости и желательности введенія у насъ института условнаго досрочнаго освобожденія общимъ образомъ уже разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ на прошлогоднемъ съѣздѣ группы, настоящему же съѣзду принадлежитъ обсужденіе условій и способовъ, которыми обезпечивалось бы въ наилучшей степени польза отъ этого института при принятіи его нашимъ отечествомъ. Какъ извѣстно, институтъ этотъ былъ вычеркнутъ изъ проекта уголовного уложенія въ виду возраженій, представленныхъ противъ него со стороны нашихъ юристовъ-практиковъ. Но особое совѣщаніе Государственнаго Совѣта, на разсмотрѣніи котораго нынѣ находится этотъ проектъ, постановило просить Министра Юстиціи выработать и внести на его обсужденіе предположенія о введеніи этого института въ Россіи. Такъ что постановка теперь этого вопроса на обсужденіе съѣзда весьма своевременна, и было бы желательно, чтобъ съѣздъ далъ Министерству Юстиціи достаточный матерьялъ для выполненія задачи, на министерство возложенной. Въ этихъ видахъ предсѣдатель настоятельно рекомендовалъ съѣзду при обсужденіи поставленнаго вопроса имѣть постоянно въ виду практическую организацію досрочнаго освобожденія примѣнительно къ нашимъ отечественнымъ условіямъ.

Слово было предоставлено докладчику комитета, профессору *А. А. Пюнтковскому*, который представилъ собранію слѣдующій докладъ.

„Мм. Гг. Вопросъ объ условномъ освобожденіи и его надлежащей организаціи—одинъ изъ жгучихъ вопросовъ современной русской уголовной политики.

Условное освобожденіе, т. е. освобожденіе изъ заключенія подъ страхомъ обратнаго возвращенія на случай нарушенія указанныхъ условій, представляетъ изъ себя не что иное, какъ промежуточное звено между заключеніемъ и окончательнымъ прекращеніемъ карательнаго воздѣйствія, не что иное, какъ замѣну матеріальнаго карательнаго воздѣйствія воздѣйствіемъ психическимъ; оно влечетъ за собою сокращеніе продолжительности пребыванія въ заключеніи и ставитъ возможность этого сокращенія въ зависимость отъ личныхъ усилій заключеннаго, отъ доброкачественности его поведенія.

Въ виду такого своего характера, условное освобожденіе является могучимъ средствомъ исправленія преступниковъ и приспособленія ихъ къ условіямъ общежитія. Перспективой скорѣйшаго полученія свободы оно возбуждаетъ самодѣятельность заключенныхъ и направляетъ ее на дѣло ихъ самоисправленія, а угрозою обратнаго возвращенія въ мѣста заключенія оно сдерживаетъ освобожденныхъ отъ вступленія на скользкій путь порока и преступленій, приучаетъ ихъ постоянно сообразовывать свою дѣятельность съ требованіями закона, вырабатываетъ и укрѣпляетъ въ нихъ привычку къ честному и трудовому образу жизни и такимъ образомъ содѣйствуетъ окончательному приспособленію ихъ къ условіямъ общежитія. Допуская сокращеніе продолжительности заключенія и связанную съ этимъ сокращеніемъ замѣну матеріальнаго карательнаго воздѣйствія воздѣйствіемъ психическимъ, оно вноситъ въ карательный механизмъ идею неопредѣленности продолжительности заключенія, создаетъ возможность индивидуализаціи карательнаго воздѣйствія, гуманизируетъ это воздѣйствіе и такимъ образомъ придаетъ дѣлу уголовной репрессіи болѣе осмысленный и цѣлесообразный характеръ.

Вполнѣ основательно поэтому современная уголовно-политическая доктрина считаетъ развитіе института условнаго освобожденія одной изъ свѣтлыхъ сторонъ уголовно-правовой эволюціи и признаетъ включеніе этого института въ карательный механизмъ въ высшей степени необходимымъ для успѣшнаго хода дѣла непосредственной борьбы съ преступнымъ людомъ.

И этотъ институтъ, приводящій всюду, гдѣ онъ примѣняется, къ высшей степени плодотворнымъ результатамъ, пользующійся законодательной санкціей почти во всемъ цивилизованномъ мірѣ, начиная отъ Америки и кончая Японіей, извѣстный одной изъ

нашихъ окраинъ—Финляндіи, до сихъ поръ еще не пользуется въ надлежащей степени правомъ гражданства въ нашемъ отечествѣ!

Этотъ пробѣлъ въ нашей карательной системѣ, особенно ощутительный теперь, когда съ послѣдовавшей почти окончательной отмѣной ссылки тюремное заключеніе начинаетъ играть у насъ доминирующую роль, къ сожалѣнію, не восполненъ и составителями проекта нашего будущаго уголовного уложенія.

Неудивительно поэтому, что наша русская группа международнаго союза криминалистовъ, чутко прислушивающаяся къ потребностямъ современной дѣйствительности, обратила вниманіе на институтъ условнаго освобожденія и его злосчастную судьбу въ нашемъ отечествѣ.

На послѣднемъ своемъ съѣздѣ она подвергла изученію вопросъ о возможности и необходимости включенія условнаго освобожденія въ нашу карательную систему, и ей удалось разсѣять тѣ кажушіяся препятствія, которыя ставились на пути этого включенія.

Чтобы окончательно расчистить путь къ этому включенію и по возможности ускорить его, осталось сдѣлать еще одинъ шагъ—выработать и установить начала, могущія быть положенными въ основу регуляціи условнаго освобожденія.

Этотъ шагъ предстоитъ сдѣлать нашему съѣзду.

Въ нашемъ распоряженіи имѣется богатый законодательный матеріаль, имѣются и проекты регуляціи условнаго освобожденія примѣнительно къ условіямъ нашей русской жизни. Два члена нашей группы, г.г. Витте и Жижиленко, составили доклады, напечатанные въ трудахъ нашего союза, посвященные установленію основныхъ началъ этой регуляціи. На предшествующемъ нашемъ съѣздѣ были затронуты и разработаны нѣкоторые вопросы, касающіеся этой регуляціи.

Наша задача—разобраться среди этого матеріала и установить соотвѣтствующія для регуляціи условнаго освобожденія начала.

Какія же это начала?

Обращаясь къ сильному отвѣту на этотъ вопросъ, мы будемъ имѣть въ виду не наше дѣйствующее уголовное законодательство, доживающее свои послѣдніе дни, а проектъ нашего будущаго уголовного уложенія, и попытаемся намѣтить основы такой регуляціи, которая соотвѣтствовала бы характеру проекта, особенностямъ его карательной системы.

Всякая регуляція условнаго освобожденія слагается изъ слѣдующихъ моментовъ: I) установленія области примѣненія условнаго

освобожденія, II) опредѣленія условій этого примѣненія, III) регуляціи процесса этого примѣненія, IV) организаціи испытательнаго періода и V) опредѣленія послѣдствій этого примѣненія.

I. Область примѣненія условнаго освобожденія. Условное освобожденіе представляется по своему характеру не чѣмъ инымъ, какъ одной изъ пригодныхъ для исправленія преступниковъ мѣръ. Примѣненіе его въ виду этого является умѣстнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ борьбѣ съ преступнымъ людомъ должны быть преслѣдуемы исправительныя цѣли; преслѣдованіе же этихъ цѣлей необходимо въ борьбѣ съ юными преступниками и худшимъ слоемъ преступнаго населенія—такъ называемыми постоянными преступниками; въ виду этого въ системѣ мѣръ, предназначенныхъ для борьбы съ этими двумя категоріями преступнаго люда, условное освобожденіе должно фигурировать въ качествѣ необходимаго и составнаго элемента.

Ординарной мѣрой въ борьбѣ съ юными преступниками представляются исправительно-воспитательныя учрежденія, а въ борьбѣ съ постоянными—долгосрочное заключеніе; условное освобожденіе поэтому должно быть сочетаемо съ этими мѣрами.

Возможность и необходимость примѣненія условнаго освобожденія въ этой области въ настоящее время никѣмъ не оспаривается; напротивъ, въ большинствѣ странъ, подарившихъ условному освобожденію законодательную санкцію, оно допускается только въ этой области. Спорнымъ представляется лишь вопросъ, слѣдуетъ ли ограничить возможность примѣненія условнаго освобожденія одной этой областью, или, быть можетъ, лучше создать для этого примѣненія болѣе широкое поле.

Въ нѣкоторыхъ странахъ, правда немногихъ, возможность примѣненія условнаго освобожденія допускается и при краткосрочномъ лишеніи свободы, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ обыкновенно идетъ дѣло о борьбѣ съ мгновенными, случайными преступниками; эта возможность защищается и нѣкоторыми изъ нашихъ криминалистовъ.

Съ этимъ однако расширеніемъ области примѣненія условнаго освобожденія врядъ ли можно согласиться.

Краткосрочное заключеніе—неблагопріятная обстановка для примѣненія условнаго освобожденія. Задача этого заключенія—устрашеніе, а не исправленіе осужденныхъ. Присущая ему краткосрочность препятствуетъ осуществленію исправительныхъ задачъ и устра-

няеть возможность констатировать пригодность заключеннаго къ самостоятельной, внѣ тюремной жизни.

Правда, могутъ сказать, что среди присужденныхъ къ краткосрочному заключенію встрѣчаются лица, нуждающіяся въ мѣрахъ исправительнаго воздѣйствія, и что въ виду этого нѣтъ основаній устранять возможности примѣненія условнаго освобожденія при этомъ заключеніи; но это соображеніе врядъ ли можетъ быть признано убѣдительнымъ: краткосрочное заключеніе отъ присоединенія къ нему условнаго освобожденія не можетъ быть преобразовано въ мѣру исправительную; то же обстоятельство, что среди краткосрочныхъ есть лица, нуждающіяся въ мѣрахъ исправительнаго воздѣйствія, представляется результатомъ недостаточнаго пользованія классификаціей преступниковъ при организаціи мѣръ борьбы съ ними, и условное освобожденіе не въ состояніи парализовать дурныхъ послѣдствій этого явленія.

Могутъ, далѣе, указать, что среди краткосрочныхъ есть лица, которыхъ подвергать заключенію совершенно излишне, и для борьбы съ которыми психическое воздѣйствіе, связанное съ отпущеніемъ на испытаніе, является вполне подходящей мѣрой, — мѣрой, заслуживающей предпочтенія сравнительно съ воздѣйствіемъ матеріальнымъ, тюремнымъ.

Что среди краткосрочныхъ есть такого рода лица, не подлежитъ никакому сомнѣнію; это — тѣ лица, которыхъ, собственно говоря, не слѣдовало бы вовсе подвергать заключенію; это — тѣ лица, примѣненіе къ которымъ условнаго осужденія является крайне необходимымъ и желательнымъ; примѣнять къ этимъ лицамъ условное освобожденіе значитъ ограничиваться полумѣрами тамъ, гдѣ нужны болѣе радикальныя средства.

Проектировать примѣненіе условнаго освобожденія при краткосрочномъ заключеніи можно лишь въ томъ случаѣ, если надежда на надлежащее примѣненіе условнаго осужденія окончательно теряется, такъ какъ съ примѣненіемъ условнаго освобожденія осужденный, хотя частично, освобождается отъ излишняго для него тюремнаго воздѣйствія и подчиняется соотвѣтствующему психическому воздѣйствію; но эта надежда, смѣемъ думать, для насъ еще не потеряна.

Наконецъ, могутъ сказать, что лишать лучшей слой преступнаго населенія — случайныхъ преступниковъ — такой льготы, какъ условное освобожденіе, предоставляя эту льготу худшему слою, несправедливо, такъ какъ этимъ создается для болѣе тяжкихъ пре-

ступниковъ привилегированное положеніе сравнительно съ менѣе тяжкими.

Если бы даже и допустить необходимость равномерности въ распредѣленіи льготъ среди преступниковъ, то нельзя не замѣтить, что долгосрочное заключеніе, смягченное условнымъ освобожденіемъ, сравнительно съ краткосрочнымъ заключеніемъ ничего привилегированнаго въ себѣ не заключаетъ.

Допуская, такимъ образомъ, возможность и необходимость примѣненія условнаго освобожденія лишь при долгосрочномъ заключеніи, не слѣдуетъ ли однако установить какихъ-либо специальныхъ ограниченій, касающихся этого примѣненія?

Изъ ограниченій, устанавливаемыхъ въ этомъ отношеніи законодательствами, знающими условное освобожденіе, заслуживаетъ вниманія и подражанія лишь ограниченіе, касающееся устраненія условнаго освобожденія при присужденіи къ *custodia honesta*, т. е. примѣнительно къ проекту нашего будущаго уголовного уложенія, къ заточенію. *Custodia honesta* исправительныхъ цѣлей не преслѣдуетъ, вслѣдствіе чего связывать съ нимъ условное освобожденіе надобности не встрѣчается. Конечно, среди лицъ, присуждаемыхъ къ *custodia honesta*, можетъ встрѣтиться не мало достойныхъ освобожденія, но это обстоятельство не можетъ служить основаніемъ для примѣненія условнаго освобожденія, а основаніемъ для примѣненія безусловнаго досрочнаго освобожденія.

Устанавливать другія какія-либо ограниченія врядъ-ли желательно. Устранять возможность примѣненія условнаго освобожденія при каторгѣ ¹⁾ основаній не представляется не только потому, что какихъ-либо практическихъ затрудненій для этого примѣненія не существуетъ, но и потому, что отказаться отъ преслѣдованія исправительныхъ цѣлей при присужденіи къ каторгѣ невозможно и не должно, даже если бы это присужденіе носило и пожизненный характеръ; предпочитать же въ этомъ случаѣ безусловное досрочное освобожденіе условному неправильно уже и потому, что условное освобожденіе болѣе гарантируетъ интересы общежитія, чѣмъ безусловное, необходимость же установленія этихъ гарантій при предоставленіи свободы каторжнымъ, конечно, не можетъ подлежать сомнѣнію.

¹⁾ Я не касаюсь допустимости условнаго освобожденія при ссылке, такъ какъ условное освобожденіе есть не что иное, какъ освобожденіе изъ заключенія, вслѣдствіе чего о примѣненіи его при ссылкѣ и рѣчи быть не можетъ.

Лишение свободы, при которомъ возможно допустить примѣненіе условнаго освобожденія, должно быть настолько продолжительно, чтобы оказываемое имъ исправительное воздѣйствіе могло привести къ желаннымъ результатамъ.

Точно опредѣлить *minimum* этого лишения свободы невозможно; судя по даннымъ опыта, можно однако желать, чтобы минимальная продолжительность этого лишения свободы была выше одного года.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, казалось бы желательнымъ допустить, примѣнительно къ проекту нашего будущаго уголовного уложенія, возможность примѣненія условнаго освобожденія при каторгѣ, исправительномъ домѣ и тюремномъ заключеніи выше одного года, а равно и при помѣщеніи въ исправительно-воспитательное учрежденіе.

II. *Условія примѣненія условнаго освобожденія.* Въ установленной выше области возможность примѣненія условнаго освобожденія ставится и должна быть поставлена въ зависимость отъ извѣстныхъ условій, могущихъ гарантировать успѣхъ этого примѣненія.

Какія же это условія?

Первымъ изъ этихъ условій признается предварительное отбытіе осужденнымъ опредѣленной части заключенія; и это вполне основательно, такъ какъ прежде, чѣмъ предоставить свободу, необходимо подготовить къ этой свободѣ и убѣдиться въ способности пользоваться ею.

Обыкновенно требуютъ отбытія опредѣленной части назначеннаго заключенія; такъ, г.г. Витте и Жижиленко считаютъ необходимымъ предварительное отбытіе, по крайней мѣрѣ, $\frac{2}{3}$ этого заключенія.

Противъ требованія предварительнаго отбытія $\frac{2}{3}$ назначеннаго заключенія врядъ ли можно что-либо возразить, если рѣчь идетъ о присужденныхъ къ каторгѣ или о закоренѣлыхъ рецидивистахъ; во всѣхъ же прочихъ случаяхъ, казалось бы, въ интересахъ устраненія излишняго и ненужнаго пребыванія въ карательномъ учрежденіи, лучше ограничиться требованіемъ отбытія не $\frac{2}{3}$, а лишь $\frac{1}{3}$ назначеннаго заключенія.

Если нежелательно излишнее, не нужное пребываніе въ заключеніи, то нежелательно и преждевременное освобожденіе. Категорически устранить возможность этого преждевременнаго освобожденія можно, установивъ обязательный *minimum* продолжительности предстоящаго освобожденію заключенія.

Г. Жижиленко опредѣляетъ этотъ *minimum* въ шесть мѣсяцевъ.

Шестимѣсячный срокъ кажется намъ краткимъ; мы предпочитаемъ годичный, такъ какъ отъ менѣе продолжительнаго заключенія трудно ожидать какихъ-либо осязательныхъ результатовъ въ смыслѣ исправленія заключенныхъ.

Такой способъ опредѣленія предшествующаго освобожденію заключенія умѣстенъ, конечно, только при присужденіи къ срочному заключенію; при присужденіи же къ пожизненному заключенію продолжительность предшествующаго освобожденію заключенія должна быть точно установлена и, по соображеніямъ общественной безопасности, минимумъ ея долженъ быть сравнительно высокъ; казалось бы желательнымъ опредѣлить этотъ минимумъ, по крайней мѣрѣ, въ 10 лѣтъ.

Что же касается опредѣленія продолжительности заключенія при освобожденіи изъ исправительно-воспитательныхъ учрежденій, то устанавливать ее предварительно, въ законѣ, врядъ ли необходимо, а лучше предоставить это опредѣленіе, какъ это обыкновенно и дѣлается, администраціи исправительно-воспитательныхъ учрежденій.

Вторымъ условіемъ для примѣненія условнаго освобожденія представляется характеръ поведенія заключеннаго. Примѣненіе условнаго освобожденія можетъ быть допущено лишь по отношенію къ тѣмъ изъ заключенныхъ, отъ которыхъ съ увѣренностью можно ожидать, что они не будутъ злоупотреблять предоставленной имъ свободой, не вступятъ снова въ коллизію съ закономъ; хорошее поведеніе заключенныхъ поэтому всюду является и всѣми признается однимъ изъ необходимыхъ условій для этого примѣненія.

Въ тѣсной связи съ этимъ условіемъ стоитъ третье—добровольное возмѣщеніе осужденнымъ, по мѣрѣ возможности, причиненной его преступной дѣятельностью вреда.

Добровольное возмѣщеніе вреда—доказательство твердой рѣшимости свести счеты съ преступнымъ прошлымъ и начать честный образъ жизни; оно въ значительной степени можетъ служить ручательствомъ, что освобожденный не злоупотребитъ предоставленной ему свободой.

Включеніе добровольнаго возмѣщенія вреда въ число условій примѣненія условнаго освобожденія препятствій не представляетъ. Нашъ законъ не воспрещаетъ заключенному по своему усмотрѣнію распоряжаться не только своимъ тюремнымъ заработкомъ, но даже, въ большинствѣ случаевъ, и оставшимся за стѣною тюрьмы имуществомъ. 368 ст. уст. о сод. под. стр. какихъ-либо въ этомъ от-

ношеніи препятствій не создаетъ; ею не допускается лишь *принудительное* возмѣщеніе изъ арестантскихъ заработковъ причиненнаго преступной дѣятельности вреда, и то съ извѣстными ограниченіями (1664 ст. улож. наказ.).

Четвертымъ условіемъ примѣненія условнаго освобожденія представляется согласіе осужденнаго.

Это условіе необходимо не потому, конечно, что условное освобожденіе представляетъ изъ себя одну изъ льготъ, отъ которой можно отказаться, а потому, что успѣшное его примѣненіе возможно лишь въ томъ случаѣ, если это примѣненіе находитъ поддержку со стороны осужденнаго; безъ этой поддержки невозможно предотвратить такихъ дѣйствій, которыя могли бы повлечь за собою обратное возвращеніе въ мѣста заключенія.

Пятымъ и послѣднимъ условіемъ для примѣненія условнаго освобожденія признается возможность для освобождаемаго устроиться по освобожденіи; и это вполне основательно, такъ какъ условно освободить человѣка, не способнаго къ труду, или хотя и способнаго, но не имѣющаго возможности найти подходящихъ занятій и не обладающаго собственными средствами, значитъ толкать его на путь порока и преступленій; такое освобожденіе—и не гуманно, и не цѣлесообразно.

Конечно, съ принятіемъ этого условія, быть можетъ иногда и придется оставлять въ мѣстахъ заключенія лицъ, вполне заслуживающихъ освобожденія, но что же дѣлать, если иного исхода нѣтъ? Для устраненія этого печальнаго результата существуетъ только одинъ путь; это—содѣйствіе скорѣйшему развитію и распространенію тюремнаго патроната.

По этимъ соображеніямъ, возможность примѣненія условнаго освобожденія слѣдуетъ поставить въ зависимость отъ отбытія предварительно, по опредѣленной части заключенія, хорошаго поведенія заключеннаго и возмѣщенія имъ, по мѣрѣ возможности, причиненнаго его преступной дѣятельностью вреда, согласія его на это примѣненіе и возможности для него устроиться по освобожденіи.

III. Процессъ примѣненія условнаго освобожденія.

Входитъ подробно въ разсмотрѣніе вопроса о процессѣ примѣненія условнаго освобожденія врядъ ли встрѣчается необходимость, такъ какъ этотъ вопросъ уже достаточно былъ разработанъ и освѣщенъ на прошломъ нашемъ съѣздѣ. На прошломъ съѣздѣ было признано желательнымъ и необходимымъ предоставить право примѣненія условнаго освобожденія судебнымъ органамъ. Нѣтъ осно-

ваній видоизмѣнять этого постановленія. Нужно только его дополнить и развить.

Если примѣненіе условнаго освобожденія должно принадлежать суду, то какому? По соображеніямъ практическаго свойства право этого примѣненія слѣдовало бы предоставить суду, ближайшему къ мѣсту заключенія и равному, по своей компетенціи, съ судомъ, постановившимъ обвинительный приговоръ. Проектировать предоставленіе этого права, какъ это дѣлаетъ г. Жижиленко, исключительно окружному суду, независимо отъ того, какимъ судомъ постановленъ обвинительный приговоръ, врядъ ли желательно даже и по соображеніямъ практическаго свойства, такъ какъ окружный судъ не всегда можетъ быть судомъ ближайшимъ къ мѣсту заключенія. Какое основаніе лишать, напр., уѣзднаго члена окружнаго суда, живущаго въ томъ городѣ, гдѣ помѣщается карательное учрежденіе, права примѣненія условнаго освобожденія къ арестанту, отбывающему по его приговору наказаніе, и предоставлять это право окружному суду, находящемуся въ другомъ городѣ?

Предоставляя право примѣненія условнаго освобожденія суду, необходимо создать условія, обезпечивающія надлежащее пользованіе этимъ правомъ.

Съ этой цѣлью нужно, прежде всего, позаботиться, чтобы ни одинъ заслуживающій примѣненія условнаго освобожденія случай не могъ ускользнуть отъ вниманія суда, а для этого необходимо предоставить право возбужденія ходатайствъ о примѣненіи условнаго освобожденія не только представителямъ прокурорскаго надзора и тюремной администраціи, но и самимъ заключеннымъ. Крайне существенно, далѣе, создать условія, предоставляющія суду возможность собранія и изученія всѣхъ данныхъ, имѣющихъ значеніе для разрѣшенія вопроса о примѣненіи условнаго освобожденія, а для этого слѣдуетъ предоставить суду право провѣрки на мѣстѣ и восполненія тѣхъ фактическихъ данныхъ, на которыхъ обосновывается ходатайство о примѣненіи условнаго освобожденія, слѣдуетъ разрѣшить ему приглашать, въ случаѣ надобности, въ засѣданія, для представленія объясненій заключенныхъ, о примѣненіи къ которымъ условнаго освобожденія идетъ рѣчь, и лицъ, готовыхъ принять на себя заботу объ устройствѣ ихъ судьбы; наконецъ, въ интересахъ всесторонняго освѣщенія вопроса о примѣненіи условнаго освобожденія, необходимо приглашать въ засѣданія суда для представленія соотвѣтствующихъ заключеній представителей тюремной администраціи и прокурорскаго надзора.

Предоставляя суду право примѣненія условнаго освобожденія, слѣдуетъ допустить, на случай отказа въ этомъ примѣненіи, возможность по истеченіи опредѣленнаго промежутка времени (напр., 6 мѣсяцевъ) новаго разсмотрѣнія вопроса объ этомъ примѣненіи, такъ какъ лишать заключеннаго окончательно надежды на это примѣненіе нецѣлесообразно, да и съ теченіемъ времени могутъ исчезнуть обстоятельства, препятствующія этому примѣненію.

Обрисованный процессъ примѣненія условнаго освобожденія умѣстенъ только по отношенію къ лицамъ, содержащимся въ карательныхъ учрежденіяхъ, а не къ содержащимся въ исправительно-воспитательныхъ заведеніяхъ; примѣнительно къ этимъ послѣднимъ нѣтъ основаній измѣнять существующее; слѣдуетъ оставить право примѣненія условнаго освобожденія за администраціей исправительно-воспитательныхъ учреждений, не стѣсняя ее установленіемъ тѣхъ или иныхъ связанныхъ съ этимъ примѣненіемъ условий и формальностей.

IV. *Организація испытательнаго періода.*

Испытательный періодъ устанавливается для того, чтобы приучить освобожденнаго разумно пользоваться свободой; онъ не можетъ быть кратокъ, и продолжительность его всегда и во всѣхъ случаяхъ не можетъ быть одинакова. Продолжительность этого періода для лицъ, присужденныхъ къ пожизненной каторгѣ, слѣдовало бы опредѣлить, по крайней мѣрѣ, въ 10 лѣтъ, чтобы такимъ образомъ сохранить, по возможности, надолго право обратнаго возвращенія этихъ лицъ въ карательное учрежденіе.

Что же касается продолжительности этого періода для присужденныхъ къ срочному заключенію, то врядъ ли необходимо устанавливать для этой продолжительности какіе-либо спеціальные сроки, проще продлить ее, какъ это обыкновенно дѣлается, до истеченія причитающагося отпущенному на испытаніе заключенія.

При этомъ, однако, чтобы избѣжать нежелательныхъ и вредныхъ для дѣла крайностей—возможной краткости испытательнаго періода и излишней его продолжительности, слѣдовало бы установить обязательный для продолжительности этого періода *minimum*, опредѣливъ послѣдній въ 2—3 года, и допустить возможность сокращенія этого періода по истеченіи обязательнаго *minimum*'а, предоставивъ съ этой цѣлью право условно-освобожденнымъ обращаться съ соответствующимъ ходатайствомъ къ суду, по постановленію котораго они отпущены на испытаніе.

Такой порядокъ опредѣленія продолжительности испытательнаго періода умѣстенъ только примѣнительно къ лицамъ, содержащимся въ карательныхъ учрежденіяхъ; по отношенію же къ питомцамъ исправительно-воспитательныхъ учрежденій измѣнять существующее основаній не представляется.

Въ испытательный періодъ условно-освобожденныхъ подчиняютъ, такъ сказать, опредѣленному режиму; на нихъ возлагаютъ обязанность соблюденія извѣстныхъ условій; для нихъ создаютъ особое положеніе.

Какое должно быть это положеніе?

При разсмотрѣніи этого вопроса необходимо различать, идетъ ли рѣчь о взрослыхъ преступникахъ, или о юныхъ, такъ какъ создавать для тѣхъ и другихъ одно и то же положеніе врядъ ли цѣлесообразно.

Что касается взрослыхъ преступниковъ, то одни защищаютъ необходимость подчиненія ихъ спеціальному полицейскому надзору, другіе отрицаютъ эту необходимость и признаютъ лишь желательнымъ установленіе для условно-освобожденныхъ обязательнаго мѣста жительства съ цѣлью облегченія того общаго за ними надзора, которому подчиняются всѣ граждане вообще.

Это послѣднее воззрѣніе представляется намъ наиболѣе правильнымъ. Подчиненіе условно-освобожденныхъ спеціальному полицейскому надзору и связанное съ этимъ подчиненіемъ активное вмѣшательство полицейскихъ органовъ въ жизнь поднадзорныхъ сопровождается обыкновенно не только цѣлой серіей злоупотребленій, но и представляется серьезнымъ препятствіемъ въ приспособленіи поднадзорныхъ къ условіямъ общежитія; это подчиненіе поэтому нежелательно, да и допущеніе его дисгармонировало бы съ той карательной системой, которая намѣчается проектомъ нашего будущаго уголовного уложенія.

Иное дѣло, если рѣчь идетъ о юныхъ преступникахъ. Необходимость подчиненія ихъ спеціальному надзору и, главнымъ образомъ, руководству обуславливается ихъ еще не вполне сложившейся психической организаціей. Какихъ-либо вредныхъ послѣдствій отъ такого подчиненія произойти не можетъ.

Допуская возможность и необходимость подчиненія этихъ преступниковъ спеціальному надзору, слѣдуетъ однако передать этотъ надзоръ не полицейскимъ органамъ, для этой цѣли не пригоднымъ, а частнымъ, заслуживающимъ довѣрія лицамъ или членамъ общества тюремнаго патроната.

V. *Послѣдствія примѣненія условнаго освобожденія.* Отъ отпущенныхъ на испытаніе требуютъ, обыкновенно, соблюденія опредѣленныхъ условій и съ соблюденіемъ или несоблюденіемъ этихъ условій связываютъ то признаніе испытанія удачнымъ и окончательное прекращеніе карательнаго воздѣйствія, то признаніе испытанія неудачнымъ и возвращеніе условно-освобожденныхъ обратно для отбытія неотбытой еще части заключенія.

Условія эти не могутъ быть всегда одинаковы. Одни требованія можно предъявлять къ взрослымъ преступникамъ, другія—къ юнымъ.

Условія, могущія повлечь за собою ревокацію взрослыхъ преступниковъ, должны быть точно установлены, чтобы устранить возможный произволъ и дать отпущеннымъ на испытаніе руководящія для ихъ дѣятельности начала.

Отъ взрослыхъ преступниковъ слѣдуетъ требовать такого поведения, которое не становилось бы въ коллизію съ существующимъ закономъ, вслѣдствіе чего совершеніе ими въ періодъ испытанія какого бы то ни было преступнаго дѣянія должно признать обстоятельствомъ, могущимъ повлечь за собою ихъ ревокацію.

Равнымъ образомъ такимъ обстоятельствомъ слѣдуетъ признать и самовольное оставленіе условно-освобожденными назначеннаго для нихъ мѣста жительства, такъ какъ въ противномъ случаѣ ограниченіе мѣста жительства стало бы пустымъ, не имѣющимъ никакого значенія звукомъ.

Ограничиться этими требованіями однако врядъ ли основательно. Нельзя не признать желательнымъ подчиненіе условно-освобожденныхъ такимъ условіямъ, которыя могли бы направить ихъ помыслы и дѣятельность на устраненіе послѣдствій учиненнаго ими преступнаго дѣянія и, показывая имъ невыгодныя стороны ихъ преступнаго прошлаго, усилить и укрѣпить ихъ намѣренія вести честную и трудовую жизнь, а этого можно достигнуть признаніемъ для условно-освобожденныхъ обязательнымъ возмѣстить, по мѣрѣ возможности, причиненный ихъ дѣятельностью вредъ, вслѣдствіе чего слѣдовало бы связать возможность ревокаціи и съ злонамѣреннымъ уклоненіемъ отъ возмѣщенія этого вреда.

Предъявлять какія-либо другія требованія къ взрослымъ преступникамъ врядъ ли возможно.

Что же касается юныхъ преступниковъ, то врядъ ли необходимо точно опредѣлять условія, могущія повлечь за собою ихъ ревокацію. Проектируя подчиненіе ихъ спеціальному надзору и руководству, лучше не ограничивать возможность ихъ ревокаціи какими-

либо опредѣленными условіями, а связать эту возможность съ ихъ дурнымъ поведеніемъ вообще, предоставивъ разрѣшеніе вопроса о характерѣ этого поведенія всецѣло усмотрѣнію органовъ, которымъ предоставляется право отпущенія ихъ на испытаніе.

Сводя во едино все эти обрисованныя основныя начала, которыя слѣдовало бы положить въ основу регуляціи условнаго освобожденія примѣнительно къ проекту нашего будущаго уголовного уложенія, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

I. *Примѣненіе условнаго освобожденія слѣдуетъ допустить при присужденіи къ каторгѣ, исправительному дому и тюрьмѣ свыше одного года, а равно и при помѣщеніи въ исправительно-воспитательное учрежденіе.*

II. *Возможность примѣненія условнаго освобожденія надлежитъ поставить въ зависимость отъ слѣдующихъ условій: а) отбытія при присужденіи къ пожизненной каторгѣ, по крайней мѣрѣ, предварительно десятилѣтняго заключенія, при присужденіи къ срочной каторгѣ, а равно и въ случаяхъ присужденія къ прочимъ наказаніямъ закоренныхъ рецидивистовъ— $\frac{2}{3}$ заключенія, во всехъ же прочихъ случаяхъ— $\frac{1}{3}$ этого заключенія, съ тѣмъ однако, чтобы отбытая часть заключенія была, во всякомъ случаѣ, не меньше одного года; б) согласія осужденнаго; в) хорошаго поведенія во время заключенія; г) возмѣщенія осужденнымъ, по мѣрѣ возможности, причиненнаго ею преступной дѣятельностью вреда; е) возможности для заключеннаго устроиться по освобожденіи.*

III. *Періодъ испытательный (условной свободы) слѣдуетъ продлить при присужденіи къ срочному заключенію до истеченія срока причитающагося по приговору заключенія, установивъ при этомъ обязательный для этого періода минимумъ въ 2—3 года, и допустивъ возможность, по истеченіи этого минимума, сокращенія продолжительности этого періода; періодъ же условной свободы при присужденіи къ пожизненному заключенію слѣдуетъ опредѣлить въ 10 лѣтъ.*

IV. *Въ испытательный періодъ (условной свободы) взрослые преступники должны пребывать въ указанныхъ для нихъ судомъ мѣстахъ жительства, а юные должны быть подчинены спеціальному надзору и руководству.*

V. *Возможность избраннаго возвращенія въ мѣста заключенія для отбытія неотбытой еще части заключенія слѣдуетъ связать, примѣнительно къ взрослому преступному лоду, съ совершеніемъ въ періодъ испытанія новаго преступнаго дѣянія, самовольнымъ оста-*

вліенієм назначеннаго мѣста жительства и злонамѣреннымъ уклоненіемъ отъ возмущенія причиненнаго вреда, примѣнительно же къ юному преступному люду—съ дурнымъ поведеніемъ вообще.

VI. Право примѣненія условнаго освобожденія, право возвращенія условно-освобожденныхъ въ мѣста заключенія и право сокращенія продолжительности испытательнаго періода слѣдуетъ предоста-
вить судебнымъ органамъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда дѣло касается тѣхъ исправительно-воспитательныхъ учреждений; въ этихъ послѣднихъ случаяхъ это право должно быть сохранено за администраціей этихъ учреждений.

Предлагая вниманію съѣзда эти положенія, мы глубоко убѣждены, что, подвергнувъ ихъ критической оцѣнкѣ и, быть можетъ, дополнивъ и видоизмѣнивъ, съѣзду удастся выработать подлежащіе устои и окончательно расчистить путь къ включенію въ нашу карательную систему условнаго освобожденія—института, представляющаго изъ себя безспорно одно изъ драгоцѣнныхъ наслѣдій уголовно-правовой эволюціи истекшаго столѣтія“.

Предсѣдатель *Н. С. Таганцевъ*, имѣя въ виду, что условное досрочное освобожденіе для малолѣтнихъ уже введено закономъ и существующій въ этомъ отношеніи порядокъ не нуждается въ исправленіяхъ, предложилъ съѣзду ограничиться обсужденіемъ вопроса о примѣненіи досрочнаго условнаго освобожденія къ взрослымъ.

Предложеніе это единогласно принято собраніемъ.

Затѣмъ предсѣдатель *Н. С. Таганцевъ* предложилъ вести пренія послѣдовательно по слѣдующимъ вопросамъ: 1) къ кому примѣнять условное досрочное освобожденіе; 2) что для его примѣненія нужно; 3) органы примѣненія; 4) что требуется отъ освобожденнаго, чтобы онъ оставался на свободѣ; 5) къ кому постановляется о возвращеніи освобожденнаго въ мѣсто заключенія.

По первому вопросу въ преніяхъ приняли участіе: *А. А. Жижиленко*, *Г. С. Фельдштейнъ*, *Д. А. Дриль*, *С. И. Викторскій*, *В. А. де-Плансонъ*, *Н. В. Баснинъ*, *В. В. Пржевальскій*, *С. П. Мокринскій*.

А. А. Жижиленко, вполне соглашаясь съ основной мыслью уважаемаго докладчика *А. А. Пюнтковскаго* о крайней желательности и необходимости введенія въ наше законодательство института досрочнаго условнаго освобожденія, тѣмъ не менѣе не считалъ возможнымъ раздѣлить многіе изъ высказанныхъ имъ взглядовъ относительно условій ближайшей организаціи условнаго освобожденія и прежде всего по вопросу о томъ, къ какимъ лицамъ примѣнимъ этотъ институтъ.

„Въ этомъ отношеніи объемъ примѣненія условнаго освобожденія съ одной стороны долженъ быть суженъ, съ другой—расширенъ по сравненіи съ тѣмъ, что предложено уважаемымъ докладчикомъ.

Такъ, мнѣ кажется, что условное освобожденіе непримѣнимо по отношенію къ лицамъ, отбывающимъ каторжныя работы. Каторга въ нашемъ законодательствѣ есть наказаніе сложное благодаря тому обстоятельству, что послѣ окончанія каторжныхъ работъ виновный отбываетъ еще поселеніе, которое представляется въ то же время самостоятельнымъ наказаніемъ; отбывшій каторжныя работы не становится сейчасъ же свободнымъ; такимъ образомъ, примѣненіе условнаго освобожденія по отношенію къ отбывающимъ каторжныя работы составляло бы переводъ ихъ въ новый разрядъ, который имѣетъ свой особый режимъ и въ отношеніи котораго тѣ ограниченія, которыя устанавливаются при условномъ освобожденіи, особеннаго значенія имѣть не могутъ.

Но за то нѣтъ основаній ограничивать возможность примѣненія условнаго освобожденія въ отношеніи лицъ, отбывающихъ наказаніе въ крѣпостяхъ и приговоренныхъ къ тюремному заключенію на срокъ менѣе 1 года. Не надо забывать того, что условное освобожденіе есть льгота по отношенію къ заключеннымъ, но этой льготы не могутъ быть лишены тѣ, которые приговорены къ болѣе легкому виду лишенія свободы.

Въ видѣ общаго правила крѣпость, какъ извѣстно, назначается за преступныя дѣянія, чуждыя позорныхъ мотивовъ, но, конечно, это не исключаетъ возможности отбытія этого наказанія лицамъ и порочной психической организаціи, такъ что общія основанія для примѣненія условнаго освобожденія здѣсь могутъ быть въ наличности, держать въ крѣпости же тѣхъ, кого долѣе оставлять въ заключеніи не представляется нужнымъ, не можетъ быть признано цѣлесообразнымъ.

Что же касается краткосрочнаго заключенія, то и въ отношеніи лицъ, отбывающихъ его, могутъ быть замѣчены слѣды совершившагося въ нихъ исправленія, хотя, конечно, при очень непродолжительномъ заключеніи сдѣлать этотъ выводъ подчасъ невозможно; такъ, можно было бы установить для этого минимальный срокъ, напр. въ 6 мѣсяцевъ. Нужно имѣть въ виду, что разъ условное осужденіе у насъ не введено, должны быть особенныя основанія для расширенія области примѣненія условнаго освобожденія, такъ какъ такимъ путемъ могутъ быть изъяты отъ вреднаго вліянія тюрьмы тѣ

лица, которыя, собственно говоря, не должны бы были вовсе въ нее попадать.

Соединяя вмѣстѣ все сказанное, я предложилъ бы почтенному собранію выставить примѣнительно къ проекту уголовного уложенія такое положеніе: приговоренные къ наказанію лишеніемъ свободы въ исправительномъ домѣ, крѣпости и тюрьмѣ на срокъ свыше 6 мѣсяцевъ могутъ быть условно освобождаемы отъ наказанія“.

Г. С. Фельдштейнъ: „Вопросъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи въ той постановкѣ, которую далъ ему нашъ высокоуважаемый предсѣдатель Николай Степановичъ, распадается на нѣсколько отдѣльныхъ частей. Мнѣ хотѣлось бы высказаться по той сторонѣ вопроса о досрочномъ условномъ освобожденіи, которая выдѣлена нашимъ предсѣдателемъ въ первую рубрику и касается существенно важной проблемы о томъ, къ кому, или, вѣрнѣе, къ какимъ видамъ лицъ, отбывающихъ наказаніе, могло бы быть всего цѣлесообразнѣе примѣненіе института досрочнаго условнаго освобожденія. Для того, чтобы дать удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, полезно, кажется намъ, перейти къ освѣщенію его со стороны принципиальной. Несомнѣнно, что вопросъ объ освобожденіи заключеннаго, или вообще наказываемаго, до окончанія опредѣленнаго ему судомъ наказанія является вопросомъ объ измѣненіи тяжести наказанія въ зависимости отъ тѣхъ индивидуальныхъ перемѣнъ, которыя произошли въ лицѣ, отбывающемъ наказаніе. Институтъ досрочнаго условнаго освобожденія, какъ факторъ, вліяющій на размѣры наказанія, долженъ быть поставленъ при такомъ положеніи дѣлъ въ общее соотвѣтствіе съ тѣми цѣлями, къ достиженію которыхъ стремятся при помощи наказанія. Не углубляясь здѣсь въ проблему о томъ, каковы должны быть цѣли наказанія, мы считаемъ, однако, несомнѣннымъ, что цѣль предупрежденія частнаго, т. е. предотвращенія учиненія преступленія лицомъ, уже разъ впавшимъ въ преступленіе, является господствующей задачей наказанія. Всѣ остальные цѣли, вродѣ предупрежденія совершенія преступленій со стороны лицъ, еще не впадавшихъ въ преступленія, цѣль устраненія частнаго лица и проч. не выступаютъ такими задачами наказанія, которыя не могли бы разрѣшаться уже попутно съ цѣлью главной—предупрежденіемъ частнымъ. Но какой же выводъ слѣдуетъ сдѣлать въ отношеніи практики условнаго досрочнаго освобожденія изъ того взгляда на цѣли наказанія, который мы считаемъ правильнымъ. Намъ кажется, что послѣдовательное проведеніе въ жизнь упомянутаго нами выше принципа предполагаетъ

примѣненіе условнаго досрочнаго освобожденія безъ ограниченія во всѣхъ тѣхъ комбинаціяхъ, гдѣ оно допустимо, какъ мѣра не противорѣчающая, а, напротивъ, содѣйствующая соціальному исправленію преступника—этой лучшей гарантіи достиженія цѣли предупрежденія частнаго. Такая постановка вопроса заставляетъ насъ относиться отрицательно, какъ къ тѣмъ выводамъ уважаемаго докладчика А. А. Пюнтковскаго, которыми предусматривается непримѣнимость института условнаго освобожденія къ лицамъ, подвергнутымъ *custodio honesta* и къ лицамъ, помѣщаемымъ въ мѣста заключенія на срокъ менѣе 1 года. Не представляется, далѣе, съ нашей точки зрѣнія, желательнымъ строго фиксировать, какъ это дѣлаетъ докладчикъ въ видѣ общаго правила, тотъ срокъ заключенія или отбытія наказанія, послѣ котораго можетъ быть рѣчь о примѣненіи условнаго освобожденія. Докладчикъ, какъ мы только что слышали, считаетъ допустимымъ примѣненіе условнаго досрочнаго освобожденія только на тотъ конецъ, когда наказываемый отбылъ $\frac{2}{3}$ опредѣленнаго ему первоначально по суду наказанія. Не находится въ соотвѣтствіи съ принципомъ, выставляемымъ нами выше, и примѣненіе условнаго досрочнаго освобожденія въ зависимости отъ ходатайства самаго осужденнаго и проч. Нѣсколько ближе къ нашимъ взглядамъ являются положенія, выставляемыя содокладчикомъ А. А. Пюнтковскаго, А. А. Жижиленко. Но и нормы для регулированія досрочнаго условнаго освобожденія, даваемыя этимъ послѣднимъ, несвободны въ нѣкоторой степени отъ того же недостатка, что и положенія А. А. Пюнтковскаго, въ виду того, что стараются слишкомъ точно опредѣлить ту часть отбытаго наказанія, послѣ котораго можетъ быть факультативно допущено условное освобожденіе. Вполнѣ понимая, что такое ограниченіе дѣлается только для того, чтобы сохранить за наказаніемъ извѣстную устрашительность, намъ казалось бы цѣлесообразнымъ устанавливать фиксированный срокъ, послѣ котораго можетъ быть допущено условное освобожденіе, только относительно наиболѣе тяжкихъ наказаній, сопровождающихся широкимъ правопораженіемъ. Относительно же всѣхъ наказаній остальныхъ, намъ казалось бы умѣстнымъ допускать факультативное примѣненіе условнаго освобожденія уже послѣ такого промежутка времени, который, по усмотрѣнію органовъ, близко наблюдающихъ за лицами, отбывающими наказаніе, является достаточнымъ для допущенія предположенія о томъ, что лицо исправилось въ надлежащей мѣрѣ. Вопросомъ ближайшей организаціи и конструированія института условнаго досрочнаго освобожденія является созданіе такихъ

условія для примѣненія этой мѣры, которыя гарантировали бы въ надлежащей степени отсутствіе произвола при практикѣ условнаго освобожденія. Это входитъ, однако, уже въ область другихъ рубрикъ вопроса объ институтѣ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь,—касается тѣхъ сторонъ этого вопроса, обсужденіе которыхъ еще намъ предстоитъ впередъ.

Д. А. Дрилль находитъ, что не слѣдуетъ исключать каторжанъ отъ примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія, тѣмъ болѣе, что вопросъ еще, слѣдуетъ ли сохранить поселеніе, какъ непремѣнное послѣдствіе каторги. Хорошо себя ведущихъ, исправившихся каторжанъ можно освобождать сразу и отъ каторги, и отъ поселенія. Поселеніе, какъ показываетъ опытъ, не должно концентрироваться въ немногихъ мѣстностяхъ, какъ это дѣлается на Сахалинѣ. Приселеніе же къ волостямъ и селамъ тоже ведетъ къ самымъ печальнымъ результатамъ. Необходимо, если и будетъ сохранена ссылка, оставлять каждому ссылно-поселенцу обширный районъ, въ предѣлахъ коего онъ могъ бы свободно двигаться. По отзыву всѣхъ близко стоящихъ къ исполненію наказанія, каторжные болѣе способны къ исправленію, чѣмъ мелкіе ворюшки, завсегдатаи тюрьмы.

С. И. Викторскій: „Отдавая дань глубокаго уваженія почтенному референту (Піонтковскому), я все-же не могу согласиться съ его положеніемъ, что досрочное освобожденіе непримѣнимо къ тѣмъ, которые осуждены къ заключенію *недолгосрочному*, и вотъ по какимъ соображеніямъ: я считаю единственнымъ основаніемъ для досрочнаго освобожденія увѣренность, что субъектъ, хотя и не отбылъ еще всего наказанія, но уже не представляетъ болѣе опасности для правопорядка, что наказаніе произвело уже на него свое дѣйствіе, какъ мѣра предупрежденія рецидива. Но такой эффектъ наказанія можетъ получиться и независимо отъ того, сколько времени субъектъ долженъ отбывать наказаніе,—годъ, пять лѣтъ или нѣсколько мѣсяцевъ. Я представляю себѣ, напр., такой случай. Крестьянинъ домохозяинъ случайно впалъ въ преступленіе и присужденъ къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія. Черезъ мѣсяць заключенія онъ, благодаря контрасту его теперешней подневольной жизни и прежней на свободѣ, благодаря думамъ о томъ, что приближается рабочая пора, что безъ него, единственнаго работника, вся семья его останется на цѣлый годъ безъ куска хлѣба, получаетъ такой сильный мотивъ впредь воздерживаться отъ проступковъ, что несомнѣнно можетъ быть досрочно освобожденъ. Кромѣ хорошаго такое освобожденіе ничего въ себѣ имѣть не будетъ: довѣріе, оказываемое

къ освобождаемому, еще болѣе укрѣпить его въ принятомъ имъ рѣшеніи; тюрьма освободится отъ необходимости содержать ненуждающагося уже въ ея режимѣ, а семья преступника, ни въ чемъ не повинная, не подвергнется опасности обнищанія.

Послѣднее весьма важно: чѣмъ индивидуальнѣе кара, тѣмъ она желательнѣе, и если досрочное освобожденіе недолгосрочно-осужденныхъ даетъ возможность семьямъ заключенныхъ меньше чувствовать на себѣ это наказаніе, то такое досрочное освобожденіе слѣдуетъ допустить. Лучше ввести за правило, чтобы досрочно освобождаемый давалъ согласіе на возвращеніе его въ заключеніе, при совершеніи имъ новаго проступка, на болѣе долгій срокъ, чѣмъ ему оставалось отбыть; это дастъ ему еще лишній стимулъ вести себя хорошо на свободѣ; но примѣнять досрочное освобожденіе только къ долгосрочно заключеннымъ—было бы жестоко. Тутъ все дѣло лишь въ доказательствахъ, что освобождаемый дѣйствительно, безопасенъ“.

В. А. де-Плансонъ полагалъ, что надо, при введеніи условнаго досрочнаго освобожденія, отрѣшиться отъ условныхъ формъ, къ которымъ мы, юристы, привыкли. Если сперва посмотримъ на этотъ институтъ, какъ на сокращеніе наказанія, то надо поглядѣть, кто будетъ освобождать. Если это будутъ люди компетентные и осторожные, то нечего ихъ а ргіюі связывать въ описаніи случаевъ примѣнимости института. Не надо напередъ устанавливать нормы и сроки, ибо тогда наука не можетъ сказать напередъ, когда именно человѣкъ исправится. Мы не увѣрены, будетъ ли у насъ условное осужденіе, а потому слѣдуетъ условное освобожденіе примѣнять и къ краткосрочнымъ наказаніямъ. Надо примѣнять этотъ институтъ и къ каторгѣ, ибо туда попадаютъ и люди, совершившіе преступленія по страсти. Обѣщать за хорошее поведение свободу для заключеннаго лучшей стимулъ къ исправленію, лучшее средство избѣжать переполненія тюремъ.

Н. В. Баснинъ: „Вполнѣ поддерживая предложеніе Д. А. Дриля о томъ, что досрочное освобожденіе должно распространяться и на каторгу, при чемъ заключеніе г. Дриля о полной несостоятельности поселенія, какъ наказанія, подтверждается всецѣло данными, добытыми изъ жизни Сибири, изъ которыхъ выясняется, что каторжные представляютъ изъ себя элементъ несравненно болѣе способный къ исправленію, чѣмъ поселенцы, я вмѣстѣ съ тѣмъ полагаю, что такъ какъ поселеніе остается еще въ числѣ уголовныхъ наказаній, то досрочное освобожденіе должно быть распространено и на него въ

формѣ сокращенія сроковъ для перехода въ состояніе свободныхъ крестьянъ.

Затѣмъ, что касается до *custodia honesta*, то не могу согласиться на примѣненіе къ этой формѣ наказанія досрочнаго условнаго освобожденія въ виду того, что по свойству своему такое наказаніе не есть исправительное. Отсутствіе въ данномъ случаѣ признанія позорности наказанія предполагаетъ въ человѣкѣ, лишенномъ свободы, вмѣстѣ съ тѣмъ и отсутствіе элементовъ преступности, подлежащихъ исправленію.

Наконецъ, въ случаѣ, если заключенный, по своемъ освобожденіи, будетъ вести себя недостаточно хорошо въ общемъ смыслѣ добраго поведенія, то едва ли возможно при этихъ условіяхъ подвергнуть его вновь прежнему заключенію. Всѣ же другія къ тому основанія представляются еще болѣе непримѣнимыми.

А. А. Жижиленко находилъ, что относительно его словъ о непримѣнимости условнаго освобожденія къ лицамъ, отбывающимъ наказаніе въ каторжныхъ работахъ, вышло недоразумѣніе, какъ это можно вывести изъ словъ предшествующихъ ораторовъ. Но дѣло въ томъ, что, говоря о каторгѣ, онъ имѣлъ въ виду ту каторгу, которую знаетъ наше уложеніе о наказаніи и которая воспринимается и проектомъ уголовного уложенія—каторгу, соединенную съ поселеніемъ. Условное освобожденіе по своей идеѣ примѣнимо ко всѣмъ лицамъ, отбывающимъ наказаніе въ любомъ мѣстѣ заключенія, разъ есть достаточныя основанія для его примѣненія, но часто соображенія практическаго характера могутъ препятствовать этому—въ этихъ видахъ онъ и отрицаетъ возможность примѣненія условнаго освобожденія къ современной каторгѣ. Но вполне допускаетъ примѣненіе его въ отношеніе той „будущей“ каторги, о которой говорилъ только что *Д. А. Дриль* и которой не знаетъ еще положительное наше законодательство. Къ тому же въ настоящее время существуетъ уже по отношенію къ отбывающимъ каторжныя работы безусловное досрочное освобожденіе и замѣнять его менѣе льготной мѣрой—условнымъ освобожденіемъ—нѣтъ основаній.

Д. А. Дриль считалъ большимъ благодѣяніемъ освобожденіе отъ нѣсколькихъ лѣтъ каторги.

В. В. Пржевальскій отмѣтилъ, что, какъ показываетъ самая исторія института условнаго освобожденія, онъ возникъ впервые на почвѣ тягчайшаго изъ наказаній—ссылки на каторгу. Первые поборники этого института въ наукѣ *Гольцендорфъ* и *Вальбергъ* видѣли въ условномъ освобожденіи необходимый коррективъ судеб-

ныхъ приговоровъ при существующей системѣ опредѣленія продолжительности наказанія судомъ. Съ этой точки зрѣнія не можетъ быть и рѣчи о непримѣнимости условнаго усвобожденія къ каторгѣ, при которой малѣйшая ошибка суда въ опредѣленіи срока наказанія, ошибка, конечно, въ многихъ случаяхъ неизбѣжная, ложится особенно тяжкимъ бременемъ на наказуемаго.

С. П. Мокринскій полагалъ, что условное досрочное освобожденіе преслѣдуетъ цѣль исправительную и, слѣдовательно, по своей идеѣ, можетъ быть примѣняемо лишь къ тѣмъ преступникамъ, которые нуждаются въ исправительномъ воздѣйствіи и, вмѣстѣ, могутъ быть этимъ путемъ исправлены. Гдѣ же взять критерій, съ помощью котораго можно было бы требуемую категорію преступниковъ выдѣлить изъ общей массы преступнаго люда? Критеріемъ могутъ быть приняты: социальная характеристика виновнаго, родъ наказанія и, наконецъ, родъ преступленія. Непримѣнимость перваго критерія очевидна: въ проектѣ уголовного уложенія нѣтъ, какъ въ новѣйшемъ проектѣ швейцарскомъ, исправительныхъ наказаній, согласованныхъ не съ преступленіемъ, но съ общественной характеристикой виновнаго (§ 26 швейцарскаго проекта уполномочивающій судью замѣнять тюрьму рабочимъ домомъ, когда преступленіе слѣдуетъ приписать отвращенію къ труду или, склонности къ разгулу). Въ всякаго сомнѣнія, условное освобожденіе здѣсь было бы, какъ нельзя болѣе, на своемъ мѣстѣ. Непригоденъ и второй критерій—родъ наказанія. Каторга, исправительный домъ, тюрьма и арестъ, согласно ст. 45 проекта (изд. 1895 г.), при смягчающихъ обстоятельствахъ, легко замѣняютъ другъ друга и примѣняются безразлично ко всевозможнымъ преступленіямъ и всевозможнымъ преступникамъ. Остается третій критерій—родъ преступленія. Я предложилъ бы примѣнять условное досрочное освобожденіе исключительно къ имущественнымъ корыстнымъ преступникамъ. Извѣстно, что 75% рецидива падаетъ у насъ на преступленія кражи, разбоя и грабежа. Если присоединить сюда еще мошенничество, подлоги, присвоеніе и пр., то мы, можно надѣяться, охватимъ всю область преступленій, гдѣ рецидивъ играетъ сколько нибудь замѣтную роль, и гдѣ борьба съ нимъ заслуживаетъ усилій практической политики. Рецидивъ по другимъ преступленіямъ падаетъ у насъ ниже 10%, по преступленіямъ противъ личности онъ равенъ только 4%. Преступники, отъ которыхъ можно ждать рецидива,—въ подавляющемъ большинствѣ имущественные корыстные преступники, и, наоборотъ, почти всѣ корыстные имуществен-

ные преступники рискуют стать рецидивистами, ибо, справедливо замѣчаетъ народная пословица, „воръ бѣду избудетъ и опять на воровствѣ будетъ“. Отсюда слѣдуетъ, что корыстное имущественное преступленіе и есть надлежащая сфера для исправительнаго воздѣйствія на преступника, а, слѣдовательно, и для той исправительной мѣры, которую представляетъ собой досрочное условное освобожденіе. Наконецъ, послѣднее, и главное соображеніе, которое вынуждаетъ меня настаивать на моемъ предложеніи, есть то, что цѣль исправленія только и достижима, что по отношенію къ корыстнымъ имущественнымъ преступникамъ. Современная тюрьма не въ силахъ нравственно перевоспитать заключеннаго, самое большее, что она можетъ,—отучить отъ праздности, сообщить навѣкъ къ упорядоченной трудовой жизни. Также точно, и успѣшное прохожденіе испытательнаго періода при условномъ освобожденіи можетъ болѣе или менѣе свидѣтельствовать объ исправленіи субъекта, осужденнаго за корыстное имущественное преступленіе, и никоимъ образомъ не доказываетъ исправленія лица, наказаннаго, напр., за двоеженство.

Но было бы несправедливо предоставить мѣсту досрочнаго освобожденія худшимъ, корыстнымъ преступникамъ, и лишить ея лучшихъ, некорыстныхъ. Предоставленіе этой льготы *всѣмъ* заключеннымъ вынуждается и соображеніями тюремной политики. Полезно, въ интересахъ гуманности и порядка, предоставить начальству тюрьмы право расточать не только мѣры взысканія, но, подѣ известнымъ контролемъ, примѣнять и мѣры поощрительныя. Но это досрочное освобожденіе, предназначаемое для *всѣхъ* преступниковъ, я предложилъ бы предоставлять заключеннымъ: 1) по примѣру дѣйствующаго права, *безусловно*, и 2) съ сокращеніемъ срока наказанія лишь на $\frac{1}{6}$ (противъ $\frac{1}{3}$ при условномъ освобожденіи). Обѣ системы условнаго и безусловнаго досрочнаго освобожденія могли бы быть скомбинированы въ слѣдующихъ двухъ основныхъ положеніяхъ:

1) Каждые 6 мѣсяцевъ наказанія лишеніемъ свободы зачитываются, при хорошемъ поведеніи, за 7 мѣсяцевъ.

2) Осужденные за корыстные имущественныя преступленія могутъ быть освобождены досрочно, съ сокращеніемъ срока до $\frac{1}{3}$, но подѣ страхомъ возвращенія обратно при неудачѣ испытанія. Возвращаемые теряютъ льготы по исчисленію срока, ранѣе имъ предоставленныя на основаніи пункта перваго.

Послѣднему условію я придаю особое значеніе. Оно даетъ га-

рантію, что льготою условнаго освобожденія воспользуются не „хорошіе“ арестанты, но дѣйствительно люди, которые хотятъ исправиться. Рисковать не только возвращеніемъ въ тюрьму, но и потерей льготъ, уже приобрѣтенныхъ, согласится лишь человѣкъ, увѣренный, что этого въ дѣйствительности не будетъ, что у него хватитъ силъ противостоятъ соблазну.

Предсѣдатель *Н. С. Таганцевъ* поставилъ на баллотировку предложеніе *С. П. Мокринскаго* о принятіи за критерій рода преступныхъ дѣяній.

Предложеніе отвергнуто громаднымъ большинствомъ голосовъ.

Н. С. Таганцевъ, приведя постановленія проекта уголовного уложенія относительно каторги и поселенія и напомнивъ два высказанныхъ въ засѣданіи мнѣнія, поставилъ на баллотировку предложеніе *Д. А. Дриля* о томъ, чтобы институтъ условнаго досрочнаго освобожденія примѣнялся и къ каторжнымъ.

Предложеніе *Д. А. Дриля* принято громаднымъ большинствомъ голосовъ.

Н. С. Таганцевъ поставилъ на баллотировку вопросъ: желательно ли примѣнять условное досрочное освобожденіе къ аресту.

Большинствомъ голосовъ съѣздъ отвѣтилъ на вопросъ отрицательно.

Н. С. Таганцевъ поставилъ на баллотировку вопросъ о минимальномъ срокѣ наказанія, при коемъ примѣнимо условное освобожденіе.

Значительнымъ большинствомъ голосовъ отвергнуть годичный срокъ, какъ минимумъ, и большинствомъ 45 голосовъ принять, какъ минимумъ наказанія, при коемъ допустимо условное освобожденіе, — 6 мѣсяцевъ.

Затѣмъ громаднымъ большинствомъ голосовъ съѣздъ призналъ досрочное условное освобожденіе примѣнимымъ и къ заключенію въ крѣпости.

Послѣ 10 м. перерыва *Н. С. Таганцевъ* предложилъ обсудить второй вопросъ объ условіяхъ примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія, которыя выставлены докладчикомъ.

Въ преніяхъ по сему предмету приняли участіе: *Н. П. Чубинскій*, *Н. П. Баснинъ*, *А. А. Жижиленко*, *А. А. Пюнтковскій*, *М. В. Духовской*, *С. К. Гогель*, *В. А. де-Плансонъ*, *В. В. Пржевальскій*, *С. Ф. Саловъ*, *А. Б. Розенблюмъ*.

М. П. Чубинскій: „Мм. Гг.! Въ своихъ предложеніяхъ я почти не разойдусь съ тѣмъ, что предлагалъ въ своемъ докладѣ уважае-

мый профессор Пюнтковскій. Я постараюсь лишь поставить и болѣе рѣзко отгнать нѣкоторыя изъ положеній, касающихся условнаго досрочнаго освобожденія.

Прежде всего мнѣ кажется чрезвычайно неудобной формула, въ силу которой осужденный выпускается на свободу при „хорошемъ поведеніи“ и можетъ, далѣе, быть возвращенъ къ отбытію оставшагося наказанія, если его поведеніе на свободѣ будетъ признано „нехорошимъ“. Если мы находимъ, что новеллы къ судебнымъ уставамъ поколебали начала гласности и несмѣняемости судей, то при этомъ обыкновенно мы указываемъ на неопредѣленность и общность выраженій въ законахъ, сюда относящихся. Но эти самые законы являются гораздо болѣе точными, чѣмъ та формула, которая проектирована относительно досрочнаго освобожденія, ибо включенный въ нее терминъ „хорошее поведеніе“ слишкомъ эластиченъ и чрезмерно широкъ. Мнѣ кажется, что мы должны давать болѣе точныя и юридическія выраженія и прежде всего указать, что отбытіе арестантомъ наказаній за дисциплинарныя проступки не должно служить препятствіемъ для примѣненія условнаго освобожденія. Тюрьмовѣды свидѣтельствуютъ намъ, что „примѣрный арестантъ“ далеко не всегда относится къ категоріи лучшихъ по существу изъ тюремнаго люда; хорошее поведеніе въ тюрьмѣ еще не доказываетъ исправленія, и наоборотъ, дисциплинарныя проступки часто свидѣтельствуютъ о горячности характера, о недостаточной выдержкѣ, а не объ испорченности.

Еще менѣе пригоденъ терминъ „хорошее поведеніе“, когда рѣчь идетъ о возможности вернуть условно освобожденнаго къ отбытію снова наказанія. Вѣдь наблюдать за досрочно освобожденнымъ будутъ органы несудебныя, а эти органы умѣютъ порой изобрѣтать такія наказуемыя дѣянія, какъ „домонерачительство“, о которомъ упоминаетъ одинъ изъ посѣтителей острова Сахалина.

Если, далѣе, мы примемъ во вниманіе, что, при наличности формулы „хорошее поведеніе“, будутъ возбуждаться дѣла о возвращеніи въ исправительный домъ, а иногда и на каторгу за пьянство, за упомянутое „домонерачительство“ и т. п. проступки, то убѣжденіе въ непригодности намѣченной формулы должно окончательно въ насъ окрѣпнуть. Поэтому я присоединяюсь къ мнѣнію, что вновь привлекать условно освобожденнаго къ отбытію наказанія должно лишь при совершеніи имъ преступленія или проступка (въ смыслѣ, указываемомъ проектомъ уголовного уложенія), но ни въ коемъ случаѣ не при наличности только дурнаго поведенія. Въ

заключеніе позволю себѣ коснуться вопроса, о которомъ еще будетъ рѣчь, т. е. вопроса о томъ, кому будетъ принадлежать инициатива ходатайства передъ судебными органами о примѣненіи къ тому или иному арестанту досрочнаго условнаго освобожденія. Я думаю, что это право должно принадлежать не только прокуратурѣ, органамъ тюремной инспекціи и начальству тюрьмы, но и самому заключенному; если ходатайство заключеннаго неосновательно, оно будетъ отклонено судомъ, но мы должны помнить, что недопущеніе такого права у заключеннаго, при сравнительной рѣдкости посѣщенія тюремъ прокуратурой и инспекторами, отдастъ дѣло условнаго освобожденія почти цѣликомъ въ руки тюремнаго начальства, которое будетъ допускать до судебного разсмотрѣнія лишь дѣла о лучшихъ, съ его точки зрѣнія, арестантахъ, а такой порядокъ крайне нежелателенъ, ибо не даромъ же съѣздъ требуетъ разсмотрѣнія дѣла судомъ, не признавая тюремную администрацію вполне безпристрастной и компетентной“.

Н. В. Басинъ находилъ, что ни для кого не тайна, что всѣ наши карательныя учрежденія—каторжныя и другія тюрьмы—не служатъ цѣлямъ исправленія; поэтому, полагаю я, признавать аттестацію тюремнаго начальства о хорошемъ поведеніи въ тюрьмѣ, какъ главный признакъ для примѣненія досрочнаго условнаго освобожденія, не представляется достаточно основательнымъ. Мнѣ кажется, что правильнѣе, по истеченіи извѣстнаго срока заключенія, предоставлять осужденному обращаться съ прошеніемъ о досрочномъ освобожденіи въ подлежащій судъ, который и долженъ постановить свое рѣшеніе по совокупности всѣхъ данныхъ, какія выяснились къ тому времени по отношенію къ пребыванію осужденнаго въ тюрьмѣ.

А. А. Пюнтковскій: „Въ виду состоявшагося постановленія съѣзда о допущеніи условнаго освобожденія при заключеніи на срокъ свыше шести мѣсяцевъ я поддерживаю необходимость для примѣненія условнаго освобожденія отбытіе по крайней мѣрѣ шести-мѣсячнаго заключенія, а не годоваго, какъ это было предложено въ моемъ докладѣ“.

А. А. Жижиленко: „Останавливаясь на тѣхъ условіяхъ, предложенныхъ уважаемымъ докладчикомъ А. А. Пюнтковскимъ, при наличности которыхъ возможно примѣненіе условнаго освобожденія, я не могу не указать на то, что два послѣднихъ изъ этихъ условій такого свойства, что при наличности ихъ есть возможность опасаться за очень ограниченное примѣненіе условнаго освобожденія. Это:

1) возможность и готовность вознаградить потерпѣвшаго за причиненный ему вредъ со стороны преступника и 2) возможность для послѣдняго устроиться по выходѣ изъ тюрьмы. Мнѣ кажется, что эти условія могутъ значительно сократить объемъ примѣненія условнаго освобожденія и вотъ почему.

Возможность и готовность вознаградить за причиненный вредъ есть понятіе условное, и невозможность и неготовность сдѣлать это еще не доказываетъ порочности даннаго лица, такъ какъ часто онъ не въ состояніи этого сдѣлать только по своему имущественному состоянію.

Въ этомъ отношеніи я могу сослаться на то, — очевидцемъ чего мнѣ пришлось быть въ прошломъ году на брюссельскомъ тюремномъ конгрессѣ. Въ числѣ прочихъ вопросовъ на обсужденіе конгресса былъ поставленъ и вопросъ о томъ, какія средства можно рекомендовать для обезпеченія вознагражденія потерпѣвшаго отъ преступленія со стороны преступника. Одинъ изъ членовъ конгресса проф. Grins предлагалъ съ этой цѣлью рѣшать вопросъ о примѣненіи условнаго осужденія и условнаго освобожденія къ данному лицу въ зависимости отъ его возможности и готовности вознаградить за причиненный вредъ потерпѣвшаго. Но противъ этого сильно возсталъ авторъ французскаго закона объ условномъ осужденіи сенаторъ Беранже, который говорилъ, что при такихъ условіяхъ примѣненіе условнаго осужденія и условнаго освобожденія стало бы привилегіей людей богатыхъ.

Съ этимъ мнѣніемъ согласился и конгрессъ и отвергъ предложеніе проф. Grins'a. Мнѣ кажется, что доводъ сенатора Беранже вполне убѣдителенъ — при наличности этого условія, выдвигаемаго уважаемымъ докладчикомъ, условное освобожденіе можетъ примѣняться рѣдко и принять направленіе, несоотвѣтствующее духу этого института.

Но и второе условіе — возможность устроиться по выходѣ изъ тюрьмы — точно также условіе такого рода, которое можетъ сильно сузить возможность примѣненія условнаго освобожденія. У насъ патроната почти вовсе нѣтъ, надѣяться на его быстрое распространеніе тоже трудно, а между тѣмъ большинство выходящихъ изъ тюремъ при современныхъ условіяхъ не могутъ указать, какъ они устроятся на свободѣ. Ставить вопросъ о примѣненіи условнаго освобожденія въ зависимость отъ этого значитъ дѣлать примѣненіе института условнаго освобожденія почти невозможнымъ. Въ виду этого я безусловно высказываюсь противъ этого условія“.

А. А. Пионтковский, пользуясь словомъ, чтобы сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу возраженій, представленныхъ уважаемымъ *А. А. Жижиленко*, замѣтилъ:

„*Г. Жижиленко* находитъ нежелательнымъ включеніе въ число условій примѣненія условнаго освобожденія добровольнаго возмѣщенія, по мѣрѣ возможности, вреда, преступной дѣятельностью причиненнаго. Онъ, ссылаясь на авторитетъ французскаго сенатора *Беранже*, указываетъ, что принятіе этого условія можетъ повлечь за собою устраненіе примѣненія условнаго освобожденія къ лицамъ бѣднымъ, несостоятельнымъ. Это указаніе неправильно. Я проектирую лишь необходимость требовать возмѣщенія вреда отъ тѣхъ, которые въ состояніи его возмѣстить, и не устраняю возможности примѣненія условнаго освобожденія въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ вредъ не можетъ быть возмѣщенъ. Я думаю, что условно освобождать лицъ, хотя и ведущихъ себя безупречно съ точки зрѣнія тюремной дисциплины, но ничего не дѣлающихъ, чтобы возмѣстить причиненный ихъ дѣятельностью вредъ, а, быть можетъ, мечтающихъ воспользоваться, по освобожденіи, добытыми преступной дѣятельностью благами, нераціонально.

Точно также мнѣ кажется неосновательнымъ устранять изъ числа условій примѣненія условнаго освобожденія возможность для освобождаемаго устроиться. Выпускать изъ тюрьмы человѣка, не имѣющаго абсолютно никакихъ средствъ и не могущаго найти приложения своему труду или неспособнаго къ какому-либо труду,—значитъ толкать его на путь преступленій, а это и негуманно, и нецѣлесообразно“.

М. В. Духовской защищалъ послѣдній пунктъ доклада, полагая, что нельзя освобождать, закрывая глаза на то, что будетъ съ освобожденнымъ далѣе. Требованіе возмѣщенія вреда неудачно редактировано: его надо взять не какъ общее требованіе, а примѣнять его лишь къ лицамъ, которыя имѣютъ возможность возмѣстить ущербъ.

С. К. Гогель присоединился къ замѣчанію *М. В. Духовского* относительно возмѣщенія вреда, полагая, что въ данномъ случаѣ надо имѣть въ виду лишь лицъ, злонамѣренно уклоняющихся отъ таковаго. Можно погубить весь институтъ, если примѣнять его независимо отъ того, какъ устроится освобождаемый въ будущемъ.

В. А. де-Плансонъ находилъ, что условій надо ставить возможно меньше. Необходимо лишь одно условіе—признаніе, что освобождаемый исправился. Если человѣкъ окрѣпъ нравственно, надо его выпустить, не стѣсняясь никакими условіями.

С. Ф. Саловъ, поддерживая мнѣніе пр. Піонтковскаго о томъ, что въ число условій для примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія должно принять желаніе заключеннаго (въ предѣлахъ, указанныхъ докладчикомъ) вознаградить вредъ и убытки потерпѣвшаго, возражалъ г. Плансону.

Г. Саловъ находилъ, что этотъ пунктъ вопреки мнѣнію Плансона долженъ быть *спеціально отмѣченъ* по слѣдующимъ соображеніямъ: обязанность эта возлагается на обвиненнаго по закону вообще, можетъ быть возложена на него и спеціальнымъ опредѣленіемъ суда въ силу требованій гражданскаго истца. Являясь послѣдствіемъ по преимуществу преступленій корыстныхъ, обязанность эта еще не становится реальной даже въ томъ случаѣ, когда у потерпѣвшаго въ рукахъ исполнительный листъ, если признанный виновнымъ скрылъ похищенное и свое имущество, могущее служить эквивалентомъ похищеннаго.

Поэтому отсутствіе положительно выраженнаго желанія вознаградить потерпѣвшаго исключаетъ при указанныхъ докладчикомъ условіяхъ предположеніе о томъ, что виновный исправился, и учрежденіе, которое будетъ уполномочено уменьшать срокъ заключенія, должно имѣть это въ виду и особо на этомъ остановиться при разрѣшеніи поставленнаго ему вопроса, а потому выдѣленіе этого условія въ особый пунктъ закона представляется крайне желательнымъ.

А. Б. Розенблюмъ предложилъ баллотировать второй вопросъ послѣ третьяго.

Н. С. Таганцевъ поставилъ на баллотировку предложеніе о томъ, чтобы не требовать хорошаго поведенія, а лишь протеченіе извѣстнаго срока.

Это предложеніе отвергнуто съѣздомъ всѣми голосами противъ одного Н. В. Баснина, и по большинству голосовъ съѣздомъ принято противоположное предложеніе докладчика А. А. Піонтковскаго о томъ, чтобы для примѣненія условнаго освобожденія требовать отъ освобождаемаго хорошаго поведенія.

Послѣ краткаго замѣчанія *М. В. Духовскою* и *С. И. Викторскою*, г. предсѣдателемъ поставлено на баллотировку и съѣздомъ отвергнуто по большинству голосовъ предложеніе докладчика относительно требованія возможности для освобождаемаго устроиться на свободѣ, какъ условія допустимости условнаго освобожденія.

Далѣе съѣздомъ отвергнуто по большинству голосовъ и тре-

бованіе докладчика о возможномъ возмѣщеніи вреда, какъ условія примѣненія досрочнаго освобожденія.

По вопросу о срокѣ, послѣ коего можно освобождать досрочно, возникли пренія.

В. А. де-Плансонъ находилъ, что нельзя устанавливать, какіе либо минимальные сроки, а надо вѣрить тому компетентному учрежденію, которое будетъ постановлять объ освобожденіи.

И. Я. Фойницкій просилъ не колебать значенія судебныхъ приговоровъ такимъ постановленіемъ, какое предлагается г. де-Плансонъ. Институтъ досрочнаго освобожденія нужно проводить въ жизнь съ осторожностью.

Д. А. Дриль отмѣтилъ, что нынѣ законодатель отказался отъ самаго понятія несовершеннолѣтняго преступника, но призналъ все-таки удобнымъ исходить отъ минимальнаго срока, необходимаго для исправленія. Если устанавливать ограниченія для примѣненія досрочнаго освобожденія, то можно установить подобный же минимальный срокъ. Это не значитъ колебать судебные приговоры, ибо освобожденіе будетъ даваться судебною же властью и есть замѣна одного судебного акта другимъ.

Н. С. Таганцевъ указалъ на всю важность затронутого вопроса.

В. В. Пржевальскій находилъ излишнимъ требованіе отбытія $\frac{2}{3}$ наказанія или вообще какого-либо минимальнаго срока для примѣненія досрочнаго освобожденія. Давно уже настала пора отказаться отъ точнаго дозированія наказаній въ судебныхъ приговорахъ. Определеніе продолжительности заключенія по индивидуальнымъ свойствамъ преступника, выясняющимся во всей ихъ полнотѣ лишь въ стадіи исполненія наказанія, т. е. сведеніе института неопредѣленныхъ приговоровъ, неотложно требуется современной уголовной политикой, и безъ него невозможно надѣяться на успѣхъ въ борьбѣ съ преступленіемъ.

В. Д. Набоковъ: „Господа, я нахожусь въ величайшемъ недоумѣніи. Я все время думалъ, что у насъ обсуждается вопросъ о введеніи условнаго досрочнаго освобожденія, а повидимому оказывается, что рѣчь идетъ о принятіи въ Россіи неопредѣленныхъ приговоровъ. Нельзя съ достаточной энергіей протестовать противъ подобной перестановки вопросовъ. Здѣсь не мѣсто, конечно, приводить всѣ тѣ въ высшей степени убѣдительныя возраженія, которыя высказаны были въ литературѣ теоретиками и практиками противъ института неопредѣленныхъ приговоровъ. Но сторонники

этого института по крайней мѣрѣ логичны: они хотятъ, чтобы судъ при самой постановкѣ приговора не опредѣлялъ срока, предоставивъ это тюремной администраціи. Здѣсь же хотятъ другаго. Судъ будетъ опредѣлять срокъ,—но это опредѣленіе рѣшительно никакого значенія, никакой силы имѣть не будетъ. Отъ усмотрѣнія любого тюремнаго смотрителя будетъ зависѣть дѣйствительность приговора. Сегодня онъ постановленъ, а завтра онъ уничтожается,—и не новыми даже судебными приговорами, а постановленіемъ суда, сдѣланнымъ въ распорядительномъ засѣданіи. Если хоть сколько-нибудь дорожить авторитетомъ суда, принятіе такого порядка прямо невысказано. Тогда окажется, что люди сидятъ на каторгѣ не за совершенныя ими преступленія, а за дурное поведеніе: веди они себя хорошо—ихъ сейчасъ бы освободили. Тогда уже лучше вовсе не судить и не наказывать за преступленіе, а каждый разъ спрашивать, заслуживаетъ ли человѣкъ, по качествамъ своей личности, тюремнаго сидѣнія или нѣтъ.

Повторяю, нельзя достаточно энергично протестовать противъ подобнаго поразительнаго извращенія идеи условнаго, досрочнаго освобожденія, несомнѣнно продолжающей стоять на принципѣ соответствія тяжести наказанія—тяжести преступленія“.

А. Б. Розенблумъ замѣтилъ, что истинные интересы правосудія требуютъ, чтобы не было увлеченія ни въ смыслѣ суровости наказанія, ни въ смыслѣ полнаго отрицанія необходимости наказанія. Сведеніе же всякаго тюремнаго заключенія, даже и каторжныхъ работъ, къ минимальному сроку въ шесть мѣсяцевъ, за каковымъ срокомъ уже можетъ послѣдовать условное освобожденіе, сведетъ наказаніе къ нулю. Такая крайность тѣмъ болѣе опасна, что и потерпѣвшій нуждается въ извѣстномъ удовлетвореніи за понесенную обиду. Иначе люди, оскорбленные иногда въ своихъ лучшихъ чувствахъ, люди, благодаря дерзости преступнаго человѣка, лишившіеся плодовъ долгаго и упорнаго труда, обратятся къ самосуду, самовольно заступая государство въ отправленіи правосудія.

А наконецъ страхъ наказанія! Безспорно, что онъ удерживаетъ многихъ колеблющихся, лишенныхъ сильной воли и твердыхъ нравственныхъ убѣжденій, отъ совершенія преступленій. Если же мы создадимъ такое положеніе вещей, когда самыя строгія наказанія, установленныя за совершеніе жестокихъ, безчеловѣчныхъ преступленій, будутъ замѣнены, въ извѣстныхъ случаяхъ, краткимъ тюремнымъ заключеніемъ, то страхъ наказанія, какъ противовѣсъ преступнымъ намѣреніямъ, во многихъ серьезнѣйшихъ случаяхъ исчезнетъ.

„Я не призываю Васъ къ суровымъ карамъ противъ преступлений, но прошу Васъ, въ Вашихъ человѣколюбивыхъ стремленіяхъ, не забыть, что бывають случаи, когда освобождая отъ заслуженнаго наказанія дѣйствительнаго преступника и дѣлая ему такимъ образомъ благо, мы этимъ самымъ причиняемъ другимъ, безвинно потерпѣвшимъ людямъ, несправедливое зло“.

Н. В. Баснинъ считалъ необходимымъ установить минимальный срокъ, но не считалъ приговоръ, чѣмъ то навсегда неизблемымъ. Въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ надо дать возможность не стѣсняться минимальнымъ срокомъ.

Поставлено на баллотировку и принято съѣздомъ предложеніе докладчика, относительно минимальнаго срока, по истеченіи коего допустимо условное досрочное освобожденіе.

Съѣздъ призналъ также необходимымъ согласіе освобождаемаго для примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія.

М. В. Духовской прочель привѣтственную телеграмму А. Ф. Кони.

Засѣданіе закрыто въ 11 часовъ 57 м. вечера.

Утреннее засѣданіе 6 апрѣля.

Засѣданіе открыто въ 10 ч. 30 мин. утра председателемъ *Н. С. Таганцевымъ* въ присутствіи 68 членовъ.

Председатель *Н. С. Таганцевъ* предложилъ собранію приступить къ сужденіямъ по дальнѣйшему по очереди вопросу, объ организаціи досрочнаго освобожденія, а именно: кому принадлежитъ инициатива, кто будетъ разсматривать вопросъ о допущеніи и о внесеніи его. Инициатива, по мнѣнію докладчика, можетъ принадлежать: 1) тюремной администраціи, коллегіальной или единоличной; 2) прокурорскому надзору; и 3) самому заключенному. По мысли докладчика, заявленіе о досрочномъ освобожденіи препровождается въ ближайшій судъ, который, выслушавъ заключеніе прокурора и сообразивъ представленныя данныя, рѣшаетъ въ распорядительномъ засѣданіи о примѣнимости или непримѣнимости освобожденія. Эти вопросы и подлежатъ ближайшему обсужденію собранія.

Слово предоставлено *А. Б. Розенблomu*, который высказалъ:

„Вопросъ о тѣхъ органахъ, которымъ должно быть предоставлено право возбужденія ходатайства объ условномъ досрочномъ

освобожденіи, является основнымъ вопросомъ даннаго института. Въ самомъ дѣлѣ судебныя мѣста, которымъ придется разрѣшать вопросъ объ освобожденіи заключенныхъ, должны будутъ преимущественно исходить изъ тѣхъ сообщеній, которыя они будутъ получать отъ органовъ, ходатайствующихъ объ освобожденіи. Трудно представить себѣ, чтобы судебныя мѣста при этомъ могли дѣлать еще какія-либо дополнительные разслѣдованія. Кого будутъ они спрашивать? Представителей тюремной администраціи? Но въ судебномъ мѣстѣ будетъ уже находиться мотивированное заключеніе этой администраціи о необходимости освобожденія, а при этихъ условіяхъ дополнительный разпросъ явится безцѣльнымъ. Съ другой стороны, нельзя же въ такихъ случаяхъ допустить разпросы арестантовъ-товарищей заключеннаго: послѣдніе никогда, конечно, не рѣшатся дать отзывъ, который помѣшалъ бы ихъ товарищу выйти изъ тюрьмы.

Такимъ образомъ взглядъ тюремной администраціи будетъ для суда единственнымъ источникомъ при рѣшеніи вопроса объ освобожденіи. А если такъ, то къ созданію правильнаго органа возбужденія ходатайства о досрочномъ освобожденіи должно быть приложено наше особое вниманіе. Этого требуетъ кромѣ того и достоинство судебного вѣдомства, въ рукахъ котораго будетъ рѣшеніе вопроса объ освобожденіи по существу. Въ теченіе 35 лѣтъ оно неуклонно охраняло высшіе интересы народной жизни, вызвало глубочайшее къ себѣ довѣріе общества; желательно, чтобы это довѣріе не поколебалось ничѣмъ и въ будущемъ.

Ни въ одномъ изъ докладовъ, предложенныхъ сѣзду по вопросу объ условномъ досрочномъ освобожденіи, я не встрѣтилъ правильной, съ моей точки зрѣнія, постановки этого вопроса. Во всѣхъ докладахъ рекомендуется предоставить инициативу органамъ тюремной администраціи. Но тѣ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о представителяхъ тюремной администраціи въ Россіи, заставляютъ меня безусловно возражать противъ этого. Я долженъ однако сдѣлать оговорку: являясь здѣсь представителемъ Московскаго мужскаго благотворительно-тюремнаго комитета, я высказываю свое мнѣніе о тюремной администраціи въ Россіи не по тѣмъ наблюденіямъ, которыя мнѣ лично приходилось дѣлать въ Москвѣ. Напротивъ, я радъ случаю засвидѣтельствовать передъ сѣздомъ криминалистовъ, что Московская тюремная администрація является самой усердной помощницей комитета въ его благотворительной дѣятельности. И это я могу сказать о нашей тюремной администраціи въ широкомъ смыслѣ

слова, имѣя въ виду прежде всего Московскаго тюремнаго инспектора, нашего сочлена И. И. Гладкаго, далѣе персоналъ священниковъ, изъ коихъ одинъ, украшенный университетскимъ знакомъ, будетъ сегодня говорить передъ Вами, далѣе, старшаго тюремнаго врача, доктора медицины И. Д. Жданова, и наконецъ начальниковъ отдѣльныхъ тюремъ. Но характеристика тюремной администраціи, представленная г.г. докладчиками съѣзда, а частью и нѣкоторыя мои личныя наблюденія въ провинціальныхъ тюрьмахъ, заставляютъ меня категорически возражать противъ предоставленія одной тюремной администраціи права возбуждать ходатайство о досрочномъ освобожденіи. При значительномъ неразвитіи, а часто даже малограмотности многихъ начальниковъ тюремныхъ мѣстъ, при грубыхъ правахъ, царящихъ еще въ некультурныхъ слояхъ нашего народа, тюремная администрація, получивъ право инициативы въ вопросѣ объ освобожденіи, создастъ такое положеніе, при которомъ досрочно будутъ освобождаться далеко не лучшіе тюремные сидѣльцы.

Слѣдуетъ поэтому предоставить право инициативы *коллегіи*, въ которую входили бы: 1) начальники тюремъ и ихъ помощники, 2) завѣдующіе арестантскими работами, 3) тюремный врачъ, 4) тюремный священникъ и 5) представители патронатовъ въ количествѣ не менѣе 2-хъ и 6) въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ патронатовъ нѣтъ,—въ томъ же числѣ (2-хъ) представители городскихъ или земскихъ общественныхъ учрежденій.

При этомъ необходимо дать членамъ патронатовъ или общественныхъ учрежденій, входящихъ въ эту коллегію, право посѣщенія тюремъ и ознакомленія съ внутренней тюремной жизнью и съ личностью отдѣльныхъ заключенныхъ. Я долженъ при этомъ сдѣлать еще одно замѣчаніе касательно упомянутой коллегіи; въ нее никоимъ образомъ не должны входить, по моему мнѣнію, лица прокурорскаго надзора и вотъ почему: прокурорскій надзоръ является ближайшимъ начальствомъ и строжайшимъ контролемъ по отношенію къ тюремной администраціи, поэтому лица прокурорскаго надзора всегда будутъ стѣснять самостоятельность тюремной администраціи: начальники тюремъ врядъ ли рѣшатся содѣйствовать освобожденію арестанта, противъ освобожденія котораго выскажется прокурорскій надзоръ“.

И. Я. Фойницкій указалъ на то, что даваемое докладомъ рѣшеніе *въ принципѣ* поставленнаго вопроса, именно предоставленіе его судебной власти, какъ основанное на резолюціи предыдущаго съѣзда, должно лечь въ основаніе сужденій и настоящаго съѣзда.

Но затѣмъ остается сторона *техническая*,—какому именно судебному мѣсту должно принадлежать рѣшеніе вопроса о примѣненіи условнаго освобожденія? Докладчикъ указываетъ на судъ, постановившій приговоръ и ближайшій къ мѣсту пребыванія осужденнаго. Но это потребовало бы привлеченія присяжныхъ засѣдателей или сословныхъ представителей, и одинъ и тотъ же вопросъ объ условномъ осужденіи получилъ бы самыя различныя юрисдикціи. Въ этомъ едва ли есть надобность; къмъ бы ни былъ постановленъ приговоръ, онъ уже обращенъ къ исполненію и исполняется, и уже послѣ того ставится отдѣльный вопросъ о примѣненіи условнаго освобожденія, для рѣшенія котораго вовсе нѣтъ надобности входить въ оцѣнку приговора и который, напротивъ, разрѣшается почти всецѣло оцѣнкою личности заключеннаго, его поведенія и пр. Нѣтъ, поэтому, надобности для такой оцѣнки, въ основаніе которой приводятся позднѣйшіе факты, держаться различія юрисдикцій, постановившихъ приговоръ, и, напротивъ, представляется возможнымъ и необходимымъ установить *единую юрисдикцію*, именно напр. окружнаго суда по мѣсту заключенія осужденнаго, какъ полагаетъ и А. А. Жижиленко, при чемъ окружные суды будутъ рѣшать этотъ вопросъ не въ судебномъ, а въ распорядительномъ засѣданіи, какъ желаетъ и докладчикъ.

С. К. Гогель соглашался съ тѣмъ, что вопросъ о досрочномъ освобожденіи, о реабилитаціи заключеннаго долженъ рѣшать судъ; предпочтительнѣе назначить для этого одно судебное учрежденіе: ибо оно выработаетъ соотвѣтствующую практику по отношенію къ оцѣнкѣ данныхъ, необходимыхъ для рѣшенія вопроса, какія требовать свѣдѣнія, откуда, и такъ далѣе. Что касается вопроса о томъ, какимъ путемъ разсматривать дѣло о досрочномъ освобожденіи, то здѣсь не могутъ быть допущены ни свидѣтельскія показанія, ни тѣ доказательства, какія требуются обычно въ судебномъ засѣданіи; но окружный судъ въ свое распорядительное засѣданіе, въ которомъ будетъ разсматриваться вопросъ о досрочномъ освобожденіи даннаго лица, можетъ, конечно, вызвать и тюремныхъ надзирателей, пригласить директора патроната и потребовать другихъ дополнительныхъ свѣдѣній. Что же касается вопроса о возбужденіи ходатайства по досрочному освобожденію, то инициатива въ этомъ отношеніи должна быть предоставлена не только тюремному начальству, но и прокурорскому надзору, наблюдающему за тюрьмами, далѣе членамъ патроната и наконецъ не можетъ быть закрытъ путь подачи прошенія и самимъ обвиняемымъ; инициатива

ничего не предрѣшаетъ и ничѣмъ не связываетъ судъ, рѣшающій дѣло. Это вопросъ чисто судебный, почему въ созданіи особой инстанціи изъ представителей различныхъ учрежденій надобности не встрѣчается.

В. В. Пржевальскій полагалъ, что по вопросу объ инициативѣ слѣдуетъ упомянуть и правленіе или комитетъ общества патроната. Если патронатъ въ Россіи будетъ устроенъ согласно предположенію съѣзда, то при каждой тюрьмѣ возникнетъ общество патроната, члены котораго будутъ посѣщать заключенныхъ въ тюрьмѣ; въ своихъ бесѣдахъ съ осужденными они познакомятся съ личностью преступника лучше, нежели тюремная администрація, ибо заключенный скорѣе откроетъ свою душу частному лицу, нежели начальнику тюрьмы. При томъ же общество патроната будетъ брать на себя и обязанность устроить заключеннаго по его освобожденіи. Нашимъ обществамъ патроната должно быть предоставлено самостоятельное право инициативы, подобно тому, какъ это право предоставлено патронатамъ въ Бельгіи.

В. В. Микляшевскій высказалъ, что вопросъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи представляется однимъ изъ самыхъ трудныхъ для разрѣшенія. Для принятія досрочнаго освобожденія необходимо рѣшить вопросъ о томъ, представляетъ ли данное лицо признаки исправленія, или нѣтъ, можно ли возвратить данное лицо въ нормальную жизнь, или это является преждевременнымъ. Рѣшить вопросъ о степени исправленія заключеннаго можетъ только тотъ, кто близко стоитъ къ дѣлу, кто непосредственно осуществляетъ задачу исправленія, слѣдовательно правильно рѣшить вопросъ можетъ только тюремная администрація. Но для этого нужно прежде создать такую тюремную администрацію, которая не содержала бы только людей въ извѣстномъ пространствѣ, а пересоздавала бы ихъ къ трудовой жизни. Но такой администраціи у насъ нѣтъ. Нужно, значитъ, употребить другія средства. Необходимо передать дѣло судебной власти. Но какимъ образомъ судъ будетъ рѣшать эти дѣла? Судъ самъ не видѣлъ ни Петра, ни Ивана, или видѣлъ ихъ два-три года тому назадъ; исправились ли они, или нѣтъ,—рѣшить трудно. Изъ 250 человекъ, содержащихся въ тюрьмѣ, объ освобожденіи будетъ просить не менѣе 100, которые и создадутъ сто весьма трудныхъ дѣлъ, представляющихъ весьма мало матеріала для правильного разрѣшенія ихъ. Поэтому, хотя мы предоставляемъ рѣшеніе этихъ дѣлъ судебной власти, но гарантіи правильного рѣшенія мы не установили. Для исполненія этой важ-

ной задачи судомъ необходимо возбужденіе вопроса о досрочномъ освобожденіи предоставить компетентному органу, который предварительно разберетъ дѣло и представитъ суду мотивированное предложеніе; у суда будетъ такимъ образомъ матеріалъ для разрѣшенія дѣла. Но нельзя допустить ходатайства о досрочномъ освобожденіи со стороны самого арестанта. Немыслимо, чтобы человекъ самъ заявилъ о себѣ: я исправился, и будьте добры, признайте это. Подобный порядокъ создастъ практику непосильную для судовъ; просидѣвъ треть или двѣ трети срока, заключенный сочтетъ уже себя исправленнымъ и подастъ прошеніе объ освобожденіи; такихъ прошеній будетъ масса. Предоставить инициативу однимъ начальникамъ тюрьмы тоже нельзя, ибо такой порядокъ создастъ почву для развитія лицемѣрія и шпіонства—пороки опасные не только при настоящей плохой тюремной администраціи, но даже при улучшенной; эти пороки такъ опасны, что если они появятся въ тюремномъ зданіи, то нужно будетъ употребить большія усилія для ихъ искорененія; тогда легче будетъ скрыть самое зданіе, чѣмъ устранить эти недостатки. Поэтому ораторъ полагалъ, что одной тюремной администраціи предоставить право ходатайства о досрочномъ освобожденіи нельзя, почему онъ примкнулъ къ предложенію А. Б. Розенблюма, поставившаго вопросъ правильно. Можно допустить ходатайство о досрочномъ освобожденіи и со стороны арестанта, но необходимо установить органъ, который бы представлялъ свое мотивированное предложеніе суду. Подобная коллегія должна состоять прежде всего изъ членовъ патроната, учрежденія коего досрочное освобожденіе требуетъ по необходимости. Но самымъ важнымъ органомъ въ этой коллегіи является священникъ тюрьмы. Ораторъ думаетъ, что исправленіе тюремной администраціи должно начаться прежде всего съ тюремныхъ священниковъ, при чемъ желательно, чтобы священники исполняли обязанности какъ слѣдуетъ. Другимъ членомъ коллегіи долженъ быть врачъ, но врачъ, занимающійся тюремнымъ дѣломъ. Затѣмъ въ коллегіи должно участвовать лицо, завѣдующее непосредственно работами арестантовъ. Начальникъ тюрьмы тоже долженъ участвовать въ этой коллегіи, какъ глава тюрьмы; вводить въ коллегію членовъ городскихъ думъ и земскихъ управъ невозможно, ибо эта коллегія должна состоять только изъ такихъ людей, кои занимаются тюремными сидѣльцами непосредственно. Если при тюрьмѣ существуютъ наблюдательныя комитеты, члены коихъ пользуются правомъ входа въ тюрьмы, то присутствіе ихъ въ коллегіи также желательно. Но,

стѣсняя такимъ образомъ инициативу возбужденія вопроса о досрочномъ освобожденіи, ораторъ признавалъ необходимымъ не слишкомъ расширять примѣненіе досрочнаго освобожденія: доколѣ тюремная администрація не будетъ надлежащимъ образомъ исправлена, досрочное освобожденіе должно быть рекомендовано для внесенія въ законъ лишь съ цѣлью примѣненія его въ будущемъ. Досрочное освобожденіе важно во всѣхъ отношеніяхъ: оно сокращаетъ ограниченіе свободы, возвращаетъ семьянина въ семью, а въ общество—рабочую силу; самое же существенное заключается въ томъ, что лицу дается возможность своею порядочною жизнью вознаграждать свою прежнюю вредную дѣятельность. Если будетъ выпущена треть или двѣ трети заключенныхъ и они примутся за свою прежнюю дѣятельность, то досрочное освобожденіе такихъ людей принесетъ очевидный вредъ. Нужно, слѣдовательно, организовать практику по возможности безошибочную. Необходимо помнить, что мы ставимъ судебную власть въ опасное положеніе. Если можно опасаться, что судебная власть подорветъ довѣріе общества неправильнымъ рѣшеніемъ вопроса о досрочномъ освобожденіи, то слѣдуетъ уже теперь признаться, что досрочное освобожденіе есть институтъ будущаго, что подготовки для него пока нѣтъ; тогда необходимо ограничиться только пересозданіемъ тюремной администрации. Въ заключеніе ораторъ признавалъ необходимымъ отвергнуть право самого арестанта просить о досрочномъ освобожденіи и затѣмъ установить инициативу не единоличную, а коллегіальную въ составѣ прокурора, тюремнаго инспектора, священника, врача, лица, завѣдующаго работою арестантовъ, начальника тюрьмы, двухъ представителей отъ патроната и представителя отъ надзирающихъ комитетовъ. Эта коллегія должна представить суду мотивированное постановленіе, съ заключеніемъ о томъ, что въ данный моментъ извѣстному лицу можетъ быть дано досрочное освобожденіе. О разсмотрѣніи вопроса въ нѣсколькихъ инстанціяхъ здѣсь не можетъ быть и помину.

А. Б. Розенблюмъ замѣтилъ, въ отвѣтъ *С. К. Гогелю*, что онъ не говорилъ о выслушаніи свидѣтелей въ засѣданіи суда, рѣшающаго вопросъ о досрочномъ освобожденіи, но полагаетъ, что если судъ будетъ допрашивать лицъ, подписавшихъ протоколъ о допущеніи досрочнаго освобожденія, то дѣло сведется въ сущности къ чтенію протокола, т. е. къ письменному производству, такъ какъ самого арестанта допрашивать нельзя. Что касается участія общественнаго элемента въ коллегіи о допущеніи досрочнаго освобо-

ждения, то представителямъ земства можетъ быть предоставлено право посѣщать тюрьмы, и при рѣшеніи въ судѣ вопроса о досрочномъ освобожденіи они будутъ играть роль присяжныхъ засѣдатель. Одно изъ самыхъ значительныхъ достоинствъ суда присяжныхъ заключается въ томъ, что присяжные—это люди общества, которые сами себя защищаютъ, и, выпуская арестанта, они скажутъ, что не считаютъ общество въ опасности, если арестантъ будетъ выпущенъ изъ тюрьмы. Далѣе, ораторъ согласился съ мнѣніемъ В. В. Микляшевскаго о невозможности допускать ходатайство о досрочномъ освобожденіи со стороны самого заключеннаго. Затѣмъ А. Б. Розенблюмъ полагалъ, что заявленіе о досрочномъ освобожденіи можетъ исходить не только отъ коллегіи, но и отъ каждаго члена ея; но предоставлять инициативу возбужденія ходатайства о досрочномъ освобожденіи, прокурорскому надзору представляется излишнимъ въ виду его положенія въ тюрьмѣ: ни одинъ начальникъ тюрьмы не возбудитъ вопроса объ освобожденіи, если противъ этого освобожденія будетъ высказываться прокуроръ.

Предсѣдатель Н. С. Таганцевъ напомнилъ, что В. В. Микляшевскій признаетъ инициативу ходатайства только за коллегіей и отрицаетъ право ходатайства какъ самого заключеннаго, такъ и прокурора.

М. В. Духовской, признавая постановку вопроса, сдѣланную В. В. Микляшевскимъ, правильною, не считалъ возможнымъ присоединиться къ мнѣнію А. Б. Розенблюма объ участіи въ коллегіи представителей земства и города, которые имѣютъ свои отдѣльныя функціи. По вопросу объ инициативѣ прокурорскаго надзора оппонентъ полагалъ, что право прокурора, какъ члена коллегіи, должно быть одинаково съ правомъ каждаго изъ членовъ этой коллегіи. Далѣе оппонентъ высказалъ, что вопросъ о досрочномъ освобожденіи можетъ быть рѣшаемъ только судомъ, при чемъ не соглашался съ мнѣніемъ И. Я. Фойницкаго, полагавшаго, что такимъ судомъ можетъ быть только окружный судъ; окружные суды нерѣдко очень удалены отъ уѣздныхъ городовъ, иногда на сотни верстъ; окружнымъ судамъ трудно будетъ собирать необходимыя справки; поэтому М. В. Духовской считалъ, что органомъ, рѣшающимъ вопросъ объ освобожденіи, долженъ быть тотъ мѣстный судъ, который постановилъ рѣшеніе.

Н. В. Давыдовъ, относительно судебныхъ учрежденій, рѣшающихъ вопросъ о досрочномъ освобожденіи, не соглашался съ положеніемъ И. Я. Фойницкаго. Онъ указалъ препятствіе, чисто практическое—слишкомъ большое количество дѣлъ о досрочномъ осво-

божденіи, которое, особенно въ такихъ центральныхъ мѣстахъ, какъ столицы и большіе города, какъ Харьковъ, Одесса и т. п., будетъ поступать въ окружные суды, и теперь уже достаточно обремененные. При указанномъ условіи суды были бы вынуждены исключительно формально, суммарно относиться къ такой серьезной обязанности, какъ допущеніе досрочнаго освобожденія. Поэтому онъ полагаетъ, что слѣдуетъ допустить къ разрѣшенію вопроса о досрочномъ освобожденіи и другіе судебные органы, а именно единоличные или коллегіальные суды той категоріи, которые постановили подлежащій сокращенію приговоръ, а именно: мировые судьи, городскіе судьи, уѣздные члены суда и другіе, при чемъ, однако, дѣла о досрочномъ освобожденіи должны разрѣшаться безъ участія приглашаемыхъ въ судъ, по нѣкоторымъ категоріямъ, представителей общества, какъ то: присяжныхъ засѣдателей и сословныхъ представителей. Далѣе, онъ полагаетъ, что теперь не слѣдуетъ обсуждать и устанавливать подробную организацію и процессуальный порядокъ разсмотрѣнія судомъ дѣлъ о досрочномъ освобожденіи. Это, думается, преждевременно и едва ли входитъ въ задачу съѣзда. Слишкомъ много возникаетъ по этому поводу вопросовъ: такъ, напримеръ, можно ли допустить по рѣшеніямъ суда о досрочномъ освобожденіи апелляцію, каковая, по его мнѣнію, не можетъ имѣть мѣста, обязательно ли на судѣ присутствіе досрочно освобождаемаго и т. д. Всѣ эти детали, несомнѣнно важныя, должны быть обсуждены и установлены законодательнымъ учрежденіемъ. Съѣзду достаточно указать на необходимость передачи рѣшенія вопроса о досрочномъ освобожденіи судамъ извѣстной категоріи; въ этомъ отношеніи онъ въ полной мѣрѣ поддерживает докладъ профессора Пюнтковскаго.

А. А. Пюнтковскій замѣтилъ, что, въ виду ограниченности времени, онъ останавливался лишь на обрисовкѣ общихъ положеній, не подвергая ихъ детальному развитію. Говоря объ органахъ, которымъ слѣдуетъ предоставить право примѣненія условнаго освобожденія, онъ защищалъ необходимость предоставленія этого права суду, ближайшему къ мѣсту заключенія и, во всякомъ случаѣ, равному по своей компетенціи съ судомъ, первоначально постановившимъ обвинительный приговоръ. Онъ одинъ не имѣлъ въ виду передачи разрѣшенія вопроса о примѣненіи условнаго освобожденія суду присяжныхъ или сословныхъ представителей, хотя бы даже первоначальный приговоръ былъ постановленъ этими органами. Онъ глубоко убѣжденъ, что такое предложеніе никѣмъ не можетъ быть

и сдѣлано. Разрѣшеніе вопроса объ условномъ освобожденіи должно разсматриваться въ особо установленномъ порядкѣ. Что касается возможности обжалованія постановленія суда о примѣненіи условнаго освобожденія, то допустить такую возможность, по его мнѣнію, нельзя. Это допущеніе приведетъ лишь къ развитію бумажнаго производства. Лучше предоставить, по истеченіи извѣстнаго промежутка времени, право вторичнаго разсмотрѣнія вопроса объ условномъ освобожденіи, на случай разрѣшенія первоначально этого вопроса въ отрицательномъ смыслѣ.

Наконецъ, г. Пюнтковскій указалъ на необходимость предоставленія заключенному права ходатайствовать о примѣненіи къ нему условнаго освобожденія, для того, чтобы дать заключенному извѣстныя гарантіи противъ возможнаго со стороны тюремныхъ органовъ произвола.

И. Я. Фойнижкій замѣтилъ, что на установленіи апелляціи по разсматриваемымъ дѣламъ онъ не настаиваетъ, желая лишь, чтобы дѣла этого рода получили возможно болѣе однородную организацію.

Г-нъ Каменевъ остановился на томъ положеніи В. В. Микляшевскаго, согласно которому для возбужденія вопроса о досрочномъ освобожденіи нужно знать поведеніе арестанта во время заключенія его въ тюрьмѣ, не лицемѣръ ли онъ, не обманщикъ ли. Съ своей стороны оппонентъ считалъ необходимымъ въ этомъ случаѣ участіе врача, который вопросъ объ исправленіи преступника разсмотритъ съ психической и физической стороны; по мнѣнію оппонента, тюремные врачи должны быть поставлены въ такія матеріальныя условія, чтобы они занимались изслѣдованіемъ преступниковъ во всѣхъ отношеніяхъ, и занимались этимъ изслѣдованіемъ не только по матеріаламъ, собраннымъ тюремнымъ начальствомъ, а чтобы собирали этотъ матеріалъ сами и основательно его описывали; только при собраніи подобнаго рода свѣдѣній участіе врачей въ коллегіи, рѣшающей вопросъ о досрочномъ освобожденіи, будетъ полезно.

С. К. Гогель, по поводу указанія на большой размѣръ работъ окружныхъ судовъ на уѣздныхъ сессіяхъ, указалъ на то, что, хотя имѣются тюрьмы съ населеніемъ въ 200 человѣкъ, но большею частью арестантовъ бываетъ 100 и меньше; около половины этого числа подвергнуты краткосрочному заключенію, и къ нимъ досрочное освобожденіе примѣненія имѣть не будетъ. Что касается прокурорскаго надзора, то участіе его въ разрѣшеніи вопроса о досрочномъ освобожденіи представляется весьма важнымъ: въ тюрьмахъ прокуроръ есть лучъ свѣта и законности, къ нему арестанты обра-

щаются со всякими жалобами и просьбами, прокуроръ иногда разслѣдываетъ самыя пустыя требованія арестантовъ; тюремные инспекторы посѣщаютъ тюрьмы не чаще одного раза въ годъ, прокуроръ же является постояннымъ контролемъ тюремнаго режима, и онъ не можетъ быть устраненъ отъ возбужденія вопроса о досрочномъ освобожденіи арестанта. Что касается инициативы самого арестанта, то нельзя лишить его права просить о досрочномъ освобожденіи, тѣмъ болѣе, что коммисія предварительно должна войти въ разсмотрѣніе просьбы арестанта и можетъ ее представить или не представить въ судъ.

М. М. Боровитиновъ высказалъ мнѣніе, что представители наблюдательныхъ коммисій не могутъ принимать участія въ разрѣшеніи вопросовъ о досрочномъ освобожденіи. Есть два рода наблюдательныхъ коммисій: однѣ принимаютъ участіе въ управленіи тюрьмами, назначаютъ работы и т. п., онѣ существуютъ въ Западной Европѣ и пропагандируются профессоромъ Листомъ, но этого типа Россія не знаетъ. Когда у насъ въ 1884 г. коллегіальное управленіе тюрьмами было замѣнено личнымъ, были введены коммисіи для контроля и надзора, но не принимающія участія въ хозяйственномъ управленіи. Эти коммисіи выборныя, и члены ихъ не могутъ участвовать въ одной коллегіи съ начальникомъ тюрьмы, котораго они должны контролировать.

С. Д. Набоковъ высказалъ, что кляузничанье есть характерная черта заключенныхъ, и когда будетъ объявленъ законъ о досрочномъ освобожденіи, то прошенія отъ арестантовъ о досрочномъ освобожденіи посыпятся безъ конца; они составятъ заработокъ грамотныхъ арестантовъ. Въ тѣхъ семи счастливыхъ городахъ, гдѣ имѣются патронаты, нѣтъ надобности учреждать коллегію для разсмотрѣнія вопроса о досрочномъ освобожденіи; знакомство съ душою арестанта принадлежитъ именно патронату, и онъ вполне компетентенъ въ разрѣшеніи вопроса о возбужденіи ходатайства относительно досрочнаго освобожденія; предоставленіе этого права патронатамъ будетъ кромѣ того лишнимъ двигателемъ къ ихъ созданіямъ.

Затѣмъ, по предложенію предсѣдателя, вопросъ былъ единогласно признанъ исчерпаннымъ, и было приступлено къ голосованію.

Право самого заключеннаго ходатайствовать передъ судомъ о досрочномъ освобожденіи отклонено значительнымъ большинствомъ.

Предложеніе о предоставленіи инициативы ходатайства передъ судомъ о досрочномъ освобожденіи особой коллегіи съ участіемъ въ

ней начальника тюрьмы, священника, завѣдывающаго работами и членовъ патроната, гдѣ онъ существуетъ, принято единогласно.

Предложеніе о включеніи въ составъ коллегіи лицъ отъ общественаго самоуправленія, имѣющихъ право посѣщать тюрьмы, принято большинствомъ 47 голосовъ изъ 56 присутствующихъ.

Принято предложеніе о включеніи въ составъ коллегіи лицъ прокурорскаго надзора и инспектора тюрьмы.

Предложеніе С. Д. Набокова о томъ, чтобы при существованіи патроната ему было предоставлено исключительное право инициативы досрочнаго освобожденія, отвергнуто.

Большинствомъ 33 голосовъ противъ 28 признано, что право ходатайства принадлежитъ судебной коллегіи и членамъ прокурорскаго надзора, но не принадлежитъ подсудимому.

Значительнымъ большинствомъ голосовъ принято предложеніе, что правленіе патроната имѣетъ право самостоятельнаго ходатайства передъ судомъ о досрочномъ освобожденіи арестанта.

Предсѣдатель резюмировалъ голосованіе объ инициативѣ такимъ образомъ, что инициатива принадлежитъ особой коллегіи, членамъ прокурорскаго надзора и патронатамъ.

Приступлено къ голосованію вопроса, кто будетъ разрѣшать ходатайство о досрочномъ освобожденіи. Предложенъ на голосованіе вопросъ о томъ: предоставить ли рѣшеніе этого вопроса исключительно окружному суду, или допустить компетенцію и другихъ судовъ, не входя въ обсужденіе какихъ именно.

Въ пользу исключительной компетенціи окружныхъ судовъ высказалось меньшинство присутствующихъ, и принято предложеніе Н. В. Давыдова и докладчика о компетентности какъ окружныхъ судовъ, такъ и другихъ судовъ единоличныхъ и коллегіальныхъ.

По вопросу о томъ, въ какомъ порядкѣ суды будутъ разсматривать ходатайство о досрочномъ освобожденіи, постановлено: подробности объ этомъ предметѣ не опредѣлять, а сказать только „въ особо установленномъ порядкѣ“.

Затѣмъ 32 голосами противъ 30 принято предложеніе включить въ предыдущую резолюцію постановленіе о томъ, что суды разсматриваютъ вопросъ о досрочномъ освобожденіи не въ общемъ порядкѣ, а въ распорядительномъ засѣданіи.

М. В. Духовской отъ голосованія своей поправки отказался.

Вопросъ о присутствіи въ засѣданіи подсудимаго отклоненъ значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Предложеніе о томъ, что отказъ въ ходатайствѣ о досрочномъ

освобожденіи не исключаетъ возможности возобновленія ходатайства черезъ извѣстный срокъ, принято единогласно.

Объявленъ перерывъ на 5 минутъ. Засѣданіе возобновлено въ 12 часовъ 40 мин.

Предсѣдатель предложилъ голосовать резолюцію по вопросу объ обязанностяхъ, лежащихъ на освобожденномъ во время нахождения его на свободѣ. Налагаемыя на него обязанности слѣдующія:

1) не совершать новыхъ преступныхъ дѣяній, что можетъ повлечь возвращеніе освобожденнаго въ тюрьму; 2) возвращеніе въ тюрьму вызывается также нарушеніемъ специальныхъ правилъ, установленныхъ для лицъ, условно освобожденныхъ, относительно выбора и перемѣны мѣстожительства; 3-е) условіе касается уклоненія освобожденнаго отъ вознагражденія потерпѣвшаго въ причиненныхъ ему убыткахъ; 4-ое) условіе касается срока, въ теченіе котораго освобожденный долженъ находиться подъ специальнымъ режимомъ; нормально это есть срокъ назначеннаго ему по закону наказанія.

В. Д. Набоковъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній по вопросу о томъ, на какихъ условіяхъ допустимо возвращеніе освобожденнаго назадъ въ тюрьму. Если будетъ принято освобожденіе изъ каторжной тюрьмы, то лицо освобожденное должно быть возвращено въ случаѣ дурнаго поведенія. Оппонентъ высказывается противъ этого правила и полагаетъ, что для возвращенія каторжника нужно требовать совершенія новаго преступнаго дѣянія. Говорятъ, что если освобожденъ каторжникъ, то онъ возвращается собственно не за дурное поведеніе, а для выполненія первоначальнаго наказанія. Оппонентъ съ этимъ несогласенъ и требуетъ, чтобы условіе возвращенія было поставлено узко, ограниченно; если требовать отъ каторжника хорошаго поведенія и возвращать на каторгу за дурное поведеніе, то это представить для него ухудшеніе прежняго положенія. Въ тюрьмѣ можно понять условія хорошаго поведенія: склонность къ труду, исполненіе обязанностей, отсутствіе столкновеній съ установленными правилами. Но что значитъ хорошее поведеніе на свободѣ? Всякое буйство въ ресторанѣ, съ извощикомъ, всякое мелочное уклоненіе отъ порядка составитъ въ глазахъ полиціи основаніе для возвращенія на каторгу. Поэтому, относительно каторжныхъ тюремъ и исправительныхъ домовъ условіемъ возвращенія можетъ быть только совершеніе уголовнаго преступленія или проступка. Относительно срока, по истеченіи котораго допустимо освобожденіе, оппонентъ высказалъ слѣдующее въ дополненіе къ предложенію докладчика: докладчикъ предполагаетъ, что заключен-

ный можетъ быть освобожденъ изъ исправительнаго дома по истеченіи 10 мѣсяцевъ изъ 15-мѣсячнаго срока содержанія; если принять предложеніе надзора въ теченіе недосиженнаго срока, то для исправительнаго дома 5-мѣсячный надзоръ представляется не достаточнымъ; для недолгосрочныхъ осужденныхъ нужно принять минимумъ одинъ годъ, максимумъ четыре года надзора, для каторжниковъ останется недосиженнымъ срокъ, на который сокращается наказаніе.

В. А. де-Плансонъ обратилъ вниманіе на то, что для возвращенія освобожденнаго обратно въ тюрьму нужно установить условія, опредѣленные точно и рѣзко. Если тюремная администрація и судъ ошиблись, и освобожденный подлежитъ возвращенію въ тюрьму, то установить тѣ проступки или преступленія, кои могутъ влечь за собою такое послѣдствіе, но нельзя возвращать просто изъ за дурнаго поведенія. Если освобожденный каторжникъ укралъ изъ нужды, то за это вернуть его на каторгу будетъ жестоко; какая-нибудь драка еще не говоритъ о той злой волѣ, которая привела осужденнаго къ каторгѣ. Далѣе, по вопросу объ обязательномъ мѣстѣ жительства для досрочно освобожденныхъ оппонентъ находилъ нераціональнымъ заставлятъ ихъ жить тамъ, гдѣ они не могутъ найти заработка; нужно исходить изъ довѣрія къ личности, одна угроза возвращенія въ тюрьму въ случаѣ совершенія новаго преступления уже будетъ достаточно стимулировать лицо къ нормальной жизни. Оппонентъ высказался противъ условія о злонамѣренномъ уклоненіи отъ вознагражденія убытковъ. Спрашивается, кто будетъ наблюдать за этимъ уклоненіемъ, кто установитъ его? Пока уклоненіе не проявилось въ извѣстномъ проступкѣ, указанномъ въ законѣ, освобожденнаго нельзя возвращать. Досрочное освобожденіе есть коррективъ судебного приговора, котораго оно не должно колебать; поэтому если освобожденный совершилъ преступленіе, то онъ долженъ отбывать срокъ наказанія, назначеннаго въ приговорѣ за старое преступленіе.

М. В. Духовской согласился съ тѣмъ, что первымъ условіемъ для возвращенія должно быть совершеніе преступленія, влекущее за собою тюрьму, но находилъ неточную редакцію другаго условія, заключающагося въ самовольномъ оставленіи назначеннаго освобожденному мѣстожительства. Это требованіе знаютъ военные законы, но и тамъ говорится о побѣгѣ, объ укрывательствѣ; если ссыльно-поселенецъ уйдетъ за полверсты на прогулку или на охоту, то это можетъ быть признано, строго говоря, самоволь-

нымъ оставленіемъ назначеннаго мѣстожителства. Такой терминъ представляется неудовлетворительнымъ, нужно принять терминъ: укрывательство, побѣгъ и т. п. Относительно того условія, что преступникъ не желаетъ вознаградить потерпѣвшаго, оппонентъ остался при убѣжденіи, что этого обстоятельства нельзя игнорировать, нельзя забывать лицъ разоренныхъ преступленіемъ, лицъ пущенныхъ преступникомъ по міру, — преступникомъ, который припряталъ украденныя деньги и имѣя возможность обезпечить или вознаградить потерпѣвшаго, уклоняется отъ этой возможности.

В. В. Пржевальскій полагалъ, что основаніемъ для возвращенія освобожденнаго можетъ быть лишь совершеніе преступленія или проступка. Но не всякое преступленіе и проступокъ можетъ свидѣтельствовать объ устойчивости преступной энергіи лица; объ этомъ могутъ свидѣтельствовать только очень немногія точно-опредѣленные правонарушенія; вернуть на каторгу за недалній выѣздъ безъ разрѣшенія полиціи нельзя; освобожденный можетъ быть лишенъ льготы только за преступленія и проступки противъ жизни, тѣлесной неприкосновенности, противъ имущества и противъ нравственности; если преступникъ подвергнутъ заключенію въ тюрьмѣ за кражу и, будучи освобожденъ, совершилъ политическій проступокъ, то неужели это доказываетъ устойчивость его преступной любостыжательности? Такое лицо можетъ быть возвращено только въ случаѣ совершенія новой кражи.

В. В. Микляшевскій высказалъ, что институтъ условнаго освобожденія возникъ давно, и имѣетъ за собою обширное примѣненіе, но его не слѣдуетъ здѣсь разсматривать въ подробностяхъ. Точкою отправленія при досрочномъ освобожденіи является исправленіе человѣка; если же освобожденный предположенія объ исправленіи не оправдалъ, то значитъ наказаніе не достигло своей цѣли и досрочно освобожденнаго нужно вернуть въ тюрьму. Вездѣ, гдѣ возникъ и примѣнялся институтъ досрочнаго освобожденія, условіемъ возвращенія въ тюрьму ставилось дурное поведеніе. Но что такое хорошее поведеніе? Человѣкъ можетъ совершить преступленіе при хорошемъ поведеніи, и тѣмъ не менѣе онъ не заслуживаетъ возвращенія назадъ въ тюрьму. Человѣкъ кралъ въ продолженіе всей жизни, мы его освободили, и онъ новой кражи не совершилъ, но убилъ изъ ревности; брать отъ него назадъ условное освобожденіе нельзя. Въ этомъ отношеніи каждый данный случай долженъ быть обоснованъ подробно. Черезъ руки оппонента прошло болѣе 200 освобожденныхъ, и только въ одномъ случаѣ пришлось взять осво-

божденіе назадъ, да и то причина этого взятія назадъ не имѣла ничего общаго съ преступленіемъ. Досрочно освобожденный долженъ жить правильной гражданской жизнью. Если онъ совершитъ преступленіе, то подлежитъ возвращенію назадъ; но если онъ совершилъ такое правонарушеніе, за которое можетъ быть наказанъ штрафомъ или арестомъ, то изъ за этого нѣтъ основанія возвращать его въ тюрьму. Единственнымъ основаніемъ для такого возвращенія можетъ быть совершеніе однороднаго преступленія; формула, что освобожденный возвращается въ тюрьму при совершеніи преступленія противъ имущества, противъ нравственности и т. д., представляется неточною. Нужно ли прибавить къ наказанію за новое преступленіе наказаніе прежнее, которое освобожденный не отбылъ,—это рѣшитъ судъ. Въ настоящее время мы должны разсматривать вопросъ въ самой общей формулировкѣ. По вопросу объ отлучкѣ изъ назначеннаго мѣстожителства, ораторъ высказалъ, что отлучку будутъ свидѣтельствовать органы, заслуживающіе мало довѣрія. Лицо можетъ уѣхать на полгода, и полиція объ этомъ не будетъ знать, а, съ другой стороны, человѣкъ можетъ быть преслѣдуемъ за переходъ небольшого ручья. Что касается вопроса о вознагражденіи потерпѣвшаго, то ростовщикъ нажилъ милліоны и намѣренно не желаетъ вознаградить причиненные имъ убытки; это будетъ доказывать, что онъ ведетъ себя нехорошо, потому что подтверждаетъ свои прежнія дѣянія. Для рѣшенія всѣхъ подобныхъ вопросовъ, нужно предоставить полный просторъ суду. Вопросъ о срокѣ важенъ съ юридической точки зрѣнія. Благодѣяніе не можетъ соединяться съ существеннымъ ограниченіемъ права. Если человѣкъ лишенъ свободы на два года, то при досрочномъ освобожденіи нельзя ограничивать его свободу сверхъ этого срока. Поэтому срокъ вторичнаго заключенія можетъ быть только одинъ, а именно до предѣла, опредѣленнаго судебнымъ приговоромъ, и если заключеніе сокращено на три мѣсяца, то надзоръ долженъ продолжаться три мѣсяца; для наказанныхъ пожизненно этотъ срокъ долженъ быть опредѣленъ въ 10 лѣтъ. Въ заключеніе оппонентъ высказался за такую редакцію; взять назадъ условное освобожденіе можетъ подлежащій органъ при нехорошемъ поведеніи условно освобожденнаго въ теченіе срока оставшагося невыполненнымъ наказанія.

С. К. Гогель полагалъ, что В. В. Микляшевскій смѣшиваетъ рецидивъ съ досрочнымъ освобожденіемъ; при рецидивѣ наказаніе возвышается, а при досрочномъ освобожденіи мы имѣемъ льготу; для возврата въ тюрьму нѣтъ основанія требовать однородности

преступленія; достаточно, чтобы было совершено какое-либо преступленіе, необходимо указать минимумъ, все равно какое, такъ что основаніе для возврата будетъ всегда, когда совершено дѣяніе, влекущее за собою наказаніе не менѣе тюремнаго заключенія. Относительно срока оппонентъ находилъ неудобнымъ указывать, что испытательный періодъ долженъ продолжаться все время, остающееся отъ части наказанія. Это будетъ срокъ или слишкомъ короткий, или слишкомъ долгій; при небольшомъ остаткѣ срока испытаніе можетъ не закончиться, при долгосрочныхъ же наказаніяхъ и оказанномъ хорошемъ поведеніи остающійся долгій періодъ времени падеть излишней тяжестью на заключеннаго. Поэтому оппонентъ признавалъ за лучшее установить, чтобы судъ, допустившій досрочное освобожденіе, опредѣлялъ въ то же время и срокъ испытательнаго періода.

Н. В. Баснинъ высказался въ пользу однородности преступленія, какъ условія для возврата въ тюрьму, такъ какъ совершеніе другихъ правонарушеній, не подходящихъ подъ состоявшійся судебный приговоръ, безразлично какъ для досрочнаго освобожденія, такъ и для возврата.

С. Ф. Саловъ высказался противъ испытательнаго срока до истеченія назначеннаго наказанія.

А. Б. Розенблумъ не соглашался съ предложеніемъ *М. В. Духовскаго* относительно включенія въ число условій для возврата—злонамѣреннаго неплатежа долга, такъ какъ злонамѣренность неплатежа есть признакъ злостнаго банкротства, за которое преступникъ можетъ подлежать особому суду. Кромѣ того существуетъ законъ, по которому лицо можетъ быть вызвано въ судъ для дачи показанія о средствахъ удовлетворенія долга, и оно можетъ быть потомъ предано суду за дачу ложнаго показанія.

В. В. Пржевальскій обратилъ вниманіе на то, что если мелкія нарушенія не будутъ имѣть послѣдствіемъ возвращенія освобожденнаго въ тюрьму, то незачѣмъ объ этомъ писать въ законѣ. Оппонентъ обратилъ также вниманіе на то, что случаи нехорошаго поведенія будутъ опредѣляться на основаніи донесеній становыхъ или частныхъ приставовъ, между тѣмъ институтъ полицейскаго надзора имѣетъ весьма печальную практику и справедливо вычеркнуть изъ новаго кодекса. Оппонентъ считалъ поэтому правильнымъ возвращать въ тюрьму только за преступленіе, а не за дурное поведеніе; нельзя также условіемъ возврата ставить проступокъ, такъ

какъ за проступокъ можетъ быть назначена и тюрьма, и одинъ день ареста.

Предсѣдатель резюмировалъ пренія въ слѣдующихъ словахъ: В. В. Микляшевскій полагаетъ ограничиться общимъ постановленіемъ, что суду принадлежитъ право признать, что подсудимый велъ себя на свободѣ не такъ, какъ предполагалось, что онъ не былъ хорошаго поведенія и на этомъ основаніи судъ можетъ постановить о возвращеніи освобожденнаго въ тюрьму; другіе ораторы условіемъ возвращенія ставятъ совершеніе преступныхъ дѣяній, за которыя освобожденные могутъ подлежать наказанію тюрьмой; наконецъ, третіи указываютъ что условіемъ возврата въ тюрьму можетъ быть совершеніе преступленій противъ жизни, противъ имущества и противъ нравственности.

На баллотировку по единогласному желанію съѣзда поставлено первое предложеніе, какъ болѣе широкое.

За предложеніе В. В. Микляшевскаго высказалось 35 голосовъ, противъ предложенія 30. Остальныя предложенія признаны отпавшими.

Признано также не требующимъ баллотировки, какъ отпавшія, предложенія о томъ, чтобы въ число условій возврата было поставлено нарушеніе правилъ, установленныхъ для мѣстожительствва условно освобожденнаго.

Предложеніе о злонамѣренномъ отказѣ о вознагражденіи потерпѣвшаго какъ условіи возврата отклонено собраніемъ.

Предложеніе о томъ, чтобы испытательный срокъ опредѣлялся временемъ, оставшимся для досиживанія въ тюрьмѣ, принято значительнымъ большинствомъ.

Предсѣдатель предложилъ затѣмъ на обсужденіе вопросъ о томъ, кому должна принадлежать инициатива заявленія, что условно освобожденный подлежитъ возврату, предполагая, что органомъ, рѣшающимъ вопросъ, будетъ судъ ближайшій къ мѣсту жительства осужденнаго.

В. В. Микляшевскій находилъ, что указанія на патронаты, у насъ почти не существующіе, и на полицію должны быть признаны недостаточными, въ виду чего полагалъ, что каждый имѣетъ право обратиться въ судъ съ требованіемъ о возвратѣ досрочно освобожденнаго въ тюрьму.

М. В. Духовской возразилъ, что тогда каждый будетъ имѣть право тянуть выпущенника къ суду; тогда разовьется и шпіонство, доносы, и положеніе освобожденнаго будетъ хуже тюрьмы. Инициа-

торомъ возврата можетъ быть патронатъ; тамъ же, гдѣ нѣтъ патроната, прійдется остановиться на полиціи, сообщенія которой будутъ подлежать разсмотрѣнію суда.

В. В. Микляшевскій предложилъ поправку о томъ, чтобы инициатива возврата принадлежала не полиціи и не патронатамъ, а прокурорскому надзору, къ которому долженъ обращаться каждый заявляющій о необходимости возврата освобожденнаго изъ тюрьмы.

Д. А. Дриль не соглашался съ предложеніемъ *В. В. Микляшевскаго*, указавъ на то, что въ Сибири возникаютъ очень некрасивыя исторіи по заявленіямъ разныхъ лицъ о поведеніи ссыльныхъ, допускаемыхъ къ занятіямъ въ разныхъ городскихъ учрежденіяхъ. *Д. А. Дриль* предложилъ призывъ къ участию въ этомъ дѣлѣ попечительствъ о лицахъ, впадающихъ въ нужду.

В. В. Пржевальскій находилъ, что если на городскія благотворительныя учрежденія возложить полицейскія обязанности по отношенію къ лицамъ, не обращающимся къ нимъ за помощью, то это подорветъ довѣріе населенія къ благотворительнымъ учрежденіямъ; оппонентъ не соглашался далѣе съ предложеніемъ *В. В. Микляшевскаго* и полагалъ, что возбуждать вопросъ о возвратѣ условно освобожденнаго въ тюрьму, кромѣ лицъ прокурорскаго надзора, могутъ и общества патроната.

Предсѣдатель поставилъ на баллотировку предложеніе о томъ, что возбуждать дѣла о возвращеніи условно освобожденнаго въ тюрьму могутъ исключительно лица прокурорскаго надзора.

Въ пользу этого предложенія высказалось 34 голоса, противъ него 35.

Д. А. Дриль отказался отъ своего предложенія.

Затѣмъ признано, что право возбуждать дѣла о возвратѣ въ тюрьму принадлежитъ: прокурорскому надзору, патронатамъ и, само собою разумѣется, суду.

Предсѣдатель, выразивъ признательность членамъ, участвовавшимъ въ обсужденіи вопроса о досрочномъ освобожденіи, и констатировавъ внимательное отношеніе съѣзда къ этому вопросу, объявилъ пренія прекращенными и закрылъ засѣданіе въ 1 ч. 55 мин.

Въ слѣдующемъ засимъ засѣданіи 7 апрѣля *И. Я. Фойницкій* представилъ собранію положенія по вопросу объ условномъ досрочномъ освобожденіи, формулированныя *Н. С. Таганцевымъ* согласно состоявшимся на съѣздѣ резолюціямъ; эти положенія приняты съѣздомъ единогласно (см. ниже, засѣданіе 7 апрѣля).

У. Сообщенія П. И. Астрова и о. I. И. Фудель.

(Засѣданіе 6 апрѣля).

Засѣданіе открыто въ 2 ч. 5 мин. дня подъ предсѣдательствомъ князя В. М. Голицына.

П. И. Астровъ представилъ свое сообщеніе „Объ открытомъ похищеніи малоцѣнныхъ предметовъ продовольствія для немедленнаго ихъ потребленія“ ¹⁾. Собраніе, по предложенію предсѣдателя, выразило докладчику благодарность единодушными аплодисментами.

Затѣмъ от. *I. И. Фудель* доложилъ собранію слѣдующее сообщеніе:

„Съ разрѣшенія комитета группы имѣю честь предложить вашему вниманію нѣсколько соображеній „объ условіяхъ нравственнаго воздѣйствія на заключенныхъ“. Не новизна этого вопроса и не детальность его разработки побудили меня на этотъ шагъ, а только сознаніе его исключительной *важности* въ ряду иныхъ вопросовъ уголовной политики. Ибо что же можетъ быть важнѣе вопроса о нравственномъ состояніи отдѣльныхъ лицъ или цѣлой группы ихъ, въ какомъ бы положеніи они ни находились. И мнѣ кажется совершенно безспорной та истина, что, каковы бы ни были нормы уголовного права, съ какой бы точки зрѣнія мы ни смотрѣли на цѣль наказанія, *каждый осужденный долженъ быть поставленъ въ тѣ условія, кои наиболее обезпечиваютъ его нравственное исправленіе*. Это совершенно согласно и съ интересами общественной безопасности, и съ требованіями простой справедливости, не говоря уже о высшихъ требованіяхъ христіанскаго человѣколюбія.

Каковы же эти условія?

Въ общемъ они очень разнообразны, но ихъ всѣ можно свести къ тремъ группамъ или категоріямъ.

Къ первой категоріи принадлежитъ все то, что составляетъ *внѣшнюю обстановку* жизни заключеннаго за время отбыванія имъ наказанія. Почему эти условія надо поставить на первомъ мѣстѣ,—понятно. Прежде, чѣмъ дѣйствовать положительнымъ путемъ на заключеннаго, нужно создать для этого благоприятную атмосферу, т. е. удалить изъ нея все, что этому дѣйствию препятствуетъ. О всѣхъ нашихъ мѣстахъ заключенія составилось нелестное мнѣніе, что они

¹⁾ Напечатано въ приложеніяхъ къ протоколамъ комитета за 1900 г., бюллет. № 12 (Жур. Мин. Юст. 1900, Декабрь).

дѣйствуютъ на заключенныхъ развращающимъ образомъ. Мнѣніе основательное. Развращающее вліяніе тюрьмы, для всѣхъ очевидное, имѣетъ своей причиной: смѣшеніе всѣхъ осужденныхъ въ одну массу и ихъ полную бездѣятельность. Стало быть, первая мѣра нравственнаго оздоровленія тюрьмы—самое строгое по возможности примѣненіе въ мѣстахъ заключеній принципа индивидуализаціи заключенныхъ и занятіе ихъ работами. Всякая тюрьма, безъ различія наименованій, должна быть прежде всего синонимомъ работнаго дома. Каждый, осужденный и на самый маленькій, и на самый большой срокъ, долженъ быть изолированъ отъ вліянія худшихъ и наиболѣе порочныхъ сотоварищей, а всѣ осужденные безъ различія категорій должны быть заняты трудомъ.

Къ этому необходимо присоединить еще одно условіе. Не безразлично для нравственнаго состоянія лицъ осужденныхъ,—кому ввѣряется забота о нихъ во время заключенія. Давно извѣстно нравственное значеніе личнаго примѣра въ дѣлѣ воспитанія. И въ тюремномъ режимѣ игнорировать эту истину нельзя тѣмъ болѣе, что арестантская масса чрезвычайно чувствительна къ малѣйшему колебанію нравственной атмосферы, коей она окружена. Эта болѣзненная чувствительность между прочимъ зависитъ и отъ того, что въ темномъ сознаніи заключенныхъ высота и святость карающаго закона переносится на ближайшихъ къ нимъ представителей законной власти. Благодаря этому, воспитательное значеніе уголовной кары совершенно умалывается, если лица тюремнаго надзора не стоятъ на высотѣ своего призванія. Честность, исполнительность, прямотушіе, справедливость всѣхъ лицъ тюремной администраціи, начиная съ начальника мѣста заключенія и кончая низшимъ служителемъ, является лучшимъ средствомъ воспитанія добрыхъ качествъ заключенныхъ. Поэтому постоянное улучшеніе личнаго состава надзора такъ же необходимо, какъ разобщеніе заключенныхъ и занятіе ихъ трудомъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію слѣдующей группы условій воздѣйствія на заключенныхъ, условій положительнаго характера. Главное значеніе имѣетъ здѣсь, конечно, воздѣйствіе *религіозное* на душу заключеннаго.

Не стану останавливаться на значеніи религіи, какъ основы нравственнаго воспитанія человѣка. Скажу только, что главная подавляющая масса нашихъ заключенныхъ—это все тотъ же сѣрый простой, деревенскій людъ, брошенный на путь преступленій или слабостью внутреннихъ нравственныхъ импульсовъ, или неблаго-

пріятнымъ стеченіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Это все тѣ же въ глубинѣ сердца вѣрующіе люди, часто лишь обманывающіе другихъ или себя напускнымъ невѣріемъ и ожесточеніемъ. И они нуждаются въ иныхъ случаяхъ религіознаго просвѣщенія, въ иныхъ—утѣшенія. То и другое въ полной мѣрѣ возможно лишь въ томъ случаѣ, если въ тюрьмѣ есть своя церковь и свой духовникъ.

Храмъ Божій и богослуженіе занимаютъ центральное мѣсто въ духовной жизни cadaго христіанина. Совсѣмъ особенное значеніе имѣетъ храмъ въ жизни заключенныхъ. Здѣсь въ суровой и мрачной обстановкѣ, на многихъ дѣйствующей угнетающимъ образомъ, праздничное, торжественное богослуженіе въ свѣтломъ, благолѣпномъ храмѣ—это то же самое, что животворный лучъ солнца въ полумракѣ подземелья. Для иного осужденнаго только и осталось въ жизни утѣшеніе—благодатное воздѣйствіе храма и молитвы; а иной здѣсь, въ храмѣ чуть ли не впервые только и вслушивается въ слова покаянныхъ молитвъ и псалмовъ, коими такъ богато наше богослуженіе. Но во всякомъ случаѣ то несомнѣнно, что къ какой бы категоріи осужденный ни принадлежалъ, онъ—самый безправный, самый отверженный—только въ храмѣ Божіемъ чувствуетъ себя и сознаетъ полноправнымъ членомъ церкви Христовой. А это одно способно не только поддержать колеблющагося человѣка, но и возродить къ новой жизни погибавшаго.

Выдающаяся роль въ дѣлѣ нравственнаго воздѣйствія на заключенныхъ принадлежитъ тюремному священнику. Его задачи здѣсь такъ обширны и растяжимы, что опредѣлить ихъ точно не представляется возможнымъ. Его вліяніе можетъ быть такъ велико и плодотворно, что уравниваетъ собой всѣ инныя нравственныя недочеты тюремной жизни и обстановки. Надо принять въ соображеніе, что тюремный священникъ есть единственный неофициальный человѣкъ, который всегда можетъ стать непосредственно лицомъ къ лицу съ душою заключеннаго, и не столько какъ духовникъ, а какъ представитель и проповѣдникъ того иного міра, въ коемъ нѣтъ различія между эллиномъ и іудеемъ, рабомъ и свободнымъ, но *всѣ* сыны Божіи по вѣрѣ во Христа Іисуса (Гал. III, 26). Это положеніе священника, несравнимое ни съ чѣмъ другимъ, отворяетъ ему дверь во внутреннее души самаго закоренѣлаго преступника. А когда тотъ же преступникъ, съ очищенной покаяніемъ совѣстью, примиренный съ Богомъ, ищетъ себѣ поддержки и утѣшенія, кто ему несетъ это искреннее сердечное и *дѣйствительное* слово утѣшенія? Тотъ же священникъ. Особенно теперь, когда доступъ въ мѣста

заключенія для постороннихъ лицъ сталъ невозможенъ и участіе въ нравственномъ положеніи заключенныхъ предоставлено главнымъ образомъ одному священнику.

При такомъ положеніи дѣла, нравственное вліяніе и значеніе священника въ тюрьмѣ обуславливается преимущественно не совершеніемъ богослуженія только, не количествомъ произнесенныхъ проповѣдей съ церковнаго амвона, не бесѣдами съ массой заключенныхъ сразу, а *личнымъ общеніемъ* съ каждымъ изъ нихъ. Только въ этомъ личномъ общеніи залогъ успѣха его нравственнаго воздѣйствія на всю массу въ цѣломъ.

Третью группу условій, благоприятно воздѣйствующихъ на нравственное состояніе заключенныхъ, составляютъ всѣ *общеобразовательныя* учрежденія въ мѣстахъ заключеній. На первомъ мѣстѣ здѣсь должна быть поставлена библіотека.

Книга сама по себѣ въ отдѣльности не имѣетъ нравственнаго значенія. Это еще слишкомъ незначительная величина въ общей суммѣ разнообразныхъ тюремныхъ вліяній и впечатлѣній. Но извѣстный *подборъ* книгъ можетъ быть прекраснѣйшимъ орудіемъ воздѣйствія на читающаго. Это уже величина крупная, коей можетъ пользоваться завѣдующій библіотекой съ большимъ успѣхомъ. Но для этого нужно, чтобы подборъ книгъ для тюремной библіотеки былъ сдѣланъ не кое-какъ, а очень тщательно, обдуманно, по извѣстному плану, съ знаніемъ того, что можетъ быть полезно, а что бесполезно извѣстной категоріи заключенныхъ при данномъ состояніи ихъ умственнаго и нравственнаго развитія.

Это цѣлая наука и довольно трудная наука, но за то и результатъ ея прекрасенъ. Всякая же иная библіотека съ *случайнымъ* составомъ книгъ, что сплошь и рядомъ бываетъ, когда библіотека составляется изъ частныхъ пожертвованій, теряетъ всякое серьезное нравственное значеніе и превращается въ орудіе развлеченія заключенныхъ. О такой не можетъ быть серьезной рѣчи.

Все сказанное о библіотекахъ приложимо и къ тѣмъ чтеніямъ, которыя устраиваются въ тюрьмахъ для заключенныхъ. Если матеріаль для этихъ чтеній подобранъ по извѣстному плану, разумно, т. е. сообразно нравственной потребности слушателей и ихъ душевнаго настроенія, тогда можно ожидать хорошихъ нравственныхъ результатовъ отъ этихъ чтеній.

Совершенно особое мѣсто въ ряду общеобразовательныхъ учреждений тюрьмы занимаетъ школа. Трудно говорить о *прямомъ* нравственномъ значеніи школьнаго обученія заключенныхъ. Грамотность

сама по себѣ не дѣлаетъ человѣка лучшимъ; она есть не болѣе, какъ орудіе въ ту или другую сторону. Тѣмъ не менѣе устройство въ тюрьмѣ даже примитивной школы грамоты имѣетъ косвенное нравственное значеніе, и вотъ по какимъ причинамъ: прежде всего занятіе въ школѣ есть для заключеннаго трудъ, отвлекающій его отъ праздности; если же ему приходится учиться въ промежутокъ между физическимъ трудомъ, то умственный трудъ въ школѣ дѣйствуетъ на него освѣжающимъ образомъ. Затѣмъ, заключенный, выучившійся грамотѣ, тотчасъ же обращается къ тюремной библиотекѣ и можетъ извлечь изъ нея для себя все то доброе, что она въ состояніи дать. Наконецъ, можно представить себѣ и прямое доброе воздѣйствіе въ школѣ на заключенныхъ со стороны выдающагося и заслужившаго общее уваженіе учителя.

Вотъ, кажется, и все, что можно сказать объ условіяхъ нравственнаго воздѣйствія на заключенныхъ. Само собой разумѣется, что условія эти не равноцѣнны. Нѣкоторыя болѣе важны, а инныя менѣе. Условія религіозно-нравственнаго характера я ставлю на первомъ мѣстѣ и думаю, что безъ нихъ какого-либо положительнаго результата нигдѣ нельзя достигнуть. Но точно также понятно, что достиженіе наибольшаго результата въ этомъ смыслѣ возможно лишь тамъ, гдѣ будетъ полное гармоническое сочетаніе *всѣхъ* вышеуказанныхъ условій вмѣстѣ.

Обратимся же теперь къ вопросу о практическомъ осуществленіи этихъ условій въ жизни. Что до сихъ поръ сдѣлано и дѣлается въ этомъ направленіи?

Относительно условій первой категоріи необходимо сказать, что осуществленіе ихъ поставлено на твердую почву. Не только въ теоріи для всѣхъ стало истиной, что различныя группы заключенныхъ должны быть изолированы другъ отъ друга и что тюрьма не должна быть школой праздности, но и на практикѣ мы видимъ постепенное осуществленіе этихъ принциповъ. Центральная тюремная администрація неуклонно стремится въ послѣднее время къ проведенію этихъ началъ въ тюремной жизни. Можно, конечно, быть недовольнымъ слишкомъ медленнымъ движеніемъ въ этомъ направленіи, но это уже другой вопросъ. Главное то, что разъ принята извѣстная система, она рано или поздно будетъ проведена въ жизнь. Я лично могу въ данномъ случаѣ высказать лишь одно опасеніе: я боюсь, что при нашей способности увлекаться однимъ какимъ-либо предметомъ мы и здѣсь можемъ впасть въ крайность. Увлеченіе арестантскими работами переноситъ центръ тяжести изъ

области нравственной въ область экономическую; а это нежелательно. Въ нравственномъ отношеніи полезно приучать заключеннаго къ труду, но еще полезнѣе изолировать его отъ болѣе порочныхъ со-товарищей.

Далѣе, относительно улучшенія состава тюремной администраціи можно констатировать и въ этомъ случаѣ стремленіе тюремнаго управленія осуществить требованіе теоріи. Многое въ этомъ смыслѣ дѣлается, многое еще ожидается. Не могу только согласиться съ мнѣніями тѣхъ, кто полагаетъ, что низшій и средній персоналъ тюремной администраціи у насъ сравнительно удовлетворителенъ и не требуетъ улучшенія. Я совершенно иного мнѣнія. Не стану распространяться въ доказательствахъ, замѣчу только, что наибольшее нравственное вліяніе на заключенныхъ могутъ имѣть тѣ лица тюремнаго надзора, кои имѣютъ постоянное и непосредственное соприкосновеніе съ ними, т. е. надзиратели. Этой мыслью между прочимъ руководился Московскій Дамскій Благотворительно-Тюремный Комитетъ, устраивая свою школу тюремныхъ надзирательницъ. Насколько эта школа достигаетъ своей цѣли, трудно говорить по непродолжительности опыта. Но нельзя пройти мимо, не упомянувши съ благодарностью объ этомъ добромъ начинаніи Дамскаго Комитета.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію условій второй категоріи, условій религіознаго воздѣйствія на заключенныхъ. Здѣсь мы вступаемъ въ область добрыхъ намѣреній и совершенно случайнаго осуществленія ихъ. Можно съ увѣренностью сказать, что только меньшинство заключенныхъ во время отбыванія наказанія находятся подъ благотворнымъ религіознымъ вліяніемъ. Для большинства же это вліяніе въ томъ смыслѣ, какъ я раньше указывалъ, является только мечтой. Начнемъ съ самаго перваго и важнаго дѣла—устройства храма въ тюрьмѣ. Это дѣло поставлено въ зависимость отъ болѣе или менѣе случайнаго притока пожертвованій частныхъ лицъ. Законъ возлагаетъ заботу о сооруженіи тюремныхъ церквей на попечительные о тюрьмахъ комитеты и отдѣленія ихъ. „Тюремные комитеты и отдѣленія должны заботиться о сооруженіи церквей при тѣхъ тюрьмахъ, гдѣ оныхъ не имѣется“, гласитъ ст. 227 уст. о сод. подъ стражей. Мало того. Законъ ревниво оберегаетъ въ данномъ смыслѣ интересы казны, ибо въ примѣчаніи къ той же статьѣ читаемъ: „потребныя на устроеніе сихъ церквей деньги употребляются изъ капитала, отъ добровольныхъ пожертвованій составляемаго, и вообще изъ суммъ, состоящихъ въ распоряженіи

тюремныхъ комитетовъ, не касаясь ни въ какомъ случаѣ тѣхъ суммъ, кои отпускаются на устройство и содержаніе тюремныхъ зданій изъ Государственнаго Казначейства“. Такимъ образомъ можетъ быть выстроено великолѣпное зданіе тюрьмы на очень большое число заключенныхъ, но . . . безъ церкви. Впослѣдствіи же, когда явятся добровольныя пожертвованія на это дѣло, церковь приходится *пристраивать* къ новому зданію, что не всегда удобно, да и суммы на это требуются большія. И такіе печальные казусы случаются нерѣдко.

Тюремные комитеты, какъ извѣстно, не обладаютъ особыми средствами для устройства и содержанія церквей. Это не тѣ же пожертвованія частныхъ лицъ. Но если тѣмъ или инымъ путемъ можно привлечь жертвователя на устройство церкви, то для содержанія ея требуется уже постоянный источникъ дохода. А это отыскать много труднѣе. Церковь можно содержать на церковные доходы отъ продажи свѣчей, просфоръ, кружечнаго сбора и т. д. Но для этого необходимо, чтобы богослуженіе совершалось возможно чаще и доступъ въ тюремную церковь былъ свободенъ для постороннихъ богомольцевъ. Такъ именно и стремятся поставить это дѣло тюремные комитеты, но это уже есть какъ бы обходъ закона или, вѣрнѣе сказать, тюремныхъ инструкцій. По разъясненію Тюремнаго вѣстника“ (1897 г., № 7) „церкви въ тюрьмахъ устраиваются специально для заключенныхъ, и свободный входъ въ нихъ постороннимъ лицамъ не дозволяется“. Такимъ образомъ, если устройство церкви зависитъ отъ частной благотворительности, то дальнѣйшее ея содержаніе находится въ зависимости отъ степени снисходительности и послабленія начальства въ строгомъ тюремномъ режимѣ. Вотъ, на какихъ устояхъ основывается у насъ въ тюрьмахъ центръ тяжести религіознаго воздѣйствія на заключенныхъ. Не лучше обстоитъ дѣло съ тюремными священниками. Если далеко не каждая даже большая тюрьма имѣетъ свою церковь, то далеко не при каждой такой церкви есть свой причтъ. Богослуженіе въ этихъ церквахъ совершаетъ по найму священникъ соборной или приходской церкви. Отслуживъ, онъ спѣшитъ въ свой приходъ, къ своему непосредственному дѣлу. Здѣсь, въ тюрьмѣ онъ не пастырь, онъ только наемникъ. Заключенные не видятъ его около себя, въ своей будничной обстановкѣ. Нѣтъ между ними близкаго непосредственнаго общенія, а безъ этого и невозможно благотворное духовное вліяніе,

Перехожу теперь къ вопросу о положеніи общеобразовательнаго

дѣла въ тюрьмахъ. Но объ этомъ придется очень немного говорить. Если удовлетвореніе религіозныхъ нуждъ заключенныхъ поставлено на случайную почву, то возбужденіе въ нихъ умственного интереса къ образованію не имѣетъ подъ собой никакой почвы. Школы, библіотеки, чтенія—объ этомъ недавно и помину не было въ тюрьмахъ. Насколько эти учрежденія *необычны* у насъ, видно ужъ изъ того факта, что пять лѣтъ тому назадъ специальная телеграмма во всѣхъ газетахъ оповѣстила читающій людъ, что въ Тобольской каторжной тюрьмѣ открыта *первая въ Сибири* библіотека для арестантовъ.

И не мудрено. Слишкомъ велика кора всяческихъ недоразумѣній, рутины и косности, облегающая наше тюремное дѣло, и всякой новой свѣжей струѣ приходится просачиваться сквозь нее съ большимъ трудомъ. Я наблюдаю три фактора, тормозящихъ развитіе въ тюрьмѣ общеобразовательнаго дѣла вообще, и въ частности библіотекъ. Первый факторъ заключается въ томъ, что устройство и содержаніе тюремныхъ школъ и библіотекъ предоставлено частнымъ лицамъ и обществамъ; стало быть элементъ случайности играетъ и здѣсь видную роль. Но это положеніе имѣетъ и другую дурную сторону. Вторженіе частныхъ лицъ съ какими бы то ни было намѣреніями во внутренней строй тюремной жизни, являясь нѣкоторымъ нарушеніемъ этого строя, очень часто встрѣчаетъ со стороны тюремной администраціи затрудненія и во всякомъ случаѣ недоброжелательство. Это второй факторъ, съ которымъ приходится считаться. Третій же заключается въ томъ, что до сихъ поръ нѣтъ ясныхъ, авторитетныхъ руководящихъ правилъ для устройства въ тюрьмахъ библіотекъ, школъ и чтеній. Все зависитъ отъ личнаго вкуса или взгляда на это тюремныхъ инспекторовъ или начальниковъ тюремъ. До сихъ поръ нѣтъ рекомендованнаго каталога книгъ для арестантскаго чтенія. Отъ этого происходитъ, что въ одномъ городѣ заключеннымъ не даютъ ничего, кромѣ книгъ священнаго писанія, въ другомъ же даютъ все, не исключая романовъ самаго пошлаго и соблазнительнаго содержанія. При этой неопредѣленности взглядовъ на составъ книгъ для арестантскаго чтенія трудно говорить о воспитательномъ значеніи существующихъ уже тюремныхъ библіотекъ.

Изъ всѣхъ видовъ общеобразовательнаго воздѣйствія на заключенныхъ—чтенія (часто сопровождаемыя свѣтовыми картинами) въ настоящее время имѣютъ наибольшее распространеніе въ тюрьмахъ. Это пріятно констатировать, какъ фактъ. Но все сказанное раньше

о бібліотекахъ приложимо и къ чтеніямъ. Отъ выбора матеріала чтеній зависитъ нравственное значеніе ихъ. Выборъ же этотъ не всегда бываетъ удаченъ и зависитъ часто отъ случайныхъ причинъ, какъ напримѣръ: какія картинки для волшебнаго фонаря найдутся сейчасъ подъ рукою.

Относительно же школъ тюремныхъ можно сказать лишь то, что ко всѣмъ перечисленнымъ выше препятствіямъ къ развитію этого дѣла присоединяются еще два: необходимость имѣть особое помѣщеніе для школы и необходимость оплачивать трудъ постояннаго учителя, а это весьма важно.

Вотъ и все, что можно было сказать о современномъ положеніи дѣла нравственнаго воздѣйствія на заключенныхъ. Итоги подвести не трудно. *Все* въ этой области неопредѣленно и неясно выражено, а очень многое и весьма важное—*случайно*. Такая шаткая колеблющаяся почва въ дѣлѣ такой важности сводитъ результаты этого дѣла до *minimum'a*. Дальше такъ продолжаться не можетъ. Если мы серьезно говоримъ о принудительномъ воспитаніи взрослыхъ заключенныхъ, если мы серьезно желаемъ, чтобы тюрьма была у насъ не звѣринцемъ, не школой разврата, а исправительнымъ учрежденіемъ, то мы не можемъ закрывать глаза передъ вопросомъ, давно уже назрѣвшимъ: какими же практическими средствами достигнуть того, чтобы наиболѣе полное нравственно-воспитательное воздѣйствіе на заключенныхъ было не пожеланіемъ только, не мечтой, не фикціей, а живой дѣйствительностью?

Я вѣрю, что ясный *ответъ* на этотъ жгучій, но неотложный, вопросъ *дастъ* въ ближайшемъ будущемъ *русская группа криминалистовъ*“.

По предложенію предсѣдателя, собраніе единодушными аплодисментами выразило отцу Г. И. Фудель свою благодарность за выслушанное сообщеніе.

М. В. Духовской напомнилъ собранію, что на сегодня назначенъ осмотръ членами съѣзда губернской тюрьмы, городского Рукавишниковскаго пріюта, судебно-медицинскихъ коллекцій института судебной медицины и музея при нервной клиникѣ.

По предложенію И. Я. Фойницкаго, собраніе единодушными аплодисментами выразило благодарность князю В. М. Голицыну, какъ своему предсѣдателю.

Засѣданіе закрыто въ 3 часа дня.

Въ 6¹/₂ час. вечера 6 апрѣля, въ залахъ ресторана Эрмитажъ, имѣлъ мѣсто товарищескій обѣдъ по подпискѣ членовъ съѣзда.

VI. Закрытие съезда.

(Засѣданіе 7 апрѣля).

Засѣданіе открыто въ 11 ч. утра подъ предсѣдательствомъ В. В. Микляшевскаго въ присутствіи 62 членовъ съезда.

И. Я. Фойницкій огласилъ формулированную Н. С. Таганцевымъ по порученію съезда редакцію постановленій съезда по вопросу объ условномъ досрочномъ освобожденіи, слѣдующаго содержанія:

„Третій Московскій съѣздъ русской группы международнаго союза криминалистовъ, вполне присоединяясь къ пожеланію, высказанному на второмъ съѣздѣ союза, о введеніи досрочнаго условнаго освобожденія заключенныхъ, находитъ, что примѣненіе такового было бы возможно на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Оно должно быть допущено по отношенію ко всѣмъ лицамъ, приговореннымъ къ лишенію свободы на срокъ не менѣе шести мѣсяцевъ.

2. Для примѣненія условнаго освобожденія необходимо:

а) чтобы приговоренный отбылъ не менѣе $\frac{2}{3}$ назначеннаго ему наказанія и во всякомъ случаѣ не менѣе шести мѣсяцевъ; для приговоренныхъ къ безсрочной каторгѣ ходатайство объ освобожденіи можетъ быть возбуждено по истеченіи десяти лѣтъ;

б) чтобы приговоренный заслуживалъ таковое своимъ хорошимъ поведеніемъ, свидѣтельствующимъ о возможности примѣненія къ нему смягченія названныхъ наказаній;

в) чтобы приговоренный, по объясненіи ему послѣдствій условнаго освобожденія, выразилъ свое согласіе на примѣненіе къ нему такового.

3. Ходатайство о примѣненіи условнаго освобожденія можетъ быть предъявлено или: а) комиссіею изъ должностныхъ лицъ мѣста заключенія осужденнаго, въ составъ коей входятъ: начальникъ заведенія или его помощникъ, тюремный священникъ, тюремный врачъ, завѣдующій или руководящій тюремными работами, лицо прокурорскаго надзора, завѣдующее мѣстомъ заключенія и два члена попечительства надъ мѣстомъ заключенія; или:

б) лицомъ прокурорскаго надзора, завѣдующаго мѣстомъ заключенія; или:

в) мѣстнымъ обществомъ патроната.

4. Обсужденіе мотивированнаго ходатайства, по собраніи, буде

потребуется, дополнительныхъ свѣдѣній, принадлежитъ суду, ближайшему къ мѣсту заключенія, въ особо установленномъ для сего порядкѣ.

5. Въ случаѣ отклоненія ходатайства оно можетъ быть возобновлено, если представляются къ сему достаточныя основанія.

6. Досрочное условное освобожденіе можетъ быть прекращено по опредѣленію суда, ближайшаго къ мѣсту пребыванія освобожденнаго, по представленію прокурорскаго надзора или мѣстнаго общества патроната, въ случаѣ удостовѣреннаго ими дурнаго поведенія освобожденнаго, лишаящаго его права пользоваться досрочнымъ освобожденіемъ.

7. Возвращеніе освобожденнаго вслѣдствіе его дурнаго поведенія можетъ быть въ теченіе всего срока, на который онъ былъ условно освобожденъ.

8) Возвращенный отбываетъ назначенное ему судомъ наказаніе безъ зачета времени, проведеннаго имъ на свободѣ“.

Эта редакція утверждена собраніемъ единогласно.

Затѣмъ *В. В. Микляшевскій* напомнилъ, что съѣзду предстоитъ рассмотретьъ крайне жизненный и существенный вопросъ объ организаціи мѣстныхъ обществъ патроната и о бюро при группѣ. По этому предмету въ комиссію поступила записка одного изъ членовъ съѣзда и замѣчанія члена Кіевской судебной палаты г. Шимановскаго. По вопросу о бюро комиссія, за недостаткомъ времени для его разработки, полагала бы возложить на комитетъ группы функціи онаго, сносясь съ представителями существующихъ обществъ патроната и другихъ специалистовъ. Комиссія полагала бы уполномочить комитетъ представить нормальный уставъ на утвержденіе правительства. Это предложеніе комиссіи, доложенное *В. В. Микляшевскимъ*, принято съѣздомъ.

По предложенію *И. Я. Фойницкаго*, постановлено: нормальный уставъ по отдѣльнымъ параграфамъ не разсматривать, а остановиться на тѣхъ измѣненіяхъ, которыя внесены въ уставъ, напечатанный въ № 13 бюллетеня группы комисіи.

В. В. Микляшевскій доложилъ главныя измѣненія, внесенныя въ проектъ комиссіею, которою исключены комитеты, увеличенъ минимальный составъ правленія, для дѣйствительности его постановленій опущено право одного члена имѣть нѣсколько голосовъ при условіи нѣсколькихъ денежныхъ взносовъ, внесено постановленіе, что уставы мѣстныхъ обществъ утверждаются губернаторами, внесено право обществъ пріобрѣтать недвижимость.

П. П. Юшневскій находить затруднительнымъ требовать присутствія 5 членовъ правленія.

И. Я. Фойницкій предложилъ: вопросъ объ исключеніи комитетовъ не рѣшать окончательно, а предоставить его еще обсужденію комитета группы совмѣстно съ представителями обществъ патроната.

Д. А. Дрилль полагалъ необходимымъ разрѣшить этотъ практической вопросъ въ настоящемъ засѣданіи, гдѣ присутствуютъ представители многихъ обществъ патроната.

Н. С. Кашкинъ высказался за исключеніе комитетовъ.

М. Н. Гернетъ полагалъ, что изъ проекта нормальнаго устава должно быть исключено требованіе, включенное во 2 ст. устава, а именно: услуги обществъ патроната оказываются лишь тѣмъ вышедшимъ изъ мѣстъ заключенія, которые согласятся пользоваться этими услугами въ теченіе одного года. Основаніе къ этому онъ видитъ въ томъ, что у обществъ патроната не будетъ никакихъ средствъ принудить первоначально согласившагося, а потомъ отказавшагося допользоваться услугами патроната въ теченіе остающагося до 1 года времени.

Л. С. Бьлогрицъ-Котляревскій предложилъ отложить окончательное утвержденіе проекта нормальнаго устава и поручить это дѣло комитету группы.

И. Я. Фойницкій просилъ, хотя бы въ принципѣ, высказаться за проектъ устава *В. В. Микляшевскаго* съ измѣненіями, внесенными въ него комисіею, но съ тѣмъ, чтобы комитетъ, по обсужденіи его съ представителями обществъ патроната, могъ внести въ него необходимыя измѣненія. Введеніе комитета очень бы осложнило организацію обществъ. Надо вопросъ о комитетахъ оставить открытымъ и разрѣшеніе его предоставить комитету.

В. В. Микляшевскій полагалъ, что замѣчанія *М. Н. Гернета* существа дѣла не касаются. Съѣздъ долженъ довѣрить комитету окончательное разсмотрѣніе и установленіе редакціи устава при участіи специалистовъ и представителей существующихъ обществъ патроната, а нынѣ одобрить лишь основные принципы нормальнаго устава.

Предложеніе *В. В. Микляшевскаго* принято съѣздомъ.

По предложенію *В. В. Микляшевскаго* съѣздъ единодушно выразилъ благодарность предсѣдательницѣ комисіи княгинѣ *А. А. Ливенъ*.

Предсѣдательствованіе принялъ на себя *И. Я. Фойницкій* и предложилъ благодарить *В. В. Микляшевскаго* за его руководство трудами съѣзда по разработкѣ вопроса о патронатѣ.

Съѣздъ громкими рукоплесканіями г.г. членовъ выразилъ свою благодарность *В. В. Микляшевскому*.

В. В. Микляшевскій, благодаря съѣздъ за вниманіе, выразилъ горячее пожеланіе быстрого роста дѣлу патроната въ Россіи.

М. В. Духовской произнесъ рѣчь памяти *А. Д. Ровинскаго* (по окончаніи громкіе аплодисменты).

И. Я. Фойницкій предложилъ приступить къ избранію должностныхъ лицъ русской группы, при чемъ отъ имени комитета просилъ увеличить число членовъ ревизіонной коммисіи до пяти. Избранію подлежатъ два члена комитета на открывшіяся вакансіи. Въ качествѣ кандидатовъ можно указать *В. Д. Набокова* и *А. В. Витте*.

М. В. Духовской предложилъ просить вновь *С. К. Гогеля* и *А. К. Вульфферта*, присутствующихъ въ засѣданіи, остаться въ составѣ Комитета.

Послѣ 10 минутнаго перерыва *М. В. Духовской* заявилъ, что *А. К. Вульфферта* въ собраніи нѣтъ, а *С. К. Гогель* безусловно отказался.

С. К. Гогель благодарить съѣздъ и просить выбрать кандидатовъ *И. Я. Фойницкаго*.

И. Я. Фойницкій заявилъ, что *С. К. Гогель* отказался въ виду другихъ своихъ занятій, но если бы онъ могъ остаться въ составѣ комитета, конечно, такой исходъ былъ бы самымъ лучшимъ. Равнымъ образомъ, и участіе въ комитетѣ *А. К. Вульфферта* было для комитета весьма полезно, и оба эти лица вполне заслуживаютъ благодарность собранія.

В. В. Микляшевскій предложилъ благодарить *А. К. Вульфферта*

А. А. Пюнтковскій просилъ комитетъ намѣтить кандидатовъ въ члены ревизіонной коммисіи.

И. Я. Фойницкій указалъ кандидатовъ въ члены ревизіонной коммисіи: г.г. *Жижиленко*, *Казарина*, *Чубинскаго*, *Сліозберга*, *Боровитинова*, *Яковлева*.

Н. В. Баснинъ предложилъ произвести всѣ выборы закрытою баллотировкою.

В. В. Пржевальскій указалъ, что въ практикѣ всѣхъ общественныхъ собраній принято производить выборы закрытой баллотировкой, если того пожелаетъ хотя бы одинъ изъ присутствующихъ членовъ.

Л. Е. Владиміровъ полагалъ, что комитетъ долженъ быть составленъ посредствомъ выборовъ закрытою баллотировкою.

В. В. Микляшевскій находилъ, что выборы записками бывають лишь въ вопросахъ экономическихъ и просилъ спросить объ этомъ собраніе.

И. Я. Фойницкій объявилъ, что выборы будутъ произведены закрытою баллотировкою, и пригласилъ г.г. членовъ съѣзда подать записки.

Затѣмъ *И. Я. Фойницкій* сообщилъ съѣзду о темахъ, намѣченныхъ для будущихъ съѣздовъ, и предложилъ работы по нимъ представлять въ комитетъ.

Съѣздъ постановилъ: въ программу будущихъ съѣздовъ внести вопросы: I) по предложенію А. А. Пюнтковскаго—о подробностяхъ условнаго осужденія. II) По его же предложенію—о вознагражденіи потерпѣвшаго. III) По предложенію А. А. Жижиленко—о мѣрахъ поднятія уровня тюремнаго персонала. IV) О вызываемыхъ отмѣною ссылки мѣрахъ противъ рецидивистовъ. V) О примѣненіи системы Эльмиры къ взрослымъ преступникамъ.

И. Я. Фойницкій предложилъ въ 1902 г. съѣзда русской группы не устраивать въ виду предстоящаго въ томъ году международнаго съѣзда въ Петербургѣ, а во время послѣдняго устроить собраніе группы для разрѣшенія административныхъ и хозяйственныхъ вопросовъ.

Собраніе единогласно приняло это предложеніе.

А. А. Жижиленко прочелъ сообщеніе о законѣ 10—12 іюня 1900 г. объ отмѣнѣ ссылки ¹⁾, которое вызвало единодушные аплодисменты.

М. В. Духовскимъ оглашены результаты выборовъ записками, при чемъ оказались избранными: въ члены комитета: В. Д. Набоковъ—38 голос., А. В. Витте—35 голос., въ члены ревизіонной коммисіи: А. А. Жижиленко—37 голос., М. П. Чубинскій—35 голос., М. М. Казаринъ—35 голос., Г. Б. Слѣзбергъ—31, М. М. Боровитиновъ—27 голосовъ.

И. Я. Фойницкій предложилъ выразить благодарность съѣзда: представителямъ города, университета (аплодисменты), предсѣдателямъ, вице-предсѣдателямъ, секретаріату (аплодисменты), Московской подготовительной коммисіи въ лицѣ М. В. Духовскаго, Н. В.

¹⁾ Напечатано въ Журналѣ „Право“ 1901 г., №№ 20 и 21, стр. 1022 и сл., 1059 и слѣд.

Давыдова и В. В. Пржевальскаго (аплодисменты), докладчикамъ, ораторамъ и всѣмъ поработавшимъ на съѣздѣ (аплодисменты).

Затѣмъ Предсѣдатель группы *И. Я. Фойницкій* сказалъ слѣдующую заключительную рѣчь:

„Г.г. Третій съѣздъ русскихъ криминалистовъ закончилъ свою дѣятельность. Подведемъ ему итоги.

Криминалисты въ доброе старое время отвѣчали названію и понятію кнутабойцевъ. Они считали своимъ непремѣннымъ назначеніемъ служить идеѣ устрашенія, гордились безпровѣрочнымъ примѣненіемъ ея и въ своей средѣ считались старшинствомъ по числу постановленныхъ ими смертныхъ приговоровъ. Колоссальна эволюція, совершившаяся въ уголовной области къ нашимъ днямъ, и всего нагляднѣе свидѣтельствуетъ о характерѣ ея заканчиваемый съѣздъ.

Главнѣйшее наше вниманіе было посвящено двумъ вопросамъ, внесеннымъ въ программу: о патронатѣ освобожденнымъ отъ заключенія и о подробностяхъ организаціи условнаго досрочнаго освобожденія. Постановкою и рѣшеніемъ cadaго изъ нихъ съѣздъ стремился къ возможному облегченію участи осужденнаго, при чемъ въ основаніи такого стремленія лежало твердое убѣжденіе въ томъ, что забота о благѣ наказываемаго необходима въ интересахъ самаго карающаго государства и общества, среди котораго ему приходится жить.

Звучали при этомъ также мотивы чистой филантропіи, но истинные интересы государства и общества ни разу не были нарушены сужденіями и постановленіями съѣзда.

Тотъ же тонъ политико-филантропическаго направленія проходилъ и черезъ всѣ другія работы съѣзда. Въ первый день мы чествовали память д-ра Гааза, Рукавишникова Николая и Ровинскаго, имя которымъ—человѣколюбцы. Докладъ Д. А. Дриля о примѣненіи идеи принудительнаго воспитанія къ взрослымъ, подчеркивая необходимость дальнѣйшаго сообразованія употребляемыхъ средствъ наказанія съ преслѣдуемою ими цѣлью, намѣтилъ идею исправительно-воспитательныхъ учрежденій для несовершеннолѣтнихъ, какъ готовый уже идеаль карательной системы будущаго. П. И. Астровъ занялъ мѣсто на эстрадѣ не для того, чтобы вызывать громы уголовной репрессіи, а чтобы умѣрять ихъ, и совѣтовалъ поставить послѣднюю на основѣ разумности и гуманности. Рѣчи Л. Е. Владимірова и П. И. Ковалевскаго, при нѣкоторыхъ увлеченіяхъ, объяснимыхъ у новаторовъ, можно бы охарактеризировать однимъ motto, именно изъ Гете: свѣту, побольше свѣту въ дѣлахъ уголовныхъ. Изящная по

формѣ и высокая по содержанію рѣчь отца Іосифа Фуделя окончательно подчеркнула это общее политико-филантропическое направленіе съѣзда. Двѣ руководящія мысли красною нитью проходятъ по программѣ дѣятельности 3 съѣзда: благо личное, какъ средство достиженія блага общаго; путь воспитанія свободою для доставленія возможности мудраго пользованія благами свободы.

Разставаясь съ Москвою, мы должны благодарить ее за радушіе, за прекрасную подготовку съѣзда, за внимательное отношеніе къ съѣзду и дѣятельное участіе въ его трудахъ. Не можемъ умолчать о томъ корректномъ и объективномъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сочувственномъ отношеніи, которое мы видѣли и со стороны московской печати.

Кончая сегодня нашу работу въ Москвѣ, мы должны готовиться къ Высочайше разрѣшенному международному съѣзду криминалистовъ въ С.-Петербургѣ, куда и приглашаемъ васъ. Главная наша работа должна происходить въ кабинетахъ, при условіи спокойнаго труда ея, только результатами мы обмѣниваемся на нашихъ собраніяхъ, но этотъ обмѣнъ, содѣйствуя нашему сближенію, вмѣстѣ съ тѣмъ помогаетъ и выясненію для каждаго участника разныхъ сторонъ поставленныхъ вопросовъ.

Имѣю честь объявить третій съѣздъ русскихъ криминалистовъ закрытымъ“.

По предложенію М. В. Духовского съѣздъ выразилъ благодарность И. Я. Фойницкому единодушными аплодисментами.

Съѣздъ закрытъ въ 2 ч. 30 м. дня.

Предсѣдатель Съѣзда *Н. С. Таганцевъ*.

Предсѣдатель Группы *И. Я. Фойницкій*.

Секретари съѣзда: { *В. Пржевальскій.*
Н. Ржондковскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Страницы:
I. Открытіе съѣзда. (Засѣданіе 4 апрѣля) . . .	3
II. О мѣрахъ содѣйствія развитію патроната въ Россіи	
Вечернее засѣданіе 4 апрѣля	31
Засѣданіе 5 апрѣля	70
III. Психологическое изслѣдованіе на судѣ уго- ловномъ. (Засѣданіе 5 апрѣля)	85
IV. Досрочное условное освобожденіе	
Вечернее засѣданіе 5 апрѣля	93
Утреннее засѣданіе 6 апрѣля	124
V. Сообщенія П. И. Астрова и о. І. И. Фудель	
Засѣданіе 6 апрѣля	143
VI. Закрытіе съѣзда.	
Засѣданіе 7 апрѣля	152

ПОПРАВКИ.

Стран.: Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
4	5 и сл. сверху	74 членовъ русской группы ¹⁾ и многочисленной публики.
„	18 снизу	Н. В. Баснинъ, о. І. И. Фудель,
„	16 „	кн. В. М. Голицынъ, Н. В. Волковъ,
61	9 „	, къ которому
69	2 „	этого вопроса
74	17 „	въ Испаніи
158	17 сверху	труда ея, только
„	подписи подъ журналомъ:	Предсѣдатель Съѣзда: <i>Н. С. Таганцевъ</i>
		Предсѣдатель Группы: <i>И. Я. Фойницкий.</i>
		Секретари Съѣзда: <i>В. Пржевальскій</i> <i>Н. Ржондковскій.</i>
		Предсѣдатели Съѣзда: <i>Н. Таганцевъ.</i> <i>К. Руквишниковъ</i> <i>Князь В. Голицынъ</i>
		Предсѣдатель Группы: <i>И. Я. Фойницкий.</i> Кандидатъ Предсѣдателя: <i>М. В. Духовской.</i>
		Секретари Съѣзда: <i>В. Пржевальскій.</i> <i>Н. Ржондковскій.</i> <i>М. Гернетъ.</i>

INDEX

Page

1. 1

2. 2

3. 3

4. 4

5. 5

6. 6

7. 7

8. 8

9. 9

10. 10

11. 11

12. 12

13. 13

14. 14

15. 15

16. 16

17. 17

18. 18

19. 19

20. 20

21. 21

22. 22

23. 23

24. 24

25. 25

26. 26

27. 27

28. 28

29. 29

30. 30

31. 31

32. 32

33. 33

34. 34

35. 35

36. 36

37. 37

38. 38

39. 39

40. 40

41. 41

42. 42

43. 43

44. 44

45. 45

46. 46

47. 47

48. 48

49. 49

50. 50

51. 51

52. 52

53. 53

54. 54

55. 55

56. 56

57. 57

58. 58

59. 59

60. 60

61. 61

62. 62

63. 63

64. 64

65. 65

66. 66

67. 67

68. 68

69. 69

70. 70

71. 71

72. 72

73. 73

74. 74

75. 75

76. 76

77. 77

78. 78

79. 79

80. 80

81. 81

82. 82

83. 83

84. 84

85. 85

86. 86

87. 87

88. 88

89. 89

90. 90

91. 91

92. 92

93. 93

94. 94

95. 95

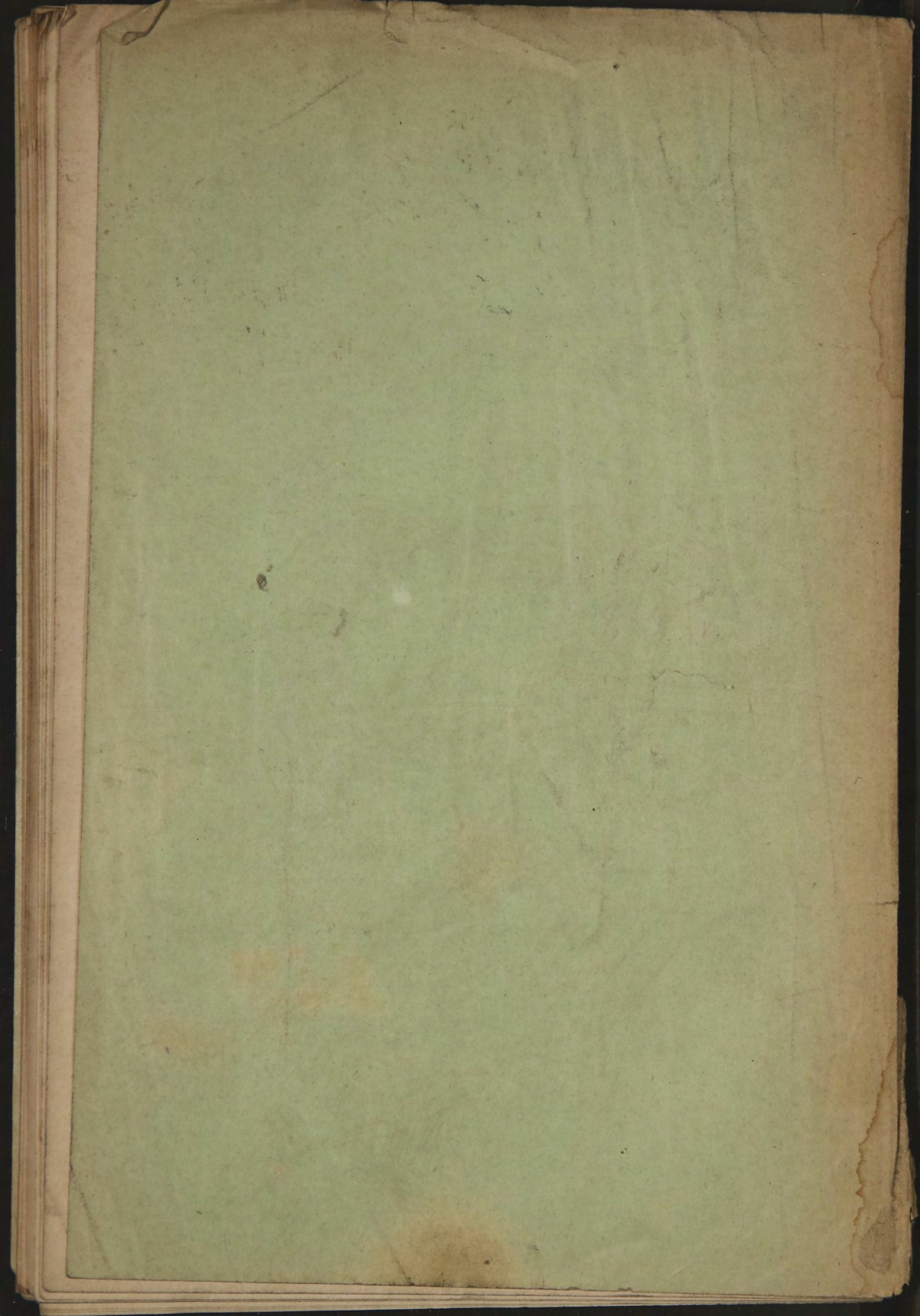
96. 96

97. 97

98. 98

99. 99

100. 100

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY